

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ
БАЖОВ

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БАЖОВ

Сборник статей и воспоминаний

МОЛОТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОЛОТОВ — 1955

Редактор-составитель
К. В. Рождественская

К. Боголюбов

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БАЖОВ

(Жизнь и творчество)

В книге «Малахитовая шкатулка» есть изумительный по глубине мысли, поэтической красоте и задушевности сказ «Каменный цветок». В нем идет речь о горном мастере Даниле с его вдохновенной мечтой — «полную силу камня самому поглядеть и людям показать». Ищет Данила воплощения своей мечты, ищет создания совершеннейшей красоты и находит её в подземных чертогах Медной горы Хозяйки. Это — каменный цветок. Но холодно и пусто в полупустом дворце, холодно и пусто на душе у мастера, и уводит он из подземных владений хозяйки к людям, к живой жизни с ее радостями и горем, с ее борьбой и трудом. Ведь истинная красота — это красота жизненной правды, истинное искусство всегда народно и глубоко человеческо, и настоящий художник — тот, кто кровно связан с народом. Вот к какому выводу зовет читателя автор своим замечательным сказом.

Таким художником был сам Павел Петрович Бажов, народный писатель, изумительный мастер слова.

Его родина — Урал, Сысертский завод, бывшая вотчина помещиков-заводчиков Турчаниновых и Соломировских. Здесь 28 января 1879 года в семье рабочего puddлинно-сварочного цеха родился сын, будущий писатель. Детство свое он провел в обстановке обычной рабочей семьи, неразлучной с нуждой и заботами о хлебе насущном. С детства приучился он уважать труд и людей труда. Полюбил он и суровую красоту природы горного Урала.

Недаром же он вырос в одном из самых поэтических уголков родного края. Жил он и в Полевском заводе, где в окрестностях возвышались овсянные легендами Думная и Азов-гора, а неподалеку находился старинный Гумёшевский рудник—одно из богатейших месторождений медного колчедана и малахита. Возле караулки на Думной горе у вечернего костра еще мальчиком слушал Бажов сказы старика караульного — дедушки Хмелинина. С детства впитал он поэзию народного творчества, научился ценить красоту и силу народной речи.

Учился он, по его словам, на «потовую копеечку», к десяти годам окончил заводскую школу, затем поступил в Екатеринбургское духовное училище. Учить сына в гимназии у отца-рабочего не хватало средств. По этой же причине пришлось продолжать образование в Пермской духовной семинарии. Желая все свои силы и знания отдать народу, Бажов становится педагогом. Учителем он сначала в деревне Шайдурихе, около Невьянского завода, но вскоре пришлось оставить школу; молодой учитель отказался преподавать закон божий. С 1899 года Бажов преподавал в средних учебных заведениях Екатеринбурга, а затем — Камышлова — русский язык. Летние отпуска он обычно использовал для поездки по Уралу. Ходил по деревням, собирал «побаски», меткие народные поговорки и присловья. Уже в эти годы пробудился в нем живой интерес к народному творчеству.

Великая Октябрьская революция застала Баждова в Камышлове. Как верный сын народа он с первых же дней революции принял самое активное участие в общественной жизни Камышлова. Когда организовался Камышловский Совет рабочих и крестьянских депутатов, Бажов был избран комиссаром по просвещению и редактором газеты. В 1918 году он вступает в ряды Коммунистической партии.

Началась гражданская война, и коммунист Бажов уходит добровольцем в Красную Армию. Он становится редактором дивизионной газеты «Окопная правда», участвует в партизанском движении в Сибири. С отрядом партизан вступает он в освобожденный от колчаковцев Усть-Каменогорск, где избирается секретарем городского, а затем уездного комитета партии. И всюду, на каком бы посту не находился Бажов, он оправдывал доверие партии.

Вскоре он возвращается на Урал. Здесь Бажов снова и на долгие годы берется за перо журналиста. Вначале он редактирует в Камышлове газету «Новый путь», а с 1923 года переезжает в Свердловск, где длительное время работает в отделе писем областной «Крестьянской газеты» и одновременно сотрудничает в уральских журналах: «Товарищ Терентий», «Уральская новь», «Колос». В качестве газетного корреспондента ездит он по области, наблюдая изменения в экономике и быту родного Урала. На его глазах рушится старое, восстанавливаются и реконструируются горные заводы, начинается строительство новых заводов-гигантов социалистической индустрии. Изменяется и облик уральской деревни, появляются первые колхозы, строятся гидроэлектростанции, в деревню идут тракторы. На глазах Бажова старый Екатеринбург превращается в мощный, культурный и промышленный центр. На том месте, где шумели сосны, вырастает «завод заводов» Уралмаш. Верх-Исетский завод первый в Советском Союзе осваивает производство трансформаторной стали.

Стремление активно участвовать в строительстве новой жизни — вот что явилось основной причиной, породившей литературные произведения Бажова. Писатель-большевик становится пропагандистом нового, рождающегося у него на глазах.

Он шел в литературу от газетной работы, от непосредственных наблюдений над жизнью, от фактов. В 1924 году выходит из печати первая книга его очерков «Уральские были». В 1926 году печатается очерк «К расчету». В том же году появляется отдельной книжкой повесть «За советскую правду», в 1930 году — книга очерков «Пять ступеней коллективизации», в 1934 и 1936 годах — книга «Бойцы первого призыва», посвященная истории гражданской войны на Урале.

Наконец, в 1939 году выходит знаменитая книга сказов «Малахитовая шкатулка», удостоенная в 1953 году Сталинской премии.

Первое издание заключало в себе 14 сказов, в последнем при жизни автора их уже 42 (Свердлгиз, 1949 г.). На протяжении десяти лет «Малахитовая шкатулка» из года в год пополнялась сказами. Одновременно Бажов выступает и как детский писатель. В 1940 году отдельным изданием выходит повесть для детей «Зеленая кобылка», в 1949 году — повесть «Дальнее — близкое».

В годы Великой Отечественной войны писатель создает свои сатирические «Сказы о немцах», включающие в себя сказы о старинном русском мастерстве. В 1944 году, в связи с 65-летием со дня рождения, Бажов был награжден орденом Ленина «За выдающиеся заслуги в области художественной литературы и в деле собирания уральского фольклора», а через два года трудящиеся Красноуфимского избирательного округа избрали его депутатом Верховного Совета СССР.

Большую и прекрасную жизнь прожил Павел Петрович Бажов, народный писатель-коммунист, поэт и мыслитель, журналист и государственный деятель, историк и краевед.

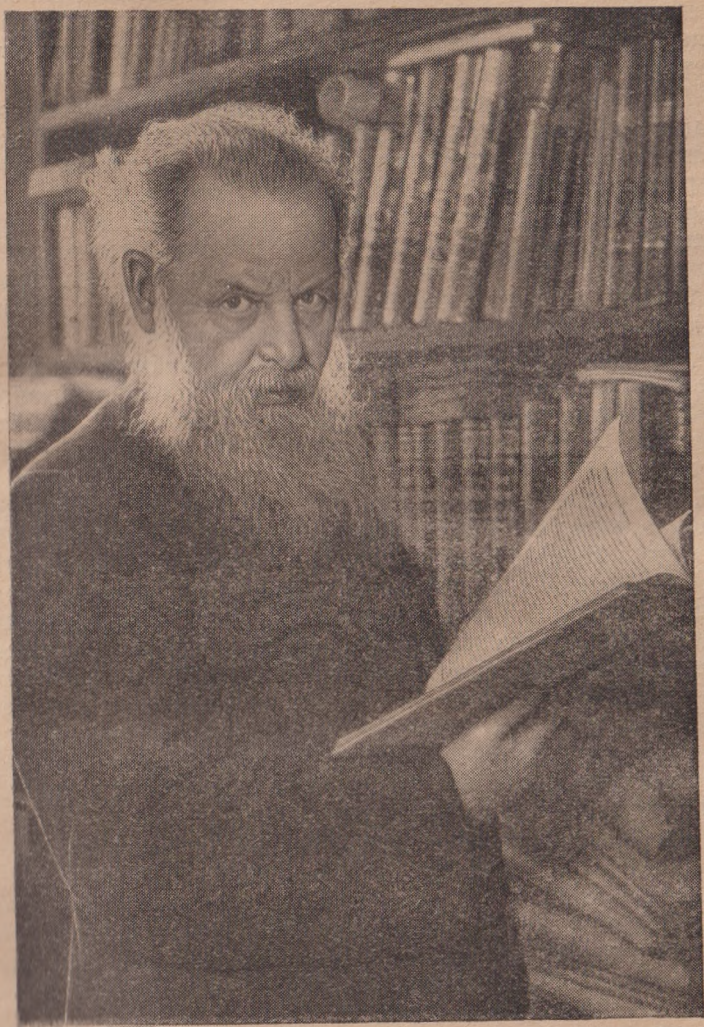
С 1940 года Павел Петрович возглавлял Свердловскую литературную организацию. Много внимания уделял он подготовке новых писательских кадров, в первую очередь из среды молодежи. Он являлся настоящим воспитателем советских писателей Урала, уча их активному отношению к жизни, работе над повышением идейно-теоретического уровня, живинке в творческом деле.

— Надо смотреть марксистским глазом, — не раз говорил он.

Как писатель-коммунист он никогда не отрывался от народа. Привычно было видеть в президиуме собрания, в беседах с людьми самых различных профессий знакомое старческое лицо, с патриархальной седой бородой, с внимательным и спокойным взглядом серых глаз. Со всеми он был одинаково прост и приветлив. Кто слышал его выступления, не забудет их своеобразия. Его доклады не являлись докладами в общепринятом смысле этого слова — это были душевные беседы, глубокие по содержанию и красочные по языку. Политическая мысль облекалась у него в плоть и кровь художественных образов.

Деятельность его была многогранна. Очень интересовался Павел Петрович вопросами истории своего края. Он открывал первую научную конференцию, посвященную 225-летию Екатеринбурга-Свердловска. Был он и краеведом, на протяжении многих лет изучавшим экономику и быт Урала, его географию и этнографию, горную промышленность и лесное хозяйство, камнерезное искусство и устную народную поэзию.

Бажов скончался 3 декабря 1950 года. 10 декабря в Свердловске состоялись похороны. Десятки тысяч людей

Павел Петрович дома (1950).

проводжали в последний путь творца «Малахитовой шкатулки».

На цоколе временного памятника над могилой Бажова высечены мудрые слова покойного писателя: «Работа — она штука долговекая. Человек умрет, а дело его останется».

Литературное наследие Бажова богато и разнообразно как по тематике, так и по жанрам. Мы встретим у него повесть и очерк, сказ и рецензию, рассказ и статью. О чем бы ни писал Бажов, он никогда не оставался равнодушным. Каждая страница его произведений проникнута активным отношением к жизни. С чувством гордости за советского человека писал он о тружениках Урала, пером публициста и художника боролся за великое дело Коммунистической партии.

Творческий метод Бажова — метод социалистического реализма. Его творческий путь — это путь непрерывного роста, движения вперед, дальнейшего развития и углубления идей и образов. Этот путь роста органически связан с ростом развитием всей нашей литературы. Неслучайно то, что расцвет творчества писателя-уральца мы наблюдаем в эпоху пятилеток, когда советская литература обогатилась такими художественными произведениями, как «Тихий Дон» Шолохова, «Петр I» А. Толстого, «Цусима» Новикова-Прибоя и другими всемирно известными произведениями. «Малахитовая шкатулка» открывала еще одну яркую страницу в истории нашей литературы. Павел Петрович Бажов известен миллионам читателей прежде всего как создатель бессмертной книги рабочих сказов. «Малахитовая шкатулка» — вершина его творчества. Но этой книге предшествовала огромная подготовительная работа, многолетний творческий путь.

Рассмотрим вкратце этапы и характер этого пути.

В статье, написанной в 1913 году и посвященной Мамину-Сибиряку, Бажов отмечает реализм как сильнейшую сторону творчества писателя. Он указывает на «редкую изобразительность» и «богате́йший лексикон народного языка, полный метких слов», на любовь к жизни.

«Какие бы темные стороны жизни ни изображал Мамин, — писал он, — в его рассказах чувствуется яркое солнце, вольная ширь, радость бытия, бодрость, вера в силы человека и его будущее».

Эта оценка творчества певца старого Урала в какой-то степени заключила в себе и литературный идеал самого Бажова.

Его литературная работа началась непосредственно после Великой Октябрьской революции. Очень жаль, что пока еще не собраны его ранние произведения, в частности, статьи, помещенные в «Окопной правде». Этот период творческой деятельности Бажова был по преимуществу публицистическим. Основная литературная деятельность его как писателя началась с 1924 года, когда вышла из печати первая книга его очерков «Уральские были».

Период творчества Бажова до создания «Малахитовой шкатулки» отличался исключительным разнообразием тематики и жанров. Много произведений этого периода посвящено теме современности. Мы видим здесь Бажова-журналиста, Бажова-краеведа, Бажова-историка и экономиста. Это годы творческих исканий. Вот почему рядом с очерками об уральском заводе и уральской деревне мы встречаем здесь и повесть «За советскую правду», и начало романа «Через межу», и рассказы об уральской деревне, и историко-революционное исследование. Все это свидетельствовало об исключительной многогранности таланта Бажова.

Огромную подготовительную работу проделал он, прежде чем стал автором знаменитой «Малахитовой шкатулки». Еще в 20-х годах им написан был сказ «Про водолазов», это описание в духе народной сатиры пресловутого картофельного бунта и вместе с тем первая попытка перейти к новому жанру. Основное же, что отличает период творчества Бажова с 1924 по 1939 год, — это острое внимание к теме классовой борьбы и строительства нового мира. Написанные им в этот период очерки, рецензии, повести и рассказы вошли в сборник «Уральские были», подготовленный самим Бажовым незадолго до смерти. Таким образом, книге его ранних произведений суждено было стать его последней книгой.

Характерно для этих лет большое количество публицистических выступлений. Публицистика же составляла единое органическое целое со всем его художественным творчеством.

Уже в этот период Бажов проявлял глубокий интерес к теме труда и людям труда. Большевицкая идейность, партийное отношение к действительности, страстная

заинтересованность в судьбах своего края — черты, которые рельефно выступают в творчестве Бажова в этот период, черты, характерные и для всей его последующей литературной деятельности.

С первых же лет своей литературной деятельности он освещает темы значительные и нужные. Такова, например, тема прошлого горных заводов, развернутая в книге «Уральские были».

Уже сам заголовок говорит об идейном задании автора — рассказать правду о жизни уральских рабочих до революции. Полемизируя с взглядами буржуазных историков и экономистов, слагавших дифирамбы «благодетелям», Бажов нарисовал истинную картину положения рабочих и отношения к ним «благодетелей» — Турчаниновых и Соломирских.

Глава «Сысертские заводы» включает характеристику экономики одного из крупных горнозаводских округов Урала. Автор выступает здесь во всеоружии экономических знаний.

В тоне едкой сатиры пишет он о «барах». Каждому дается выразительная характеристика, пересыпанная солью народного юмора.

Остроумно высмеяны хозяйственные затеи барыни, вроде индюшечьего завода. «Развалины огромных оранжерей, где выращивали фрукты юга, были, пожалуй, самым подходящим памятником семейке Турчаниновых», — добавляет Бажов.

В главе «Заправилы» эта портретная галерея пополняется не менее выразительными фигурами заводских управителей. Один из них Палкин — бывший «караванный», «детина саженого роста с зычным голосом». Ему даже прозвища не дали, считая, что фамилия с успехом заменяет кличку. Не менее ненавистны были рабочим и «Воробушек», который «ни шиша не понимал» в заводском деле, и Мокроносов, призванный «спасать» заводы. Этот поставил задачей безудержную экономию во всем, кроме владельческих доходов: рабочим стали платить 35—40 копеек вместо рубля.

С негодованием писал Бажов о своре хищников, выживавших последние соки из мастеровых. Зато с какой любовью, с каким уважением говорил он о заводских тружениках — о мастеровых, о приисковых, о «спичечниках» и кустарях.

Точными, запоминающимися штрихами изображал он с детства знакомый заводской быт. И здесь тот же ряд портретов, написанных с натуры.

Вот заводские старики, бывшие когда-то рабочими. «Яркокрасные пятна на высохшем лице всё еще напоминали о тяжелой «огневой» работе, в которой такой старик нищий пробыл не один десяток лет и теперь во славу сысертских владельцев шамкал: «Подайте, Христа ради!».

Запоминается и заводской разбойник Агапыч. За ним числятся большие дела, заводское население укрывает его, его именем пугают начальство. А этот страшный разбойник с тоской жалуется приятелю: «Не могу я, Данилыч, без дела. Ну, кормят меня, поят — спасибо. А вот дела никто дать не может. А без дела как?..»

С еще большей симпатией нарисована фигура талантливого самородка поэта-столяра Медведева, по прозвищу Мякина. Об его импровизациях Бажов отзывался, как о проявлении глубокого и самобытного дарования.

«Это было творчество грубое по замыслу, яркое по обилию образов и тонкое по отделке деталей. Редкая легкость стиха была изумительна. Песня, каждый раз новая, лилась спокойно, уверенно, как будто она давалась в давно знакомых заученных тонах.

Жаль, что этот редкий юморист-импровизатор ушел от жизни с тем, что он не более, как заводской столяр Мякина, пьяные выходки которого смешили соседей».

«Уральские были» — итог многолетних наблюдений за жизнью родного завода. Историческая правда сливается здесь с правдой художественной. Сохраняя значение историко-революционного труда, книга эта включает в то же время идейно-тематические подступы к созданию сказов «Малахитовой шкатулки» — этой вершины творчества Бажова. Их роднит обличительная трактовка «заправил» и «барских подлокотников», непримиримая ненависть к эксплуататорскому строю и горячая симпатия к труженикам. Люди труда являются здесь носителями высоких моральных качеств, ума, энергии, талантливости. Роднит обе книги и язык, который «блестит юмором, сверкает веселой рябью народного говорка».

Если «Уральские были» освещали вчерашний день рабочего класса, то повесть «За советскую правду» являлась попыткой дать художественное обобщение недавних

событий гражданской войны. И здесь писатель отталкивался от реальных фактов, от виденного и пережитого. «Здесь нет выдумки, — писал он в предисловии, — даже не изменены названия мест и действующих лиц».

Будучи сам активным участником борьбы за советскую правду, Бажов живо описал тот период партизанского движения в Сибири, когда оно «еще не оформилось, но уже везде чувствовалось». Он изобразил «куски быта», колчаковский тыл с разнузданной спекуляцией, с дебошами белого офицера, с полицейским террором, с затаенной, но растущей день ото дня ненавистью крестьянского населения Сибири к насильникам.

Сюжет повести несложен. Изнуренный болезнью подпольщик-коммунист Кирибаев пробирается в колчаковский тыл. Разыскивая «своих», он идет по Омской железной дороге до Барабинска. Здесь ему не удается устроиться на работу, и он выезжает в Каинск, где получает назначение на должность учителя в таежное село Бергуль. Слово советской правды доходит и до бергульских трущоб, и здесь зреет народный гнев против «неправедной власти». Кирибаев становится во главе разгорающегося партизанского движения.

Политически остро показано в повести лицо колчаковщины, хищническое лицо мирового империализма, тянувшегося к богатствам Сибири.

«Через широкие зеркальные окна вагонов можно было тогда видеть «новых хозяев Сибири».

«Неподвижными рачьими глазами глядели окаменевшие в своей важности американцы и англичане. Загадочно улыбались японцы. Около хорошо выкрашенной и до последнего бесстыдства разодетой поездной мадамы хорохорился смешным золоченым петушком французский полковник. Хищно уставился какой-то накрахмаленный до пупа делец».

Огромное место в творчестве Баждова занимал очерк. Еще в 1924—25 годах в уральских журналах печатались коротенькие главки путевых заметок за подписью «Старо-заводский». Эти очерки — живой и страстный отклик писателя на «злобу дня». Глазами большевика смотрел он на рождение нового Урала, стремясь запечатлеть те перемены, какие вносили в быт и сознание людей бурные темпы социалистического строительства. Так появились его этюды «Из быта повостроек».

Бажов принял участие в серии краеведческих книг по Уралу («Урал железный», «Урал медный», «Самоцветы» и др.). Напечатанный в одной из них очерк «Под знаком синего тумана» посвящен истории знаменитого Гумёшевского рудника. И здесь мы находим все тот же изумительный сплав: талант художника, чутье краеведа, острую политическую направленность публициста.

В 1936 году в журнале «Красная новь» были напечатаны первые четыре сказа Бажова, а через три года вышла «Малахитовая шкатулка», ежегодно пополнявшаяся все новыми и новыми произведениями. Период создания «Малахитовой шкатулки» — это вместе с тем период зрелости Бажова как писателя, период творческого расцвета. С позиций социалистического реализма Бажов показывает прошлое Урала. «Особый быт Урала», освещенный в свое время Маминим-Сибиряком, в произведениях писателя-коммуниста раскрывается с другой стороны. Тема труда и тема классовой борьбы, образ горного мастера, талантливого умельца и непокорного бунтаря — вот что выступает на первый план в сказах Бажова. «Бесформенный красочный узор жизни и быта» приобретает у него определенные и ясные очертания. Сам фантастический элемент опирается здесь на реальную основу, приобретает социальную остроту. В этом заключается особенность жанра Бажовских сказов.

Бажов говорил устами своего героя:

— Сказка — это про попа да попадью. А то вот еще старухи ребятишкам сказывают: «жил да был», «курочка яичко снесла», «песет меня лиса за темные леса». А тут вовсе другое. По-сурьезному сказ этот.

Особый колорит сказам Бажова придает сочетание реального и сказочного. «Тайная сила» участвует в судьбах людей, — то выручает из беды, то, наоборот, доставляет несчастье. Но напрасно стали бы мы искать в образах Хозяйки Медной горы, Полоза, змеевок какого-то мистического смысла. Образ «тайной силы» создан, прежде всего, мыслью о социальной справедливости, о социальном возмездии.

Живыми, реалистическими красками рисует Бажов поэтический образ Хозяйки. «Девка небольшого роста, из себя ладная, и уж такое крутое колесо — на месте не посидит... Коса сиза черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце — ленты —

не то красные, не то зеленые. Сквозь светеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь».

Также рельефно выписаны и другие образы сказов. Собственно, главным героем является сам рассказчик, дедушка Слышко, — один из лучших образов рабочих, созданных Бажовым. Образ этот навеян воспоминаниями детства. Его прототип — Василий Алексеевич Хмелинин. Это типичный уральский горняк и старатель, много видевший на своем долгом веку. «И в канаве топтали, и на золотой горке сиживал. Всяко бывало». Он отнюдь не бесстрастный свидетель жизни. Он выносит свой приговор, дает оценку людям и событиям иногда колкой остротой в адрес хозяев и начальства, иногда горьким сожалением по поводу незадачливой судьбы своего брата, рабочего, иногда веселой шуткой. Дедушка Слышко — подлинно народный характер, выкованный в борьбе с лишениями, закаленный в труде. Он раскрывается в сказах как человек большого социального и трудового опыта, с мужественным и трезвым взглядом на жизнь, благородный и глубоко человеческий.

Образ мастера и образ бунтаря сливаются в сказах Бажова в один образ. Бесстрашно передает горняк Степан сердитые слова Хозяйки приказчику Северьяну — убийце. Подручный Андрюха, не стерпев хозяйского обмана, враз замораживает две печи. Силач Марко при всем народе ударяет госпожу.

Обаятельны женские образы сказов. Женщина в них — не слабое, беззащитное создание, робкое и забитое. Она верный товарищ и помощник мужу в работе. При случае она умеет и сама за себя постоять. Пропал без вести жених — Катя не опускает рук, а берется за ремесло. Эпический образ девки-Азовки полон душевной силы и чистоты. Гордо и независимо держит себя Танюша, обладательница малахитовой шкатулки. Не теряется она и в царском дворце.

«Подошла Танюша ко дворцу, а царские лакеи не пускают — не дозволено, говорят, заводским-то. Турчанинов-барин издали Танюшку завидел, только ему перед своими-то стыдно, что его невеста пешком, да еще в экой шубенке, он взял да спрятался. Танюшка тут распахнула шубейку — лакеи глядят — платье-то! У царицы такого нет! — Сразу пустили. А как Танюшка сняла платочек да шубейку, все кругом ахнули:

— Чья такая? Каких земель царица?

А барин Турчанинов тут как тут.

— Моя невеста, — говорит.

Танюшка эдак строго на него поглядела.

— Это еще вперед поглядим! Пошто ты меня обманул — у крылечка не дождался?».

Лицо врага в сказках не замаскировано аллегориями: живой и ненавистный, он появляется то в одном, то в другом образе. Таков «владелец» Турчанинов — малоумный и мотоватый, «одним словом, наследник». Всю тяжесть крепостной неволи приходилось рабочим выносить от приказчиков и надзирателей. О них говорится так: «Был в Полевой приказчик—Северьян Кондратьич. Ох, и лютой, ох, и лютой! Такого, как заводы стоят, не бывало. Из собак собака. Зверь. В заводском деле он, слышно, вовсе не мараковал, а только мог человека бить».

Социальная символика сказов содержательна и поэтична. Заколдованная Азов-гора — символ запечатанного счастья народного. Сама Медной горы Хозяйка — символический образ, олицетворяющий не только тайные силы природы, но и гнев народный против бар-заводчиков, против самоуправства жестокого заводского и рудничного начальства.

Тема классовых отношений освещается в сказках широко и полно, разветвляясь на конкретно-историческом материале жизни и быта горно-заводского Урала.

Эта тема классовой борьбы проходит через все сказы Бажова периода 1936—41 годов. Так, например, в сказе «Кошачьи уши» писатель изображает эпизод, связанный с Пугачевским восстанием. Не один раз упоминается в сказках имя Пугачева. В сказе «Демидовские кафтаны» говорится о расправе «иткульских» с демидовским подручным.

«Пострадала, конечно, деревнешечка. Иных в тюрьме сгноили, кого забили, кто в Нерчинск на вечну каторгу ушел. Ну, а оставшийся народ вовсе изверился в Демидове и во всех заводчиках. Только о том и думали, как бы чем заводам насолить.

Когда Пугачев подымался, так эти иткульские из первых к нему приклонились. Даром, что деревня махонькая, в глухом месте стоит — живо дознались!»

В сказе «Марков камень» нарисована яркая сцена народной расправы с «господишками». В соответствии

с исторической правдой Бажов изображает эти выступления уральских мастеровых как стихийные взрывы народного протеста против заводчиков-крепостников.

Носителем неугасимого духа борьбы всегда у него является рабочий человек. Он носитель лучших человеческих качеств. Духовная красота этого человека раскрывается в чувстве собственного достоинства, в честности и прямоте, в любви к труду, в мужестве, доходящем до самопожертвования. Советский читатель сроднился с образами благородного мечтателя Данилы, гордой Танюшки, смелого Марка: они близки и дороги ему своей моральной чистотой и силой души.

Он запечатлел в своих героях благородные черты русского национального характера — трудолюбие и сметливость, ум и талантливость, скромность и упорство в достижении цели.

В «Малахитовой шкатулке» Бажов показал себя превосходным знатоком народной речи, замечательным мастером слова, талантливым рассказчиком. За легкими, чистыми линиями рисунка чувствуется огромная сосредоточенная работа, рука подлинного художника. Ничего лишнего нет в книге. Композиция сказов предельно проста. Плавно и спокойно движется повествование.

«Пошли раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За Северушной где-то». Так начинается сказ «Медной горы Хозяйка». Далее следует описание встречи с Хозяйкой, ее поручение передать приказчику, чтобы он, «душной козел», с рудника убирался. Передал парень поручение, а его в наказание в забое на цепь приковали и урок задали невыполнимый. Но Хозяйка выручила парня да еще и наградила его. Таков незамысловатый сюжет этого сказа.

Изумителен по своей естественности и живости диалог в «Малахитовой шкатулке». Он является средством рельефного изображения характеров, и этим средством Бажов пользуется очень умело. Вот как, например, в сказе «Каменный цветок» суровый мастер Прокопийч разговаривает с новым учеником:

«— Ну-ка, мастер явленный, покажи, как, по-твоему, сделать?»

Данилушка и стал показывать да рассказывать.

— Вот бы какой узор вышел. А того бы лучше —

пустить досочку поуже, по чистому полю кромку отбить, только бы сверху плетенюк малый оставить.

Прокормич знай покрикивает:

— Ну ну. Как же! Много ты понимаешь. Накопил—на простыни!

А про себя думает: «Верно парнишка говорит. Из такого, пожалуй, толк будет. Только учить-то его как? Стулши разок, — он и ноги протянет».

Подумал так, да и спрашивает:

— Ты хоть чей, экий ученый?»

В этом коротком диалоге отчетливо вырисовывается образ старого мастера, строгого, но доброго и любящего свое дело.

Язык сказов богат и разнообразен. Стремясь к простоте и точности языка, Бажов воспроизводил подлинно народные сказовые интонации. Речь его героев — это речь меткая, выразительная, богатая образами.

Местные слова и речения не только не ослабляют художественности сказов, но, наоборот, усиливают ее.

Слово у Бажова становится средством психологической характеристики. С какой рельефностью, например, рисуется через слово сам рассказчик, дедушка Слышко, с его любимыми присловьями «слышь-ко» и «протча», с хлесткой шуткой, с его особым строем речи старого уральского горщика, бывалого и видалого.

«У Настасьи-то, Степановой-то вдовы, шкатулка малахитова осталась. Со всяким женским прибором. Кольца там, серьги и протча по женскому обряду. Сама Хозяйка Медной горы одарила Степана этой шкатулкой, как он еще жениться собрался».

Так начинается сказ «Малахитовая шкатулка». Народное слово метко и ярко определяет самую суть, самое характерное: «барским подлокотником» зовут рабочие барского прихвостня, «артуть-девка» говорится о Хозяйке Медной горы, «Намятыш» означает сильного, крепко сбитого человека. Все это взято из живой разговорной речи уральских мастеровых, горщиков, старателей.

Короткая реалистическая, ясная фраза придает Бажовским сказам особую прелесть естественности, живости и подлинной народности.

Полными пригоршнями черпал писатель из неиссякаемой сокровищницы народной речи слова-самоцветы, присловья и поговорки.

Вот несколько примеров этой народности языка: «Так, значит, и катался обман-от шариком», «Сразу, слышь-ко, две золотые жужелки залетели», «Купец, как коршун, зорит», «У этого купца верховой глаз — на все стороны», «Мыть да скоблить — чистоту наводить», «Он на прииска подался. Думал — там мед пьют. Хлебнул, да солоно», «Сочень к битью привыкши был, по лакейскому-то словию».

Из богатейшей кладницы народного творчества Бажов брал, однако, не все, а самое ценное — то, что было больше всего связано с трудовой деятельностью народа и с его вековой борьбой против угнетателей. Отбирая этот фольклорный материал, писатель придавал ему еще большую социальную остроту. Такова, например, переработка сказа о девке-Азовке («Дорогое имячко»).

В очерке «У старого рудника» Бажов писал: «Пещера в горе Азов подходила для всех вариантов сказов. Одни говорили, что в этой пещере и жили «вольные люди». Другие населяли ее таинственными «старыми людьми». Но и те и другие одинаково утверждали, что попасть в эту пещеру очень трудно. Ход в нее так запрятан, что редкий найдет, а если и найдет, — тоже не попадет, так как пещера охраняется таинственными силами и разными страшилищами. Самым страшным хранителем кладов была девка-Азовка.

В сказе Бажова совершенно утрачены черты страшилища хранительницы кладов. И старые люди, и девка-Азовка стали реальными фигурами. Сама история кладов Азов-горы облеклась в конкретную историческую форму. Здесь и ватажки, совершающие набеги на мирное население, и Ермаков поход. Поэтически прекрасны образы мужественного и честного Соликамского и его невесты-великанши, верной его подруги. Не к прошлому, а к будущему обращены мысли героев сказа.

Умиравший Соликамский говорит: «Будет и в нашей стороне такое времячко, когда ни купцов, ни царя даже званья не останется. Вот тогда и в нашей стороне люди большие да здоровые расти станут. Один такой подойдет к Азов-горе и громко так скажет твое дорогое имячко...»

Судьба кладов Азов-горы связывается с судьбами народа, с его борьбой за свободу и счастье. Такое же социальное объяснение получает и крепкое заклятие, положенное на таинственную пещеру.

«Одинова только знак был. Это когда еще батюшки Сидорьян Иванович объявился, и рабочие на Думной горе собираться стали. Так вот старики наши сказывали, будто на то время из Азов-горы как песня слышалась. Ровно мать с ребенком играет и веселую байку поет».

Писатель-коммунист, опираясь на фольклор, развивал заимствованные в нем идеи борьбы и протеста и, прокладывая в современности «мост длиною во сто лет», превращал свои чудесные сказы в мощное орудие коммунистического воспитания.

Одновременно с работой над сказами «Малахитовой шкатулки» писатель создавал произведения и другого рода. Им написана была повесть для детей «Зеленая кобылка», в которой явственно звучит всё тот же близкий Бажову социально-революционный мотив. Заводские ребята помогают «политику» спастись от полицейской погони. Тот же мотив лежит в основе очерка «Надпись на камне». Это произведение любопытно еще и тем, что представляет собой переход к сказу. Сказ здесь включен в рамку реалистически-бытового повествования.

Пожалуй, ни в каком другом произведении Бажова не передан так любовно уральский пейзаж. Описания природы здесь проникнуты глубиной и силой поэтического чувства. Вот одно из них.

«Сначала босые ноги чувствовали много острых углов и всяких шероховатостей, но скоро это прошло. На смену пришли другие ощущения: горячая ласка прогретого солнцем мелкого горного песка, освежающая влажность глины, ласковая теплота узорчатых ковриков конотопа на дороге и мягкий ковер белой кашки по обочинам, где они были. Доцветали ландыши и лесные орхидеи, во всю силу цвела земляника; по низинам виднелись петли и кольца бледных незабудок; из сочной зелени взлетали петушки и курочки лесных лилий. И над всем этим — густой настой горного соснового бора и неуловимая мелодия музыки вершин».

Но и в этом сказе на первый план выдвигается одна из важнейших тем творчества Бажова — тема классовой борьбы.

Годы Великой Отечественной войны открывают новый этап в творческом пути Бажова. Тема патриотизма с новой силой начинает звучать в его произведениях. Он пишет «Сказы о немцах». Эти сказы — образец политиче-

ской сатиры. Писатель изображает в них былые хозяйничанье немцев на уральских горных заводах.

«В наших-то правителях дураков все-таки много было. Иной удумает, так сразу голова заболит, как услышишь. А хуже всего с немцами приходилось. Другого хоть урезонить можно, а немца никак. Свое твердит: «О! Я очень понимаю!»».

Так начинается сказ «Тараканье мыло». И в этом сказе и в других тушному ремесленничеству и чванству немцев-управителей противопоставляются подлинная талантливость и сметка русских мастеров. Так, в сказе «Иванко-Крылатко» молодой русский мастер побеждает Фуйко потому, что он «мастер с полетом», с творческой мыслью, художник своего дела, а не ремесленник.

Писатель-патриот поднимал трудовую славу русского народа. Его «Малахитовая шкатулка» вдохновляла бойцов на подвиги. День победы над врагом Бажов приветствовал взволнованными словами:

«Пишу о старине, а перед глазами вы, наши нынешние богатыри, вскормленные родным краем. Вы — дети уральских людей, моих героев, и вы сами — мои любимые герои, творцы величайшего в мире сказа о русской доблести».

Тема Родины проходит и через другой цикл сказов, относящихся к годам войны, — «Сказы о горных мастерах». Тема труда в них освещается как тема высокого мастерства, вдохновенного искусства, смелого новаторства, прокладывавшего пути отечественной технике. К числу этих сказов относятся «Живинка в деле», «Железковы pokrышки», «Чугунная бабушка», «Хрустальный лак».

«Живинка в деле» — любимый сказ Бажова, написанный в 1942 году, дает яркое представление о проблематике его творчества периода Великой Отечественной войны. Герой сказа Тимоха Малоручко стремится изучить каждое дело и в каждом деле «до корня дойти». Старик-углежог Нефедыч открывает ему тайну мастерства, ту «живинку», которая в каждом деле есть, которая впереди мастерства бежит и человека за собой тянет. Насколько верно схвачены здесь черты стахановцев нашего времени, говорит тот факт, что само выражение «живинка в деле» стало у нас крылатым.

Замечательно то, что в этом цикле сказов военного времени Бажов еще тверже опирается на реальную исто-

рическую основу. В «Чугунной бабушке» рассказывает он о всемирно знаменитом художественном литье каслинских мастеров, «Иванко-Крылатко» посвящен изготовлению булатной стали в Златоусте, в сказе «Хрустальный лак» повествуется о чудесном секрете, которым владели тагильские и невяньские мастера. Бажов отстаивает честь русской национальной культуры, утверждая превосходство русского мастерства на примерах талантливых уральских умельцев.

Любовь к родной земле в этих сказах связывается с чувством национального достоинства, национальной гордости. Бедный мастер малахитчик Евлаха, по прозвищу Железко, сделавший малахитовые крышки для француза Фаберже, наотрез отказался продать свой секрет иностранному мастеру. «Нам самим этот камешек пригодится. Не то что покрышки на царский альбом, а такую красоту сделаем, что со всего свету съезжаться будут, чтобы хоть глазком поглядеть. И будет это наша работа! Вот такими же руками делана».

В этот же период написаны Бажовым сказы, посвященные вождям революции («Богатырева рукавица», «Орлиное перо», «Солнечный камень»). В сказе «Солнечный камень» два старика горщика едут к Ленину с «государственным делом», чтобы сохранить для Родины «ильменьскую каменную кладовуху». Чувство любви к родной земле сочетается здесь с сознанием того, что эта земля принадлежит народу. Прекрасно выражена идея кровной связи вождя с народом в сказе «Ключ-камень». Вождь — это тот, что открывает народу правильный путь. «А вот когда народ по правильному пути за своей долей пойдет, тогда тому, который передом идет и народу путь кажет, этот ключ земли сам в руки дастся». Ярко выражена идея величия дела Ленина в поэтической символике сказа «Богатырева рукавица». «Сказал и пошел своей дорогой прямо на полночь. Далеконько ушел, а его все видно. Ни горы, ни леса заслонить не могут. И чем дальше уходит, тем больше становится». Эту тему продолжал Бажов и в своих послевоенных сказах («Ключь-камень», «Старых гор подаренье», «Золотоцветень горы»).

Все написанное Бажовым в послевоенный период проникнуто стремлением воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.

В сказе «Васина гора» он говорит устами старика рабочего: «Вот война-то была. Это такая гора, что и поглядеть страшно, а ведь одолели. Сами не знали, что в народе столько силы найдется, а гора показала. Как новый широкий путь открыла. Коли такое сделали, то и дальше никакая гора на дороге не остановит наш народ».

Глубоким оптимизмом, глубокой верой в силы народа проникнуто творчество Бажова. Свидетель великих дел героического советского народа, радостно и уверенно строящего светлое здание коммунизма, он также обращается к этому светлому будущему. Он пишет про «далекое глядильце», через которое «не то что горы, а будущие годы видно».

Живое чувство современности, никогда не изменявшее писателю-большевику, все ярче и ярче проявляется в этот последний период его жизни и творчества. Как депутат Верховного Совета СССР он принимает самое активное участие в жизни своего края, своего родного Свердловска. Он совершает поездки в знаменитый колхоз «Заря», Ачитского района, и на родину — в Сысерть, причем, под заголовком «Отслоения дней» ведет путевые записи, свидетельствующие о неугасимом чувстве нового, о горячем интересе писателя к окружающей его действительности.

Новые творческие идеи, еще более широкие социальные обобщения, резкий поворот к современности характеризуют последний этап творческого пути Бажова.

Сказы последних лет («Шелковая горка», «Широкое плечо», «Аметистовое дело», «Не та цапля», «Живой огонек», «Ионычева тропа», «Дорогой земли виток») свидетельствуют об огромной работе писателя над темой современности. Для последних лет творческой жизни Бажова особенно характерна тема противопоставления нового старому. Это находит свое отражение и в литературной форме его произведений. Уже не сказ, а рассказ ставит он в подзаголовке («рассказ старого горщика», «рассказ старого уральского рабочего», «рассказ участника гражданской войны»). Да и вместо дедушки Слыпка уже выступает наш современник, непосредственный участник строительства коммунизма. Например, в рассказе «Аметистовое дело» рассказчик, бывший рабочий горщик, становится селекционером в колхозе, от души полюбив знаменитый уральский клеверок. Рассказы этих лет глубоки по замыслу и в лучшем смысле этого слова злободневны.

Там, в рассказе «Не та цапля» рутинной технике прошлого противопоставлена советская техника, освобождающая рабочего «от кайлы да лопаты». «У трудового народа и думки быть не может, чтоб кто без дела остался. У него другая думка: побольше понаделать самолучших машин, каких не было и нет в заморских краях, да облегчить труд нашего человека. А дело это, к слову сказать, сталинское». В рассказе говорится о шагающем экскаваторе.

Тема горячего советского патриотизма лежит в основе рассказа «Дорогой земли виток». Где бы ни был советский человек, он чувствует свою связь с родной землей, с сердцем Родины — Москвой.

Особенно рельефно выступает связь с современностью в рассказе «Широкое плечо». Здесь сказалась глубокая вера писателя в торжество коммунизма, в победу прогрессивного человечества над темными силами старого мира. «С каждым годом растет и крепнет рабочее плечо, и нет силы, чтобы против него выстоять. Сколько ни пыжаты разные толстосумы, а сомнет их широкое плечо людей труда. Сомнет, что и памяти не останется».

«Живой огонек» — последнее произведение Бажова. Это рассказ о том, что дала молодому рабочему советская власть, как изменился духовный облик советского человека, как осуществляется в нашей стране союз труда и науки, как стирается грань между трудом умственным и трудом физическим. «Из этого и растет новый, советский мастер. Либо долголетние рабочие навыки освещены у него наукой, либо книжные знания прочно закреплены рабочей практикой. Этот новый мастер и дает в любом деле живой огонек, какой все чаще видишь в изделиях с нашей советской маркой».

Характерно то, что и этот рассказ основан на непосредственных наблюдениях. Писатель отталкивается от реальной действительности, от факта. Но этот материал дан им «в лицах, в красках, в действии». Самобытный талант Бажова не старел с годами.

В многогранном творчестве Бажова есть еще один богатый красками жанр — воспоминания. Герой этих воспоминаний — рабочий подросток. Мир, окружающий его, — большой мир социальных отношений. С детских лет сын рабочего живет в атмосфере труда и борьбы. Таковы герои повести «Зеленая кобылка».

Последней мемуарной книгой, вышедшей незадолго до

смерти писателя, была книга «Дальнее — близкое», посвященная прошлому Екатеринбурга-Свердловска и годам детства самого писателя. Это автобиографическое повествование о приезде заводского мальчика Егорши в Екатеринбург, с другой стороны, это образная, и в то же время документально точная социально-экономическая картина на рубеже XIX и XX столетий, правдивая картина дореволюционного быта.

Книга состоит из 3-х частей. Первая часть посвящена поездке Егорши в город и первым его впечатлениям. Тут и чудесные бытовые подробности прощания с родными, с друзьями детства, разговор отца с приятелем, наконец, путь по Челябинскому тракту в город. А город этот особенный. Отец Егорши говорит: «На другие города наш не похож. Он вроде самого главного завода. На железе родился, железом опоясался и железом кормится».

И вот, наконец, Екатеринбург. Тут и мимолетные, но запоминающиеся характеристики ветеринарного врача «чернобородого», «зауголышного жильца» Полиевкта Егорыча, редактора «Екатеринбургской недели» Галина. Городской двор, где квартировал Егорша, как капля воды, отражает бестолковую пестроту лица всего города, со всей его противоречивостью и своеобразием. Вот «беззубый», с выскoblенными скулами, но не старый еще человек, бывший рабочий спичечной фабрики Ворожцова. Во флигеле живут «какие-то вроде бар», имеющие в городе «шляпное заведение», жильцы с неясным положением, которые «за порядком следят», да еще жилец, «по золотому делу шпыривший». Егорша видит изнанку жизни бойкого города. Она встает перед ним и в образе рабочего типографии, и в лице воспитанниц Нуровского приюта, под унылый мотив песни выполняющих свой подневольный труд.

Таков Екатеринбург конца 80-х годов. Во второй части говорится о новых явлениях в жизни города. Появилась биржа и новые купеческие фамилии — Макаровы, Борчаниновы, а также и новый тип дельца-комбинатора. Появились люди «широкой хватки», протягивающие жадные шупальцы к богатствам Урала.

Прошли годы. Автор возвратился в родной город, омытый бурей революции, очищенный от прежних «хозяев», он, наконец, дождался настоящего хозяина. Это уже был советский город с огромным будущим.

Трудно определить масштабы и значение творческой деятельности Бажова. Она проявилась в самых разнообразных формах.

Литературное наследие нашего земляка еще по-настоящему не изучено.

Писатель-большевик, он не мыслил себя вне событий текущего дня. Он принимал в них участие со страстью агитатора, с обобщающей мыслью ученого, с партийной принципиальностью коммуниста, смотрящего на жизнь «марксистским глазом».

Его выступления по вопросу о фольклоре являлись развитием основных положений Горького о народном творчестве.

В статье «О путях к чудесному» («Литература и искусство» 6/II-1943 г.) Бажов выступил резко полемически против того, что принято называть фольклором, против устаревших и реакционных взглядов в области изучения народного творчества.

«Надо признаться, — писал он, — что здесь у нас все еще чувствуется влияние старых фольклористов, которые шли по проторенной дорожке к «бытующему в народе», уже понимая под «бытующим» только то, что уже полностью сформировано, отполировано и воском натерто... В силу такого понимания, романс, вошедший через плохие песенники Мухиных-Мелухиных и К^о в обиход какой-то части населения, получил высокое звание народной песни. Вариантами этого романса интересовались, а семейные предания рабочих с повторяющимися деталями даже не записывали на том основании, что эти рабочие предания еще не имели законченной формы и не «бытовали» даже в пределах смежных селений...»

И здесь, как и в статье «Краеведческие истоки», та же горячая любовь к народному творчеству и страстная забота его, как выражения талантливости, ума, сердечности, творческой энергии народных масс. В постановке вопроса о фольклоре Бажов подчеркивал Горьковскую мысль о трудовой основе народного творчества.

В 1948 году исполнилось 225 лет со дня основания Екатеринбурга. В мае 1947 года состоялась первая научная конференция по истории города, в 1948 — вторая. Бажов принял деятельное участие в работе обеих конференций. Его выступления были проникнуты одной направляющей идеей — «создать историю, в которой был бы

показан вклад в строительство металлургии Урала, сделанный самим народом, лучшими его представителями». Оба его выступления на конференциях были построены в духе критического пересмотра исторических работ об Урале. «Историкам, — говорил он, — надо направить свои поиски в сторону творческих исполнителей, которые мало или вовсе не показаны в материалах генералов-строителей». Бажов называл имена мастеров, выпустивших первое железо. Он доказывал несостоятельность легенды об иностранном происхождении камнерезного искусства на Урале. Он говорил о том, что не исследован вопрос о происхождении старинного ремесла «искровщик».

Литературное наследство Бажова еще не все собрано: не изучен ранний период его журналистской деятельности (1918—1924 годы), не собраны его речи, его доклады, похожие на вдохновенные импровизации, сверкающие блеском мысли и художественного таланта. Например, речь перед избирателями города Красноуфимска в феврале 1946 года он заключил так:

«Недавно мне был задан вопрос: что такое советская демократия? Вместо ответа я привел один пример из практики уральских гранильщиков.

При огранке изумруда самым лучшим образцом у старых гранильщиков считается камень, имеющий так называемую «теплую грань»... Мастер должен добиться, чтобы каждая грань была на строго одинаковом расстоянии от так называемого «куста» угла преломления света.

Этот пример, мне кажется, глубоко символичен. Как в драгоценном изумруде, в нашей стране солнце Сталинской Конституции находится на одинаковом расстоянии от каждого советского человека, одинаково тепло и ярко светит каждому из нас. Если тебе действительно дороги интересы Родины, своего народа — трудись честно, развивай свои способности, а Родина, народ не забудут твоего труда».

Любить свою Родину, гордиться трудовой славой своего народа, любить труд, искать «живинку» в каждом деле, не успокаиваться на достигнутом, а идти вперед, к вершинам мастерства, — вот чему учил народный писатель Бажов.

В. Кельник

НАЧАЛО ПУТИ

I

Павел Петрович Бажов известен читателю нашей страны как автор «Малахитовой шкатулки». Устремленные в будущее, утверждающие широкий строй идей советской современности, сказы были самым любимым жанром писателя. Но мало кто знает, что Бажов, кроме того, — очеркист, автор коротких рассказов, страстных пропагандистских статей, острых фельетонов, книжных рецензий. В газете — начало его творчества. Отсюда пришел Бажов в большую литературу. И недаром одно из своих выступлений перед студентами он подписал так: «Журналист первого десятилетия советской печати».

Февраль 1917 года. Бажов, учитель русского языка Камышловской гимназии, появляется среди солдат и рабочих в петловском здании бывшего кинотеатра «Чудо». Здесь центр большевистской организации, здесь его настоящие друзья.

Буржуазия города организует «Комитет общественной безопасности» или, как его иронически называет Бажов, «абсолютный комитет». Рабочие-большевики собирают оружие. На уездном представительном съезде фракция большевиков требует создания советов. Эсеры настаивают на организации отдельного «Крестьянского союза». Согласиться на это — значит отдать большинство населения уезда в руки буржуазии.

Собирается Камышловский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Его первым председателем становится Бажов (июнь-июль 1917 год).

Внутри Совета начинается ожесточенная борьба с эсерами. Возникает необходимость в газете. И когда организируются «Известия Камышловского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», большевики выдвигают Бажова на пост редактора.

Так началась его газетная работа, оказавшая огромное влияние на формирование писателя.

На первых порах было тяжело. «Никакой предварительной подготовки. Мы тогда не знали и простейших правил организации материала»¹, — говорил он потом.

Старое и новое столкнулось на страницах газеты. На первой полосе одного из ее номеров дапа треугольная фотография модно причесанного мужчины во фраке. Подпись: «Бенефис администратора труппы миниатюр «Жизнь парижских апашей» В. О. Виндзор и м-ль Изумруд. После спектакля бал-маскарад «Вальпургиева ночь»... Грандиозная эффектная и небывалая обстановка! 4 приза»... А тут же рядом деревня просит книгу. «Мы обращаемся к городу не за мануфактурой, не за водкой, не за гвоздями, а за книгой», — пишут крестьяне.

Трудностей много. Но главное не в том, что нет бумаги, средств, кадров. Важно не допустить на газетную страницу эсеров, всевозможных «учеников Кропоткина», «культурников-толстовцев».

На это главным образом направлено внимание редактора. Писать самому пока некогда. А вскоре другие дела оторвали его от газеты. Бажов зачисляется в «Особую советскую роту» — отряд по борьбе с контрреволюцией — входит в состав комиссии по изъятию ценностей из банков. С этими ценностями он и эвакуируется в Пермь.

Здесь в сентябре 1918 года вступает в партию, назначается в полк.

Опыт агитационно-пропагандистской работы определил место молодого журналиста в Красной Армии. Он входит в группу политработников, назначается секретарем партийной штаба 29-й дивизии и редактором дивизионной газеты «Окопная правда».

В газете он был единственным работником: секретарем и выпускающим. Он же заведывал и информационным отделом дивизии. При всей трудности печатания, Бажову

¹ Выступление перед студентами факультета журналистики УРГУ в 1946 г. (личный архив писателя).

удалось выпустить 50 номеров живой оперативной фронтовой газеты.

«Сотрудниками газеты были красноармейцы. Писали частенько отчаянные стихозы. И всё же здесь была... правда жизни»¹, — вспоминал он потом.

После Пермской катастрофы, наскоро получив конспиративные адреса, Бажов пробрался на Алтай. Здесь вместе с партизанами в конце 1919 года он освобождает Усть-Каменогорск; восстанавливает в городе советскую власть, редактирует газету «Известия ревкома». Большую напряженную работу выполняет он в это время. Борется с бандами контрреволюционеров, с винтовкой за плечами ходит на ночные дежурства.

Весной 1920 года на губернской партконференции в Семипалатинске Бажов избирается членом губкома, ответственным за губернскую печать. Вскоре Урало-Сибирский комитет партии переводит его в Камышлов редактором местной газеты.

В камышловской газете «Красный путь» Бажов выступает во многих литературных жанрах. В пятую годовщину революции им написана передовая статья. Начинается она зарисовкой, относящейся к периоду работы в «Окопной правде». Суровыми деталями передает журналист всю трудность обстановки, в которой жила и сражалась тогда Советская республика.

«Писалась передовица к первой годовщине во фронтовую газету, шли одно за другим бодрые слова, но внутри неотступно сверлила беспокойная мысль... Черное кольцо, замыкавшее Республику Советов, становилось все тесней и тесней...»².

Где-то на западе росло движение, но «вблизи же постукивал аппарат, и на бумаге появлялись далеко небезразличные слова:

«В северном направлении замечено обходное движение. Срочно шлите подкрепление».

Давалась неразрешимая задача — послать подкрепления из несуществующих резервов.

«В восточном направлении чехословаки переходят в наступление. Поезд с продовольствием еще не пришел.

1. Л. Скоринно, «П. П. Бажов», Советский писатель, 1947, стр. 71.

2 «Красный путь», № 98, 7/XI-1922 г.

Он и не придет никогда. Вместо поезда отправлены лишь два вагона, где погружены последние крохи продовольствия и праздничные подарки...»¹

Но к 1922 году, «как осенняя паутина, давно разорвалась сеть блокады, хотя ковалась она из лучшей английской стали, и хоть денег на нее капиталисты не жалели».

Уверенностью в будущем проникнуты слова Бажова, когда он подводит итоги первого пятилетия советской власти.

Опыт газетной работы, ясное представление задач советской печати помогает ему выпускать газету хорошо оформленную, чуждой крикливости старой прессы.

Сильный в те годы бумажный голод особенно ударил по провинциальным газетам. Недостаток работников не позволял наладить связь с деревней. Исходя из этого, Бажов предложил объединить камышловскую и ирбитскую газеты. Слияние штата, оборудования, средств двух соседних маломощных типографий и перенесение редакции в Шадринск облегчало выпуск, содержательность газеты возрастала, увеличивался район ее распространения.

Весь этот план, вплоть до финансовых и хозяйственных мелочей, был разработан Бажовым. Он устанавливает объем газеты, размещение материала по полосам, дает примерную схему корреспондентских пунктов. Особо выделены требование действенности материалов, необходимость «сохранить обличительный уклон, ... при этом мишенью главным образом должны служить наши классовые враги, но иногда должны обстреливаться и свои зарвавшиеся товарищи...»²

Обком партии принимает предложение Бажова и решает издание единой газеты для Камышловского и Ирбитского уездов. Как опытный газетный работник Бажов назначается в редакцию только что открытой общепромышленной «Крестьянской газеты», где он проработал по 1929 год.

Первый номер «Крестьянской газеты» — издание Уральского обкома ВКП(б) и облисполкома — вышел 22 мая 1923 года в Свердловске. Необходимость такой газеты была очевидна. Двадцать три тысячи деревень с 5 миллионами 209 тысячами крестьян находилось на тер-

¹ «Красный путь», № 98, 7/XI-1922 г.

² «Проект», личный архив писателя, стр. 9—10.

ритории тогдашней Уральской области. «Крестьянская газета» была первым печатным изданием в большинстве деревень области.

Уральская деревня, которая еще только становилась на новый путь, нуждалась в самой широкой помощи. Советское и хозяйственное строительство требовало расширения и укрепления крестьянского хозяйства, упрочения смычки, оживления торговли и развития кооперации. Неотложной была решительная борьба с контрреволюцией и ее охватом...

«Крестьянская газета», следуя линии ЦК партии, неуклонно подводила крестьян к идее коллективного, социалистического труда, боролась с кулаками, спекулянтами, бюрократами.

Газета в короткий срок приобрела огромный отряд селькоров, которые принесли на страницы факты действительной жизни. Если во второй год своего существования она имела лишь 50 селькоров, то уже в 1929 году их было 7093. В 1926 году в редакцию поступало свыше 4 тысяч писем в месяц.

Бажов первоначально работал в газете ответственным секретарем. В те годы он много ездит по селам, деревням, часто выступает со статьями, инструктивными письмами начинающим корреспондентам, подолгу беседует с селькорами.

«Начнешь разговаривать в редакции с посетителями, — пишет он в «Крестьянской газете», — и всплывают другие случаи... Пьяный поп к вдове забрался — случай, каких сотни... 60-летняя старуха отказалась платить поповские сборы — это пока новое событие, и о нем стоит напечатать».

Бажов участвует в ценном начинании газеты — выпуске в 1925 году сборника «Селькор». Здесь опубликована его статья «Как писать в газету». Начав с «технических мелочей», Бажов разбирает затем типичные недостатки корреспонденции. Написана статья в форме беседы, где часто проскальзывает характерный Бажовский юмор, усмешка. Рассказывая о выборе псевдонима, он замечает:

«...селькор придумал себе имя — Сомнамбула.

Это тоже ни к чему.

Человеку за 30 лет, семья 6 человек, 2 коровы, лошадь, колчаковцев бил — и вдруг — «Сомнамбула»!

Для мечтающей поповны это еще туда-сюда, но для крестьянина, строителя новой деревни — не годится»¹.

Требую от селькоров точности, лаконичности, Бажов подчеркивает, что на страницах газеты «ярко, жизненно поставить любой вопрос могут только те, у кого не потеряна способность мыслить образами... крестьянская разговорная речь в сотни раз ценнее канцелярско-книжной, куда лучше всяких надоевших книжных и газетных оборотов»². «Можно писать деловой статьей и заметкой с цифрами, выводами. Можно и картинкой жизни. Даже стихом!» Важно одно: «Заметка или статья никогда не должна быть побрякушкой», — предупреждает он.

С подобными статьями выступает Бажов и на страницах газеты «Ленинская печать» — специального органа рабселькоров Урала.

В конце 1929 года он публикует в газете обширную статью «Глубже поднимайте пласты самокритики. Что газете пужно от селькора»³. Основная мысль — смотреть на все «через стекло пятилетки», «быть не наблюдателем со стороны, а самым активным участником строительства».

Бажов резко обрушивается на тех «коров», кто «сидит себе в уголочке, да пописывает в газетку — пусть-де чихнут», ограничиваясь простым сообщением факта без своего личного, боевого отношения, без попытки «развязать узелок».

В 1925 году П. Бажов назначается заведующим отделом крестьянских писем. С утра до позднего вечера, забывшая про отдых, заведующий и трое литсотрудников разбирают корреспонденцию. С особой вдумчивостью Бажов подходит к размещению писем в газете, добиваясь объединения их одной темой или одним районом. Таковы тематические подборки писем: «За грамотную деревню», «Комячейка в деревне», «За бабьи интересы», «Крепко стой за кооперативный строй» и другие.

В конце каждого месяца Бажов составляет особые «политписьма» для обкома партии, облисполкома, облЗУ и Центрального Комитета партии. Писались они по материалам селькоров. Хорошо документированные, подробные, снабженные зрелыми выводами, «политписьма»

¹ Сб. «Селькор», Уралкнига, 1925, стр. 43—44.

² Сб. «Селькор», Уралкнига, 1925, стр. 46.

³ «Крестьянская газета», № 76, 25/X-1929 г.

представляют сейчас немаловажный исторический материал.

В основу их Бажов кладет известное письмо-записку В. И. Ленина к редактору газеты «Беднота» В. Карпинскому (26 января 1922 г.) относительно крестьянских писем. Ленин запрашивал:

«...что важного (особенно важного) и нового в этих письмах?

Настроения.

Злобы дня?»¹

Указав общее количество писем, Бажов отмечает повышение или спад интереса к определенной теме, выделяет обязательные разделы: «Основные вопросы крестьянских писем» и «Входит в быт». Анализирует частные вопросы, представляющие интерес для местных организаций.

В политписеме за сентябрь-октябрь 1927 года Бажов приводит мнение крестьян о внутривластной дискуссии. Борьба с оппозицией «деревню заставляет братья за книгу, за изучение ленинизма. Отношение к политике ЦК твердое. Она считается единственно правильной, и все, кто ей мешает, должны быть устранены»².

В декабре он заключает еще резче:

«Преобладающее большинство этих писем — с оппозицией надо покончить навсегда».

В трехлетний юбилей газеты (22 мая 1926 г.) крестьяне приветствуют Баждова как «застрельщика» в создании «Крестьянской газеты», как одного из тех, «кто повинен в ее 150-тысячном тираже и в тысячной армии селькоров»³.

В том же номере Бажов выступает со статьей «В море крестьянских писем».

Начинается она так:

«...Наступило половодье.

Затопило письмами редакцию. Захлебнулись газетные листы... Вдудились и стали лопаться от писем столы редакционных работников. Затопило заведующего отделом крестьянских писем вплоть до бороды...

Как прибывало это письменное половодье?

¹ В. И. Ленин, Собрание сочинений, изд. IV, том 35, стр. 466.

² «Политписьма», стр. 32, Личный архив писателя.

³ «Крестьянская газета» № 35, 22/V-1926 г.

Сначала, у истоков газеты, оно шло тихо.

Чуть-чуть подмывало берега и уносило с собой первый попавшийся мусор — попов, кулаков, самогонщиков.

Потом забурлило сильнее — затопило некоторые сельсоветы, кооперации,... поплыли «вдоль по речке» деревенские прохвосты, мошенники, растратчики и прочая нечисть»¹.

Отмечая огромную краеведческую, художественную ценность писем из деревни, Бажов обращается к ученым с призывом использовать этот материал. Газетам советует систематизировать письма и предлагает свой удобный и простой шифр.

«Каждое письмо из деревни, — пишет он, — это ценный документ. Хранить его надо, а не рвать... Настанет время, когда ученые и писатели будут изучать эти пачки крестьянских писем. По этим письмам целые книги, повести, рассказы о деревне будут писать»².

Урывками в редкое свободное время Бажов переписывает, перепечатывает наиболее интересные факты, образы, изучает стиль писем, рассчитывая в будущем написать систематизированную историю уральской деревни переходного периода (т. е. 20 — 30 годов).

Сложную и трудоемкую работу в редакции Бажов совмещает с общественной деятельностью. Он депутат горсовета, активный член парторганизации. Часто бывает в командировках, где встречается с селькорами, организует авторский материал. Его особенно ценят за исключительное умение улавливать тему, волнующую крестьян. Так, поездка в деревню Мишкино (Челябинская область) позволила газете поднять вопрос о «разночинных» крестьянах, или «пришлых», в отношении которых на первых порах было немало ограничений.

2

В «Крестьянской газете» Бажов выступает с самыми разнообразными материалами. В те же годы он пишет первые книги: цикл очерков «Уральские были», «К расчету», повесть «За советскую правду».

¹ «Крестьянская газета» № 35, 22/V-1926 г.

² Там же.

Большинство его выступлений естественно связано с темой деревни. Деревня увлекает его как художника. В рассказах, очерках, фельетонах он стремится показать, как в результате изменения в коренном — в труде перерождается человек, изменяется вся жизнь.

Обличить старое, негодное и поддержать первые шаги нового в быту, изменения в жизни деревни было задачей журналиста Бажова.

В корреспонденции «Школа, которую надо расширить»¹ рассказывается о молодежной мастерской по ремонту сельскохозяйственных машин при Каслинском заводе. Приводя ощутительные результаты работы мастерской, Бажов требует расширить ее, поддержать начин молодых каслинских рабочих.

Аналогична корреспонденция «Тележного цеха люди»², где описывается крестьянский «промысел» — производство колес в одной из деревень Арамильского района. Спрос на продукцию велик, и «промысловики» расширили работы — объединились, начали строительство мастерских.

В той тщательности, с которой описываются каслинская мастерская и люди «тележного цеха», сказывается не просто документальная добросовестность корреспондента, но виден неподдельный интерес к труду как процессу, который приносит пользу всему хозяйству. Видно, что автор может рассказать об этом увлекательно, но сдерживает себя рамками обычной корреспонденции.

Но гораздо чаще Бажов выступает с деловой критикой, чтобы практическими советами помочь молодому социалистическому хозяйству. Таковы его выступления о снабженческо-сбытовой кооперации в 1924 году, написанные в форме обзоров крестьянских писем.

«...Сила деревенского кооператива — в самом крестьянстве. Там, где сумели выбрать подходящих людей и сами поддерживают свои кооперативы, — заключает Бажов, — дело уже пошло в гору»³.

В передовой статье «Надо усилить борьбу с частным торговцем»⁴ он вновь говорит о плохой работе коопера-

1 «Крестьянская газета» № 2, январь 1927 г.

2 «Крестьянская газета» № 64, 4/IX-1928 г.

3 «Крестьянская газета» № 9, 5/II-1924 г.

4 «Крестьянская газета» № 135, 18/X-1924 г.

тивов, из-за чего крестьянин «покупает больше у Хапова и компании, чем в кооперативе». Среди других выводов делается замечание селькорам. Им «следовало бы обратить внимание на цифру. Хвалить или ругать деревенскую кооперацию надо цифрой».

Малое или большое дело, судьбы отдельного человека или целого колхоза — все привлекает внимание советского журналиста.

Резко обрушивается Бажов на головотяпство, склоку, спекулянтов, волокитчиков. Сатирическим именем «Стулодав» наделяется бюрократ. «Сидит паренек спокойненько, рожа с ухмылкой, в потолок посматривает. Повидимости, вовсе вроде божьей коровки, а на деле выходит самый зловредный вредитель... Разыскивать их и—подальше, в сторонку, от советской работы»¹.

Публицистически страстно написан в 1926 году обзор писем «Кереметь-калым-канун-комсомол». В Манчажском районе за 100 рублей родителями продана дочь-невеста. Только после унижений и побоев девушка вышла замуж за любимого парня-бедняка...

«Канун и комсомол в открытой борьбе. С поленьями, с топорами, с наганами.

Оно как будто комсомолу и не совсем подходит. Но как осуждать, когда у противника еще более жуткая дичь. Продают живого человека, как товар.

Это похуже разбоя на большой дороге. И прокуратура вмешаться не может. Поневоле с топором полезешь»².

Бажов всегда боролся против штампов книжно-газетного языка. Ярким народным словом и оборотом, коротким художественным описанием разбивает он строки сухой информанности. Вместо того, чтобы сообщить о том, что старый старатель Свиридов (корреспонденция «Кому корешки, а кому вершки») — инвалид, Бажов прибегает к его оценке другими артельщиками.

«Изробленный человек. Землей его давило. Какой уж работник. Ну, всё-таки держали, как знатока для разведок»³.

Пишет Бажов и пропагандистские статьи. Каждая из них пронизана боевым наступательным тоном.

¹ «Крестьянская газета» № 47, 10/VII-1926 г.

² «Крестьянская газета» № 30, 28/IV-1926 г.

³ «Крестьянская газета» № 80, 13/XI-1926 г.

Одна из статей называется — «Оборвем паутину кулацких сплетен»¹. Она была вызвана письмом селькора из Мишкинского района (Челябинская область). Суть раскрывается в многострочном заголовке, типичном для той поры.

«Мишкинские кулаки придумали новую сплетню.

Они говорят, что мы отдаем Урал американским капиталистам.

Врут мишкинские кулаки!»¹

Статья Бажова ценна не только разоблачением целого кулака, искажавшего суть торговли с капиталистическим миром и использования иностранных специалистов. В простых, понятных самому отсталому человеку словах ведет он беседу (именно беседу) с читателем, образно рассказывая об особенностях нашего хозяйства, его перспективах.

С ненавистью говорит Бажов о зажиточной части деревни, «которая в колчаковскую пору усиленно распространяла «письма американского друга», а ныне...

«Ведь вот как здорово переменились! Ночи не спят, только и думают, как бы американские акулы не проглотили столь любезную им Советскую власть!».

Смысл этого — «надежды найти себе какую-нибудь опору в деревне».

«Почему капиталисты торгуют с нами?» — спрашивает далее автор.

— Потому, что «основная природа каждого капиталиста, будь он американский миллиардер или мишкинский кулак,... продать свой хлеб тому, кто дороже за него заплатит... Плачут, да торгуют; ненавидят, а машины продают».

Живо рассказывает Бажов о строительстве тяжелой индустрии, которая принесет стране мощь. «Полсотне заводов старого уральского образца» равна производительность первой очереди металлургического комбината в Керчи, построенного в два года. «Создать за два года треть старого заводского Урала, который строился целых двести лет, могла только советская власть».

«Не только догоним, но и перегоним капиталистическую технику, — говорит в заключение автор. — Но только

¹ «Крестьянская газета» № 92, 27/XII-1929 г.

² Там же.

это будет своя, советская техника. В экономической кабале у заграницы, как это было с Российской империей, Советский Союз состоять не будет!»

Кулацкие побасенки разоблачаются и в статье «Про золотую старинку»¹. По форме это рецензия на книгу «Описание Туринского округа, Тобольской губернии, в хозяйственном отношении, с указанием средств к улучшению хозяйства», вышедшую задолго до революции.

Используя цифры и факты, приведенные в книге, Бажов доказывает лживость ее «объективного» автора.

3

Просматривая номера «Крестьянской газеты», останавливаешься на письмах из деревень. Открытие избычитальни, рост числа крестьян-подписчиков газеты, отказ от церковных обрядов, переход единоличников в артель... и рядом — письма о «Делах поповских», сообщения об убийстве активиста кулаком, об издевательствах над женщиной, хулиганстве. Разоблачению пережитков капитализма посвящена сатира Бажова в «Крестьянской газете». В сатирических рассказах он нередко называет фамилию селькора или крестьянина, рассказавшего о факте, указывает точно место, где происходило событие.

По старишке хотелось жить герою рассказа «Ленок»² — ханже, который с божьим благословеньем и заговорами собрался сеять лен, а кончил попыткой изнасиловать на поле крестьянку. Со всей силой обрушивается Бажов в этом рассказе на идиотизм старой деревенской жизни (в данном случае, обычай, по которому женщина, увидев мужчину, сеющего лен, должна «заголиться», что, якобы, принесет хороший урожай).

В рассказе полностью приведен текст «заговора» над зернами льна перед посевом. В сатирическом обрамлении даны заговоры и в других газетных рассказах «Федосьина присуха» и «Верное средство против медведей».

К мистике, культовой обрядности Бажов всегда относился отрицательно.

В рассказе «Однородные слова»³ очень выразительно показано заседание церковного совета в деревне. Верую-

¹ «Крестьянская газета» № 59, 9/VIII-1927 г.

² «Крестьянская газета» № 42, 20/VI-1926 г.

³ «Крестьянская газета» № 46, 6/VII-1926 г.

щие отказываются давать средства на содержание попов, службы, свечи и т. п. Окончательное поражение терпят «огцы» по вопросу «об изыскании средств на ремонт храма».

«...Вопросы к концу и решать было некому. Кроме попов и председателя, остались только две старухи-нищенки. И дьякон буркнул сторожу:

— Гони их!»

Среда, откуда черпал Бажов фактический материал для сатиры, — это крестьянский быт. Он берет небольшие происшествия, которые случаются каждодневно в деревне. И в этих «мелочах» быта, еще вчера казавшихся нормальными, новый человек видит смешное, отвратительное или даже враждебное.

Неудачливый в любви парень Елеска и его отец Архип (рассказ «Федосьина присуха») обращаются к знахарке Федосье, которая «по всему району на славе». Думая, что начинает действовать «присуха» ворожей, Елеска поверил притворным ласкам «озорной» красавицы Насти и через некоторое время ему приходится выплачивать алименты на содержание чужого ребенка.

Колдовство не оправдалось.

И автор кончает рассказ:

«Старый Архип стал теперь вовсе безбожником. И в колдовство не верит.

В престольный праздник вышиб даже окошки у Федосьи.

— Присушила алименты, холера»¹.

Из-за недоверия к новому пострадал и середняк Филипп Иванович Парунов — герой рассказа «Чемберленова кобыла»².

С пренебрежением отзывался он о газетах, хотя и не прочь был послушать, как Афонька Колесо читает «Крестьянку» (т. е. «Крестьянскую газету»).

Особенное впечатление произвели на Парунова угрозы Чемберлена Египту. Подумал: скоро будет война. А когда выяснил, что «после подписи ответственного редактора напечатано о покупке старых негодных варешок и шерстяных посков», то уверился в этом окончательно. Дома жена сообщила о том, что «бабка Миронея про случай

¹ «Крестьянская газета» № 68, 29/IX-1926 г.

² «Крестьянская газета» № 50, 8/VII-1927 г.

сказывала...» (т. е. вещий сон). Парунов «махнул» на Юговской копный завод и «своего Соловка продал за три сотни, а кобыленку купил за восемьдесят.

«Мобилизуй ее!» — ехидничал он про себя.

Кобыленка, действительно, была надежная. Не только под мобилизацию такая не пойдет, но и из конокрадovasикто не позарится.

Горе вот — работать на ней нельзя».

«Новокупку» в деревне прозвали «Чемберленовой кобылой», а ее владельца «до того довели, что за июль Филипп сам выписал «Крестьянскую газету».

Жанровая сценка кончается словами:

«Хохочут мужики:

— То-то... понял, значит, как чемберленов бояться.

— Советская власть, она зря не ползет. Ну, а придется — так всем придется. Потому — наше дело. Свое»¹.

Вся старая деревня с ее недалекой практической хитрецей, с недоверием к новому высмеяна в этом рассказе:

Если в первых рассказах Бажов стремился отразить процесс выкорчевывания старого в сознании людей, то в последующие годы (1927—1929) он останавливался преимущественно на теме слабости старого, его безуспешных попытках затормозить движение деревни вперед. Смех человека, уверенного в победе нового, звучит в рассказах.

Хотел нажиться на спекуляции зажиточный единоличник, но, еще не доехав до базара, пропивает муку в разгульной компании (рассказ «Самообложение») ². Теряет веру в «святость» богомольная старуха Дарья, увидав пьяного попа, который рассыпал в грязи подношения верующих (рассказ «Старушечий агент») ³.

Тема разоблачения церкви занимает немалое место в сатире, если не во всем творчестве Бажова. Злой издевкой звучит описание поездки попа-гастролера по деревням, его явное стремление нажиться. Это и позволило автору начать рассказ фразой: «Шел доклад о спасении души», а самого попа — назвать «агентом спасстраха».

Рассказы Бажова полны жизнеутверждающего юмора. Разъезжая по Уралу, он наблюдал новую дейст-

¹ «Крестьянская газета» № 50, 8/VII-1927 г.

² «Крестьянская газета» № 15, 24/II-1928 г.

³ «Крестьянская газета» № 8, 29/I-1929 г.

тельность в самых характерных ее проявлениях, строил рассказы на достоверных жизненных ситуациях. Они насыщены противоречиями живой жизни и по-газетному сжаты. За маленьким штрихом угадывается нечто большее.

В отмене крестьянами религиозного праздника «Модестов день» — «как это есть зловредный пережиток и большой ущерб крестьянскому хозяйству»¹ (рассказ «Модестов день») — поворот к новой деревне с тракторами, агрономией.

В том, что молодая девушка Таня (рассказ «Танина проверка») ² предпочла вернуться в сельхозартель, чем быть хозяйкой в доме мужа, и подбила его на «коммуно» — рождение новой женщины. Новой женщине уральской деревни посвящены и другие рассказы.

Простой незамысловатый сюжет, казалось бы, незначительное событие приобретают у Бажова новый смысл, высокое звучание.

4

Одновременно с сатирическими рассказами в газете публикуются и фельетоны, подписанные, как и рассказы, псевдонимом «П. Деревенский» или просто «Деревенский».

Далеко не «дружеским пожеланием», а резким обвинением кончает Бажов свои фельетоны.

В этом смысле типичен фельетон «Тоже «коммунар»»³. Написанный в обычной для этого жанра манере, он может служить примером фельетонного стиля Бажова. В артель с хорошим названием «Красная звезда» был принят мельник Пупышев. По трудовому договору он оказался на полном иждивении артели. Следует ироническое размышление автора:

«120 в месяц, дотация, ну и безгрешные доходы. Не без этого же. Раз он специалист мельничного дела. Да еще можно какого-нибудь свояка или шурина устроить механиком на 100 рублей, по своему усмотрению.

О таком, можно сказать, советском благодеянии

¹ «Крестьянская газета», № 92, 23/XII-1926 г.

² «Крестьянская газета» № 18, 8/III-1929 г.

³ «Крестьянская газета» № 58, 10/VIII-1928 г.

Пупышеву и не спилось, а тут еще оговаривают, чтобы он три года обязательно на содержании коммуны жил.

Вот чудаки-то!»

Последовательно излагая события, Бажов вплетает в них свои небольшие комментарии: то реплику, то ироническое замечание. Так строит он и другие фельетоны. Рассказывая биографию «героя», Бажов замечает:

«До этого был он мельником в Туринске. Стало, как видно, трудновато. Перекочевал в другое место... Поработал с годик, видит, по нынешним временам дело не такое выгодное, как бывало раньше. Вот и стал искать какого-нибудь ловкого выхода. Чтобы, значит, от аренды освободиться и себе обиды не нанести»¹.

После того, как колхозная инспекция за разбазаривание средств отдала председателя под суд, а сделку расторгла, то в защиту мельника выступили члены правления.

«Это уже вовсе никуда. Неужели в самом деле в «Красной звезде» собралось большинство таких, которые не понимают, что Пупышев им ни в каком разе не товарищ.

Если это так, пора пересмотреть вопрос не только о руководителях коммуны, но и о всем составе. Выбросить тех, кто усиленно старался укрыть под флагом «Красной звезды» черные кулацкие аппетиты».

«Расследование тут требуется самое внимательное»², — заключает он фельетон, говорящий об издевательствах над колхозником (фельетон «О сучке Ральфе, хлебозаготовках, контрреволюции и прочем»).

Немало фельетонов написано Бажовым на антирелигиозную тему (конец 1928 — начало 1929 гг.).

Интересно, что даже в таком своеобразном жанре, как фельетон, Бажов нередко дает историко-краеведческое начало.

В фельетоне «Немного из монастырской истории»³, напечатанном под постоянной антирелигиозной рубрикой газеты «Из тьмы на свет», Бажов высмеивает «мощи» и «целительные источники». Официальная летопись Далматовского монастыря помогает Бажову нарисовать портрет

¹ «Крестьянская газета» № 58, 10/VIII-1928 г.

² «Крестьянская газета» № 56, 31/VII-1928 г.

³ «Крестьянская газета» № 5, 18/I-1929 г.

монахов — жестоких угнетателей крестьян, развратников и бездельников.

«Обман, разврат и жестокость — вот чем только и славился монастырь... Из кого при таких условиях мощи сделаешь?»

Иронически добавив, что монахи — «народ», который «из березовой чурки золотую деньгу выгонит...», автор продолжает:

«...поставили в монастыре деревянную статую монаха, и тут же поместили старинную кольчугу и железный шлем.

Официально «разъяснили», что это-де — изображение основателя монастыря Далмата, а это его боевые доспехи... А шопотом пустили: «кольчуга очень от зубной боли помогает, а ежели к статусе головой прислониться, так всякую боль в голове как рукой снимет.

Только и всего».

Несколько раньше, в историко-краеведческом очерке «Карта дубинщины». Бажов начал разрабатывать эту тему, доказывая, что исключительная революционность крестьян Шадринского района была вызвана и монастырским засилием, длившимся несколько веков. И в фельетоне приводит он старинные документы, говорящие о монастырских поборах, многочисленных выступлениях крестьян. Использование подобного материала придало фельетону пропагандистское звучание, а страстность и сила обличения приближают его к памфлету.

Так, говоря о поверивших в святость деревянной статуи крестьянах, журналист замечает:

«... не знали, конечно, что их отцы чуть не с самого основания Далматовского монастыря в 1644 году вели непосильную борьбу с этим самым Далматом и его далматовскими заместителями».

Интересен фельетон «О нетленных штанах и посте»¹. Речь в нем идет о необходимости вести продуманную, боевую атеистическую пропаганду. Корреспондент, призвавший сообщество об антирелигиозном диспуте в Перми на тему «Был ли Христос», увлекся описанием «аргументов» попов вроде легенды о... штанах св. Иосифа. Штаны так «ушибли» корреспондента, что всё опровержение христианства он строит на невозможности сохранить с библейских времен злополучные штаны.

¹ «Крестьянская газета» № 22, 26/III-1929 г.

«Это вот и кажется печальнее всего.

Ведь селькор, судя по приведенным выдержкам, достаточно грамстен и все-таки унес в своей голове о диспуте на первом плане шутку о нетленных штанах. Зато совсем не отразилось в письме, кому и зачем нужен миф о Христе, и как этим мифом пользуются. Выпал, значит, самый главный вопрос — о классовой сущности христианства.

При таком итоге церковникам, пожалуй, выгодно поддерживать диспуты, чтобы разной требухой отвлекать внимание от основного.

Нужна серьезная антирелигиозная работа...»

Ярким оборотом в речи своего героя, одной-другой характерной подробностью его облика, журналисту удастся создать выразительную жанровую сценку, сатирический портрет.

Но все же в этот период Бажов не владеет искусством создания развернутых, развивающихся характеров. Художественная деталь позволяет ему лишь обрисовать внешние качества героев.

Старуха, «уверовавшая» в артель («Неожиданная агитаторша»), молодая женщина, которая решает вернуться в «коммунию», чем быть хозяйкой в доме мужа-единоличника («Танина проверка»), зять кулака Сергей, нашедший настоящее счастье в любви («Разбудила») — все это живые лица, взятые в одном эпизоде. Через них Бажов поднимает большие темы: рождение новой женщины в деревне, новых отношений между людьми. Но психологически эти характеры не разработаны, не даны в движении.

Однако уже в ранних произведениях Бажова заметна тенденция сообщить герою не просто минимум деталей, черт, но отыскать ту, что вскрывала бы его сущность. Чаще это гротесковая, карикатурная черта.

«Два кума сидят на завалинке. Оба сытые, с заплывшими глазками. У каждого — шея на выпуск и брюхо на улицу»¹, — портрет кулаков.

Таков сатирический портрет и в сказах, с тем, однако, существенным отличием, что если в ранней сатире существует гротесковая деталь, то в сказах она перерастает в фантастический, гротесковый образ. Так, от приказчика

¹ «Крестьянская газета» № 46, 7/VI-1926 г.

Северьяна (сказ «Приказчиковы подошвы») остается деталь — подошвы и пустая, в буквальном смысле, порода. Но и он сам, как образ, воспринимается нами как «пустая порода».

5

Выступая в самых различных газетных жанрах, Бажов чаще всего работал в области очерка. Очерк был его любимым жанром в те годы. Бажов не оставлял его до конца жизни.

Очерк привлекал его как жанр, который позволяет оперативно рассказать тысячам людей о большом и важном, активно вторгнуться в жизнь. Различные по тематике и по художественной выразительности очерки Баждова едины в своей партийной направленности.

Начало очеркового творчества было положено книгой «Уральские были» (1924 г.).

Через два года публикуется второй цикл очерков «К расчету»¹ (Сысертский завод в 1905 г.).

Оба сборника построены на материале жизни рабочих Сысертского завода, где Бажов провел большую часть детства, нередко бывал впоследствии.

В первой из книг автор рисует жизнь завода конца XIX века. Сам выходец из рабочей семьи, Бажов не испытывал недостатка в материале. Собственные впечатления, воспоминания близких и знакомых рабочих — все это, осмысленное зрелым советским публицистом, позволило написать одну за другой живые картины заводского быта.

Очерки нельзя полностью отнести к типу «очерков-воспоминаний», хотя мемуарное начало в них довольно велико. Скорее это опять тот творческий сплав, который сказался не только в аналогичном очерке «У старого рудника» (1939 г.), но и в повести «Дальнее — близкое», где личные воспоминания перемежаются с серьезными социально-экономическими выводами.

Задача очерков «Уральские были» — показать тяжелую жизнь рабочего до революции. Тщательный отбор фактов, их верная оценка делают очерки художественным обобщением всего типичного, что было в отношениях между рабочими и хозяевами.

¹ П. Бажов, К расчету, Уралкнига, 1926 г.

В очерках много сцен, рисующих каторжные, нечеловеческие условия жизни и работы. Но запоминаются не только они. В памяти остается жажда труда у «разбойника» Агапыча, недюжинного человека, который предпочел вести неравную борьбу, чем покориться «начальству».

— Не могу я, Данилыч, без дела. Ну, кормят меня, поят — спасибо. А вот дела никто дать не может. А без дела как? ¹

Целая глава «Покос» уделена описанию совместного труда рабочих на покосе, так как «радость коллективной работы как-то особенно выпукло выступала в это время» ².

Бажов показывает способность рабочих противостоять угнетению, в «широком плече» класса черпать силы, надежды. «Уральские были» выгодно отличаются от многих изданий тех лет, где упускалась важнейшая сторона характера рабочего человека: любовь к труду, творческое отношение к действительности, богатый запас душевных сил.

«Если в прошлом — от «Растеряевой улицы» до Чеховских «Мужиков» — по понятным причинам внимание фиксировалось на теневых сторонах, — говорит Бажов, — то задача нашего поколения, имевшего возможность видеть старое, — осветить то, из чего росла любовь к родине и мощь нашего государства» ³.

Очерки написаны простым, легким слогом. Умелое использование народной речи говорит о том, что еще задолго до создания сказов Бажов уже обращался к этой художественной сокровищнице.

«Над словом не думал, запас был. Писал так, как у нас говорят... Календарных дат не надо мне было, я сближал события, сопоставлял, сгущал характерное», — вспоминал писатель.

Цикл очерков «К расчету» (Сысертский завод в 1905 г.) является идейным и тематическим продолжением «Уральских былей», рисует возросшее классовое сознание рабочих.

Революционное движение рабочих на заводе в 1905 году то затухает, то вспыхивает, притягивая всё новые массы, становится всё организованнее, решительнее.

¹ П. Бажов, Уральские были. Свердловск, 1951, стр. 54.

² Там же. Стр. 70.

³ Л. Скорин, «П. П. Бажов». Советский писатель, 1947 г., стр. 82.

Рабочий кружок — центр забастовщиков установил связь с Екатеринбургским партийным центром. Забастовщики приходят к пониманию, что «надо силой взять свое, без этого не обойтись». Более тысячи человек собралось у дома заводчика Соломирского, требуя управляющего (гл. «Самый большой день»). Вместо него вышел сам владелец. Эта сцена, как и многие другие, выразительно передает мощь рабочих. Немногими штрихами показана напряженность момента, угроза открытого взрыва. Описывая смятение в барском доме, автор подмечает:

«У входной двери стоит полицейский надзиратель и, забыв свою обычную «жантильность», бросает на пол один за другим окурки»¹.

Неподалеку дряхлый, трясущийся от страха, в кой-как надетой фуражке с дворянской кокардой — Соломирский, затерявшийся в тысячной толпе, готовый раздавить его.

— Этакой вот плюнь на тебе и ездит, — удивляются рабочие.

— Всю жизнь, а?»

Следуя исторической правде, Бажов завершает рассказ о забастовке годами реакции, репрессиями, ссылками участников. Но книга оставляет уверенность в победе, в силе пролетариата.

Наряду с историческими очерками Бажов публикует в те годы очерки на современные темы. Свежие, достоверные факты, лично увиденные художником-очеркистом, осмысленные как типичные — таков материал его очерков. Как и другим журналистам, Бажову пришлось много поработать над освоением этого жанра, среднего между рассказом и исследованием. Случалось, что образное начало еще не составляло целого с деловой, фактографической частью.

Большинство очерков публикуется в журнале «Колос», ежемесячном приложении к «Крестьянской газете». Другие («Уральские были», очерки о деревне) — в рабочем журнале «Товарищ Терентий».

В 1925 году в «Колосе» печатается очерк «Старинные жители Урала», рассказывающий о судьбах марийцев. Компактное историко-экономическое введение знакомит с обычаями, жизнью, занятиями маленькой народности. Много еще старого, дикого сохранилось в обычаях,

¹ П. Бажов, К расчету, Уралкнига, 1926, стр. 80.

но «Советская власть, раскрепостившая и все самые малые народы, произвела огромный переворот и в жизни марийцев»¹. У народа, который в прошлом даже не имел письменности, теперь — «новые учебники, книги по сельскому хозяйству, даже свой марийский журнал «У Илыш» («Новая жизнь»).

Марийцы учатся в школах, в Красноуфимском техникуме, в совхозе Тюш овладевают сельскохозяйственными машинами, агрономией. В областной партийной школе учатся 119 человек.

«Даже в семью старого язычника Ивана Семенова забралась эта новая жизнь.

Его дочь Альяш — 19 лет — уже совсем отошла от древних «кереметей». Она в прошлом году была выбрана делегаткой женотдела и теперь работает среди женщин мари».

В этом же журнале «Колос» Бажов печатает и другой очерк «Там, где делают жернова и точильные брусья», подписав его псевдонимом «Старозаводский», как и другие очерки о рабочих.

Насильно согнанные в 1765 году для «малонужного» дела — добычи мрамора на украшение столичных дворцов и соборов, мастера-камнерезы положили начало селению, названному Мраморским заводом. «Потом, видимо, показалось ненужным доставать с Урала украшительный камень»². О судьбе мастеров позабыли.

Пришла Советская власть. Вместо изготовления кладбищенских памятников, мраморцы получили «постоянный деловой заказ — распределительные щиты для электрических установок»³. Кустари объединились в артель.

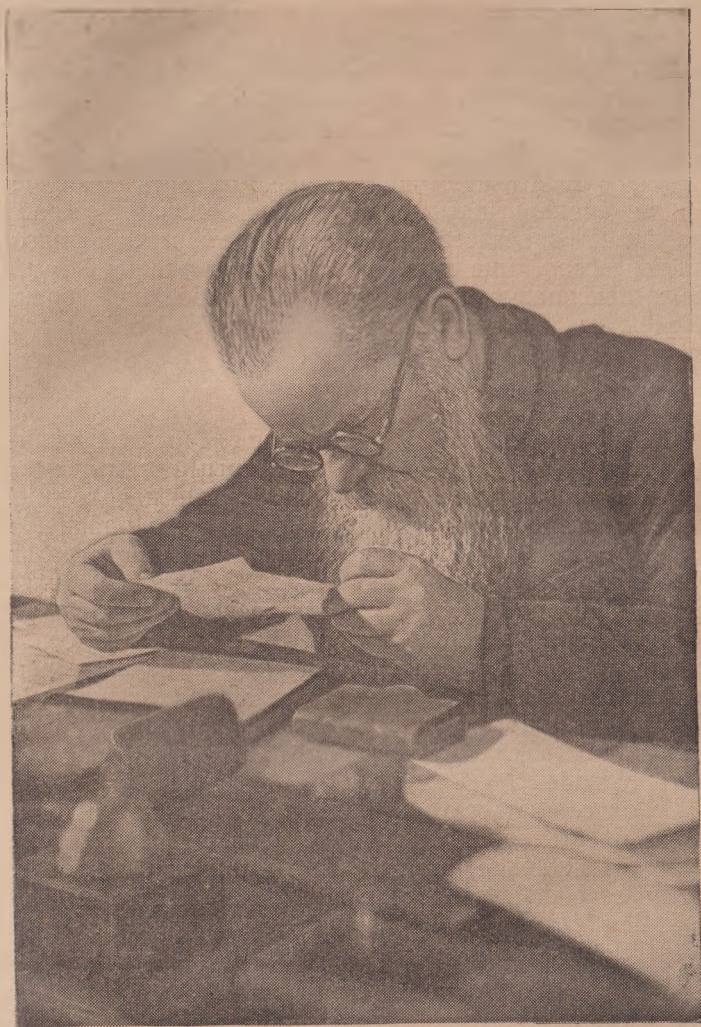
Смысл очерка — не просто в показе неизбежных перемен в жизни мраморцев. Распределительные щиты больше, чем «постоянный заказ». Бажов показывает превращение малонужного ремесла в подлинный труд, полезный, необходимый всей стране.

Кроме этого, Бажов печатает и другие очерки на заводские темы. И в них проводит ту же идею преобразующей роли свободного труда.

¹ Журнал «Колос», № 1, 1925, стр. 14.

² Журнал «Колос», № 1, 1925, стр. 22.

³ Журнал «Товарищ Терентий», № 13, 1925 г.

Читает письма избирателей (1948).

«Тихим делом» остался в памяти писателя дореволюционный Полевской завод. Теперь же здесь тоже «смешалась жизнь». Много еще от старой рутины, но завод растет. «Будущее завода» — так называет Бажов заключительную главку. Перспективы завода — в реальной возможности «использовать дешевый отработанный газ...» для «переработки в серную кислоту».

Здесь же Бажов считает своей обязанностью действительно вмешаться в описываемое. Четверть века назад начали прокладывать шоссе между заводом и железнодорожным разъездом, но дорога попрежнему непригодна для перевозок. Еще серьезней звучит замечание о том, что «из-за неисправности печи получается большой брак на заводе... из 350 бутылей только штук 7—8 выходит годных».

6

В 1925 году в журнале «Товарищ Терентий» напечатаны два очерка Бажова: «Под старыми ветряками» и «Мужицкая баллистика», положившие начало циклу очерков о деревне Любиной, Байкаловского района. Писались они вплоть до 1930 года и потом вышли отдельным сборником «Пять ступеней коллективизации». Большая часть из них помещена в «Крестьянской газете».

Очерки о Любиной представляли попытку осветить ранние этапы колхозного движения в первом районе сплошной коллективизации на Урале. От землеустройства «путаной земли» до превращения деревушки в бригаду колхоза «Гигант» — такой промежуток времени охватывает журналист.

Он рассказывает о том, как на собственном опыте убеждались крестьяне в преимуществе колхозов, как направлялось это движение партией, как изменения в экономике влекли за собой перевоспитание человека, рост его культуры. Глубокая разработка темы была результатом того, что в Любиной Бажов не был сторонним наблюдателем. Он выступал на собраниях «в пожарной», помогал крестьянам принять правильное решение, вместе с агрономом боролся с нарушителями общественного севооборота.

Отразить величие коллективизации на частном примере одной деревни — дело сложное. Здесь нужны были факты, которые, кроме своего прямого значения, передавали бы и тенденцию развития.

Начав с исторической справки об особенностях заселения северо-восточного и восточного районов Зауралья, Бажов делает вывод, что чересполосица в Байкаловском районе — результат далекого прошлого. Она возникла как следствие расселения крестьян «самоходом». Ликвидация внутриселенной чересполосицы стала первой «ступенью» коллективизации у байкаловцев. А среди них «любимцы первые по Зауралю провели у себя землеустройство, но на этом не остановились»¹.

Следующим шагом был «стальной конь», которого купила артель. Он окончательно убедил крестьян в силе коллективного труда, заставил подумать об общественном севообороте.

«Проработав на жатве и обмолотив 15 тысяч пудов, трактор теперь тянет мельничный постав, размалывает за сутки 600 пудов. Работает на три смеши, и жизнь около трактора не затихает ни на минутку». А вот «полусложной молотилкой к трактору артельщики не совсем довольны. Слаба она. Живо растрясет, а все-таки стоит 808 руб.»².

Такова деловая, фактическая сторона нового хозяйства. Все эти процессы вызвали к жизни ранее скрытые силы людей, и Бажов обращается к образу «нового человека» уральской деревни.

Вот тракторист Николай Григорьевич Воинков. Он же секретарь местной партячейки, член правления артели, руководитель школы по ликвидации политнеграмотности.

«Отец у него на хутор уехал. «Не хочу, — говорит, — с коммунистом жить». Все косяки выворотил... До топов у них с отцом доходило».

Разрушенный отцом кулаком дом «уныло устоялся через палисадник пустыми оконными дырами... В избе нового деревенского человека холодно. На полатах в шубах приходится спать. Двое ребятишек малышей всю зиму на печке околачиваются.

С головой ушел человек в общественную работу — своим заняться некогда. Так и живет с тонкими филейными дверками в пустое место, которое осталось от передней части дома...»³.

¹ П. Бажов, Уральские были. Свердловск, 1951, стр. 160.

² Журнал «Колос» № 4, 1926, стр. 15.

³ П. Бажов, Пять ступеней коллективизации. Уралкнига, 1930, стр. 41—42.

Новое воплощается в труде людей. Вот школа, о которой председатель сельсовета говорит с гордостью.

«Гордиться действительно есть чем. Школьное здание — пусть и незатейливое, тесное — построено любинцами на свои средства в голодный 21-й год»¹.

Постройка школы, над чем «сперва тоже шутили», — показатель силы коллектива, первый росток новой жизни.

«С нее по-настоящему и дальше пошли.

— Уж если в голодуху школу построили, так неужели землеустройство не провести?»

В октябре 1927 года Бажов снова в Байкаловском районе. Он пробыл здесь целый месяц. Вместе с комиссией агрономического отдела принимал поля на областной конкурс общественного севооборота. «Вороновым крылом» поэтически назвал он 90 десятин парового поля — внушительного свидетельства коллективной работы.

«Огромная полоса пшеницы без всякой примеси, и рядом черная полоса, тоже в 90 десятин, парового поля так и бьет в глаза.

Новые, прямые, свежееканированные дороги и геометрически правильные подъезды к новым полям дополняют и без того ясную картину.

Но все-таки, когда наши телеги поравнялись с разделом пшенища и паров, с задней телеги кричат:

— Это вот у нас начинается второй пласт! — И хохочут... по-ребячьи, заливисто, таким хорошим смехом, какой мне за 50 лет жизни, пожалуй, впервые пришлось слушать у крестьян.

Не пьяный, больной смех, не досужее зубоскальство на завалинке, а смех зрелых, бывалых людей...

— Без единой межинки!

— Тут вот и конец старому зарыт и не узнать где, — говорит председатель артели...»².

Читаешь с интересом и следующие страницы, полные цифр, пунктов, статистических данных, — акт конкурсной комиссии, понимая, что «в этом документе целая новая история советской деревни. Своего рода поэма из клиньев и новых культур».

Например, на приемочном пункте Байкаловской кооперации — сдача зерна. Принимают клевер. До революции

¹ Журнал «Колос» № 4, 1926, стр. 14.

² «Крестьянская газета» № 92, 13/XII-1927 г.

по району посевов клевера было 11¹/₂ десятин. В 1927 году под клевером — уже 873 десятины, всего под травосеянием — 1783 десятины. «Что же тут сравнивать, когда в 160 с лишним раз увеличилось! Процент получается вовсе дикий — 16 504.

Да, трудно измерить Октябрь в крестьянском хозяйстве процентом!»¹.

Всех собравшихся притягивает «золотая дорожка».

«На зерноотборочной машине «Кускуте», по сетчатой раме, во всю ее ширину бежит тонкая желто-фиолетовая лента. От сотрясательных движений круглые, мягкие, но тяжелые семена слегка подпрыгивают, и от этого, или, может быть, от разницы окраски, лента кажется из ожившего золота, которое само спешит выбежать из машины».

Насколько сильно запомнился этот образ, можно судить по тому, что много лет спустя в сказе «Аметистовое дело» писатель вновь использует его. Здесь «золотая дорожка» превращается в реалистический символ. На примере жизни старого горщика, а потом клеверовода в колхозе, Ивана Долгана, раскрывается мысль, что крестьянский труд, как и труд рабочего-горщика, полон радости творчества.

«Новые слова» называется очерк, рассказывающий об изменениях в сознании крестьянина. На факте продажи крестьянами своей продукции по кооперативному сбыту (не «запрашивая») автор раскрывает большие перемены в жизни деревни.

«Эти новые понятия: «кооперативный сбыт» и «кооперативная заготовка», — пишет он, — на мой взгляд, одно из самых больших достижений Байкаловского района.

Приучить собственника, чтобы он сдавал продукты своего хозяйства, не зная даже цены за них, — успех большой. Он может быть только при условии, если кооперация уже охватила большую часть рынка и ведет дело «по-хорошему»².

Исследуя экономический материал, глубоко понимая пути развития социалистического сельского хозяйства, Бажов приходит к выводу:

¹ «Крестьянская газета» № 91, 9/XII-1927 г.

² «Крестьянская газета» № 95, 23/XII-1927 г.

«Если высший вид коллектива — коммуны — распа-
даются или пахотятся в тяжелых условиях, то остальные
виды кооперативных объединений растут.

Наиболее широко принятая форма — артели.

Их на 1 сентября 1927 года 50, с общим числом 1152
хозяйства».

Благодаря каким же особенностям достигли любинцы
успехов? Ответ определен: «...первыми застрельщиками
были партийцы из красноармейцев и партизаны граждан-
ской войны. Это говорило о хорошей работе партийной
ячейки и объясняло, почему в деревне Любиной «дружные
мужики».

«Дружные мужики» — артельщики, коммунисты «пере-
шевеливают» жизнь в районе. Вся советская действитель-
ность помогает им «сбить мужика на новое». Этот про-
цесс проходит в ожесточенной борьбе с врагом, начиная
от всевозможных «Ляксей Иванычей», которые нарушают
севооборот (сознательно «посеял не ту культуру, которая
должна быть на этом пласту») и кончая вооруженной
охраной собранного урожая.

Партия — вот главная сила, что направляет людей,
поддерживает их трудовой энтузиазм. Со всех деревень
тянутся нити в Байкалово — районный центр, в райком
партии. «Откуда все идет», — так называется очерк о
коммунистах района.

«В бывшем поповском доме — из окна в окно против
церкви — Байкаловский райком ВКП»¹. За время рево-
люции и гражданской войны побывали в Байкалово
всевозможные правители, увешанные оружием. К одним
открывала дорогу водка, к другим — еще кой-что... А вот к
райкомовцам у старой деревни «подхода» нет. По углам
разговоры недовольных — своеобразная характеристика
новых властей.

«Баб совсем сбили...

Про ребят и не говори... от комсомола их палкой не
отгонишь...

— Еще этот проклятый комитет батрацкий. Во всякое
хозяйство нос сует...».

Осенью 1928 года побывал Бажов в Любиной в День
урожая. Хлеб с общих полей был собран на гуменнике.
«Взглянуть на «кладево бедного мужика» съехалось

¹ «Крестьянская газета» № 96, 30/XII-1927 г.

больше 500 человек». Результаты воспринимались, «как чудо, которое, однако, и другим повторить вполне возможно»¹.

«Залезали в овощехранилище, совали руки по плечо в виковые стога, осматривали машинный сарай, тракторную мельницу... Сами считали в конторе. Ходили в детский сад, в народом, в мастерскую, в школу... В детских яслях даже краску колупнут — не для виду ли?»

«Выставкой было само хозяйство артели... средние цифры прямо кричали об экономических выгодах обобществленного полеводства».

Быстрый, взволнованный темп рассказа передает праздничное настроение автора. Отбором фактов, цифр, подчеркиванием определенных деталей (нормирование рабочего дня, слаженность в работе) приводит он читателей к мысли о силе коллективного труда.

Находит Бажов место и для критических замечаний в адрес машиноснабжающих организаций, по чьей вине задержался обмолот. В этом тоже сказывается его действительная заинтересованность в описываемом.

Новые дела рождают новые отношения между людьми, изменяют повседневное, бытовое.

Как и прежде, сидят на завалинке женщины, поджидая с поля мужей. Но разговоры новые: не «судачат», а говорят о прогульщиках на работе, решают по-деловому выступить против легкомысленного отношения к семье. «В густом, застарелом бурьяне пробиваются молодые побеги нового быта»², — заключает Бажов.

Главу-очерк («Пестрый быт») он завершает картиной вечера.

«Выбежал над дальними полями насмешливый глаз вечерней звезды. Издали стали доноситься звуки песни. Схватывались лишь тягучие концы на верхних нотах.

Женщины у пожарницы насторожились:

— Не наши ли?

Звуки приближались. Скоро можно было узнать песню, хотя отдельные слова еще не доносились.

Сменился мотив. Слышны стали слова. Но женщины всё еще ждали.

¹ П. Бажов, Уральские были. Свердловск, 1951, стр. 168.

² П. Бажов, Пять ступеней коллективизации. Уралкнига, 1930, стр. 71.

И вот отчетливо и близко:

— Смело мы в бой пойдем
За власть Советов!

— Наши, значит...»¹.

Характер темы требовал использования протокольных материалов, статистических данных. Но они не засушили очерков. На бурных заседаниях в пожарнице, в сельсовете, в спорах на полях живут и действуют люди, коллектив.

Очерки о деревне Любиной интересны и в наши дни. Причина этого в исследовательском отношении автора к теме и в том, что писались они как оперативный, действенный материал. Вдумчиво отобранные факты из жизни «передовой деревни», страстное желание убедить крестьянского читателя в правильности пути любимцев, делали очерки боевым пропагандистским выступлением. На конкретном примере уральской деревни показана руководящая роль партии, значение техники, сила коллектива.

«...Гораздо нужнее и интересней, — подчеркивает Бажов, — взять какой-нибудь отдельный... пример, чтобы на нем проследить, как правильная политика партии правильно проводилась в жизни деревни»².

В 1928 году П. Бажов печатает в «Крестьянской газете» рассказ «Потерянная полоса». Построенный целиком на наблюдениях в Любиной, он завершает тему старой деревни.

Герой рассказа Михайло Воишков, в прошлом зажиточный середняк, «девятый десяток доживает». Не по силам ему понять все новое, что ворвалось в деревенскую жизнь. Непонятна фигура «влакбуха», не верит, что «народом» не имеет «хозяина», тревожит «беспокойное слово» — артель.

Михайле в равной степени не понять и новые игры малышей в детских яслях, и деловой разговор трактористов. От людей он уходит в поля, где думает найти свои две десятины. Но они исчезли навсегда. Там, где раньше была дорога, встает стена колосьев. Вместо множества тропок — лента тракта. Не узнать старых мест и по посевам. Все

¹ П. Бажов, Пять ступеней коллективизации. Уралкнига, 1930, стр. 72.

² Л. Скорин, «П. П. Бажов». Советский писатель, 1947, стр. 89.

они одинаково равны, как будто высеяны одним человеком. Так и есть — их сеял новый хозяин — колхоз.

В страхе бежит Михайло прочь. Он дряхл, а земля начинает новую жизнь.

Передав ощущение пропасти между старой и новой жизнью в деревне, Бажов, однако, не справился с основной задачей — созданием типического образа классового врага в деревне периода развертывания коллективизации.

Старческая немощь Михайлы воспринимается, как символ беспомощности, слабости старой деревни.

Между тем, именно в эти годы кулачество и спекулянты начали бешеное сопротивление колхозному строительству. В целом ряде корреспонденций, публицистических статей тех лет Бажов правдиво рисует жестокую классовую борьбу в деревне.

В «Потерянной полосе» более резко, по сравнению с рассказами, сказалась неопытность начинающего литератора, неумение найти типическую ситуацию, основной конфликт реальной жизни. В обрисовке художественного образа Бажов не пошел дальше внешних черт.

Осенью 1929 года Бажов вновь побывал в Любиной. В очерке «Через год» он рисует дальнейшие изменения в быте колхозной деревни.

Дед Михайло еще больше «одичал». От бывшей хозяйственности осталось одно: подбирает полуистлевшие тряпки во дворе. Но об этом мимоходом. Главное — расцвет колхозной жизни. Это уже не ростки, а основное, определяющее быт и труд.

Во многих избах радио. Слышны «звук рояля в деревне, которая до сих пор не нажила более 55 дворов и в прошлом не имела ни попа, ни торговца»¹. Это играет жена агронома, приехавшего в деревню.

Любино уже не бригада, какой была в прошлом году, а центр колхозного куста, объединяющего девять коллективов.

7

Одновременно с очерками о колхозном труде, Бажов продолжает и историко-революционную тему, начатую циклом «К расчету».

¹ «Крестьянская газета» № 77, 1/XI-1929 г.

В очерке — «Из колчаковского года»¹, подписанном «Бывший рядовой 29-й дивизии Б. Павлов», он описывает сражение в Перми, а также обстановку в колчаковском тылу: падение производства, репрессии, засилье кулака в деревне, спекуляцию.

В рассказе «Артемьева оплошка»² он говорит о судьбе крестьянина, убитого белыми. Первый в деревне «учуял» тот большевистскую правду, но не до конца: бросил армию, вернулся к обнищавшей семье.

— Все из-за ребят, видно. Жалел уж их сильно, — заключает рассказчик-крестьянин. «Артемьева оплошка» оставляет впечатление незаключенности, слабо обрисован основной герой. Вероятно, Бажов рассчитывал вернуться к этому сюжету в будущем.

Характерно, что историко-революционная тема разрабатывается на материале уральской деревни. Таковы «Карта «дубинщины»³ и большой очерк «Туринское восстание»⁴, а также статья «Красная армия на Урале»⁵ — история создания крестьянского полка Красных орлов.

Различные по художественной манере, теме очерки всё же позволяют уловить особенности П. Бажова как очеркиста. Он стремится найти в прошлом основу событий настоящего, показать первые ростки революционных выступлений, которые содержат в себе уже самое характерное, что определит движение в целом.

«Карта «дубинщины» — исторический очерк о крестьянских выступлениях против Далматовского монастыря (Шадринский район) в прошлом веке. После революции крестьяне этого района особенно активно, дружно выступили против белогвардейцев. Они-то и составили ядро крестьянского полка Красных орлов. Объяснение автор находит в старых боевых традициях шадринских крестьян.

Во втором очерке Бажов обращается к крестьянскому восстанию в Туре в 1919 году против колчаковской мобилизации. Подавленное в первые дни, восстание не смогло вылиться в широкое движение, которое бы повлияло на

¹ «Крестьянская газета» № 55, 15/VII-1925 г.

² «Крестьянская газета» № 83, 11/XII-1927 г.

³ «Крестьянская газета» № 80, 7/XI-1928 г.

⁴ «Крестьянская газета» № 40—45, июнь 1929 г.

⁵ «Крестьянская газета» № 15, 22/II-1929 г.

ход фронтовых событий. Но Бажов находит в нем важные исторические особенности. Он пишет:

«Прежде всего, это первое по времени.

Возникло в условиях чисто крестьянского района...

Наконец, Туринское восстание — один из ярких образов значения организующей и направляющей силы».

Основное достоинство историко-революционных очерков — разоблачение легенд дореволюционных историков и экономистов об особом якобы характере уральского и сибирского крестьянства, далекого от революционных настроений — «опоре земли русской».

В очерке-главе «В краю коренного землероба»¹ Бажов опровергает идейки о «коренном землеробе», «подлинном мужике». Глубоко исследовав положение до революции крестьян Шадринского, Ирбитского и Камышловского районов, он приходит к выводу о резком расслоении уральской деревни, ожесточенной борьбе между бедняком и кулаком.

Развивая тему, журналист пишет сборник очерков о крестьянстве Урала в гражданскую войну. Это — «Бойцы первого призыва» (к истории полка Красных орлов). На истории регулярного крестьянского полка автор намеревался написать увлекательную книгу. О формировании первого камышловского рабочего полка на Урале думал он рассказать в последней работе по историко-революционной теме.

Бажов придавал огромное значение живым свидетельствам очевидцев и тем элементам быта, которые наиболее выразительно передают дух времени, его эмоциональную окраску.

Умение сочетать художественную подачу с точными цифрами, документами и фактами и составляет отличительную черту его очерков.

Так он намеревался написать и эти книги. Но когда принес первую главу-очерк для книги «Бойцы первого призыва», редактор сказал: «Так историю не пишут». Вспоминая об этом эпизоде, Павел Петрович добавляет: «А по-моему, это и была сама история»².

Вместо широкой картины гражданской войны Бажову

¹ П. Бажов, «Бойцы первого призыва», Урализдат, 1934 г.

² К. Боголюбов, Ранние произведения П. Бажова. «Призыв» № 14, 1950, стр. 355.

пришлось ограничиться биографией двух полков. Он принужден был скрупулезно переносить на страницы все детали полкового маршрута. Зарисовки, портретные наброски, сценки оттеснены в этих книгах документальным материалом.

Хороши в книгах отдельные главы. В сцене перехода измученных войск через болото ярко показана воля народа к победе (гл. «Резерв мужества» в сборнике «Бойцы первого призыва»), мужество в бою (сражение под Кыновским заводом).

В портретных набросках командиров полка, разведчиков есть верное выделение ведущих черт — революционной сознательности, стремления вчерашних рабочих и солдат к знаниям.

Вот в тревожные дни наступления белых командир полка Красных орлов, рабочий обувной фабрики П. Подпорин составляет обращение — «чтобы за живое брало».

«Человек в синей рубаше, засаленный, грязный, свпавшими от длительной бессоницы глазами, сидит у стола с бумагами. На столе маузер, справа английская граната. Пишет.

— У, гадюка, не то слово... Всё не то слово»¹.

«Грамоты не хватает» и батальонному Жукову. Он решил читать только «самых»: Ленина, Маркса, Энгельса. «Даже в тяжелой фронтовой обстановке его можно было видеть склонившимся над серенькой книжкой «Империализм как высшая стадия капитализма».

— Трудно, — жалуется Жуков, — но я все-таки пойму. Десять раз прочитаю, а добьюсь. Добьюсь своего!

С этой книжкой в кармане он и был ранен смертельно»².

Как и прежде, Бажов стремится в показе отдельного случая передать типичное, общее. Историю создания Камышловского полка он старается передать, как историю рабочих полков на Урале вообще. Из этих соображений книга начинается с возникновения экспедиционного отряда матроса Хохрякова, поскольку здесь проявились наиболее типичные формы начальной организации рабочих отрядов. Эта стадия у Камышловского полка была менее показательной. Об этом Бажов замечает так:

¹ П. Б а ж о в, Бойцы первого призыва. Урализдат, 1934, стр. 66.

² Там же, стр. 108.

«Этот отряд (т. е. Хохрякова), правда, не вошел в состав Камышловского полка, но он явился типичным для всех рабочих отрядов...»

Но ориентация на протокольные факты, связанные исключительно с судьбой двух полков, не позволила автору широко передать типичную обстановку того времени, напряженную работу по организации обороны страны.

В 1932 году Бажов долгое время пробыл в Тавде. Цель поездки — собрать материал для большого очеркового цикла по истории рабочего класса, по истории промышленности на Урале. Выполненными оказались три очерка: «Северные сукноделы», «Первый лесозавод», «Машинка на Азанке».

Активным отношением к современности, хорошим знанием жизни проникнуты эти очерки.

В первом из них «Северные сукноделы» разоблачается ложь дореволюционных экономистов, чьи книги (имеется в виду справочник «Россия») можно было печатать «только при полной уверенности, что никто, кроме хозяев и их прихлебателей, не сможет прочесть такие описания...»¹.

Здесь выступают сами рабочие. Их анкетно-точные ответы об условиях каторжного труда до революции, голодной жизни в землянках, издевательствах, хитроумно придуманной системе спаивания, раскрывают «подлинное положение значительного промышленного пункта», как именовались фабрики в справочнике.

В очерке «Первый лесозавод» рассказывается, как беспредельный аппетит мелких наглых предпринимателей-«щурят» разрушал экономику страны, обрекал на страдания рабочих. В сумятице I мировой войны мелкий волжский лесопромышленник поспешил «хорошее место захватить»², заняться распиловкой леса на Тавде. Распилочная рама оказалась слабой для уральских лесов, дело сорвалось, но «щуренок» живо оправился на спекуляции овсом. Пострадали завезенные на Урал рабочие, да бесцельно пропало оборудование.

Ощущение современности передается в этом очерке (как, впрочем, и в предыдущем) формой подачи материала. Это беседа Бажова с советскими рабочими.

¹ П. Бажов, Уральские были. Свердловск, 1951, стр. 137.

² П. Бажов, Уральские были. Свердловск, 1951, стр. 143.

Там, где спасовала когда-то распилочная жердевая рама, стоит теперь лесопильный завод № 7.

Чувство дня сопутствует Бажову и в историко-краеведческих очерках. Когда-то, еще в 1925 году, он написал очерк «Сложный химический процесс», разоблачавший косность и продажность русских капиталистов. Известный уральский промышленник Ф. Злоказов, владевший многими землями и рудниками, за хорошую цену и титул баронета втайне продал английским концессионерам «Лена-Голдфилдс» Зюзельский, Дегтярский и Сысертский рудники.

Иронизируя над поборником «отечественного производства», Бажов заканчивает:

«Именитое купечество всегда любило отечество... продавать хоть оптом, хоть в розницу»¹.

Живо интересуясь развитием края, Бажов еще не раз побывает в этих местах. Ему надо было увидеть реконструкцию Северского завода, возрождение Гумёшевского рудника, пуск Полевского химкомбината. Очерк «Сложный химический процесс» становится частью большого исторического очерка «Под знаком «синего тумана» о Гумёшевском руднике.

Лучшие трудовые качества наших людей выводит Бажов из коренных традиций русского народа.

Главой с жизни Арамильской слободы в начале XVIII века открывается история рудника. «Рудознатцы» — Сергей Бабин, Кузьма Сулеев и караульный Михайло Сарапулец (личности характерные) любят богатую землю, похозяйски внимательно изучают ее. По синему туману, который поднимался с поверхности после дождя (реакция колчедана с водой), находят они медную руду и малахит.

В очерке отчетливо проводится главная идея: история — это, прежде всего, история труда простых людей; создание уральской металлургии, горного дела положено самим народом.

Вся дальнейшая история Гумёшек — картина угасания производства, хищнической, нерациональной разработки недр. Через эпоху господства Турчаниновых, Злоказовых и английских концессионеров приводит автор к настоящему положению рудника.

¹ П. Бажов, Уральские были. Свердловск, 1951, стр. 152.

«Рамки старого рудника раздвинулись... центр рудной базы — в другом месте...»¹. Очерк кончается описанием предприятий всего Средуралмедьстроя.

Те же мысли проводятся в очерке «Медная быль», который готовился для другого краеведческого сборника. Придирчивый к своей работе автор не сдал его в печать, хотя очерк мало в чем уступает другим. В нем тот же излюбленный Бажовский контраст: вчера и сегодня.

Наблюдая, как из горы Лабаз целыми составами вывозится руда, как оживило производство на Гумёшках, он вспоминает мечты старого рабочего, горного сторожа на Лабазе, Мисилова, с которым встречался задолго до революции. С обидой говорил тот о неиспользованной руде, которой «без меры положено», убеждал, что «если копнуть поглубже, то внукам и правнукам останется»².

Бажов считал очерк художественным произведением, куда органично вливается публицистическая струя. Его очерки всегда сюжетны, пронизаны единым авторским отношением к описываемому, отношением советского журналиста. Стремясь наиболее полно выразить идею, Бажов мобилизует все художественные средства. И в его очерках всегда присутствуют познавательные моменты исторического и социально-экономического характера.

Цикл очерков «Загороженный лес»³, написанный в 1934—1935 году, наиболее ярко выразил эти особенности Бажова-очеркиста.

На материале Камышловской лесной дачи он показывает первые шаги «лесной индустриализации». Живые, верно схваченные сценки, тонко разработанный пейзаж перемежаются здесь с исторической справкой или деловым практическим предложением. В этих очерках оперативно показано то, что еще только назревало в жизни.

«Лесная индустриализация» начинается с подбора кадров квалифицированных рабочих. На фактах производительности труда убеждается читатель, что «создание специальных кадров лесорбочих заслуживает самого широкого распространения»⁴.

¹ Сб. «Урал медный». Свердловск, 1936, стр. 49.

² П. Бажов, Медная быль. Личный архив писателя.

³ По независящим от автора обстоятельствам цикл не публиковался.

⁴ П. Бажов, Загороженный лес. Личный архив писателя, стр. 19.

Так рассуждают и герои очерков. «Речь о механизации, — считает лесничий А. Попов, — ведется не с того конца... надо говорить о технической учебе. С постоянными кадрами мы любой инструмент сможем применить».

Отдельный очерк посвящается формам соци соревнования на лесосеках. Особо подчеркивает Бажов и необходимость организовать подсобные производства — углехожение, перегонку смолы. Он поднимает вопрос продвижения южных культур на север, рассказывает о «пионере плодородства», камышловском землемере Гриднине.

И все это подчинено определенной цели — «привлечь внимание широких масс к такому участку, как хозяйство в лесах местного значения... цифры итоговых результатов с достаточной ясностью показывают, что эти простые мероприятия имеют немаловажное значение в государственном хозяйстве...».

При виде лесного массива, который пойдет в рубку в 1951 году, «в фонд последнего года пятой пятилетки», лесничий говорит:

«За одну пятилетку могут все наши расчеты измениться. Месонит, например... Разве он не произведет коренного переворота в нашей лесозаготовке? А механизация? Кто ее применял к семенам хвойных растений? Аэропосевы, механизация... Положительно отказываешься представить перемены, которые будут через две пятилетки и в нашем лесном деле»¹.

Так думают и другие работники лесничества. При всем различии их характеров, Бажов выделяет одну общую черту — «особо любовное отношение к выращиванию растений», к порученному делу. Не материальная выгода, а «новая красота» — кипучая работа удерживает их в лесу на всю жизнь.

Пусть 85-летний кордонщик-пенсионер Деревин и любит поговорить с приезжими о скором его «смертном часе», считает соци соревнование и ударничество делом молодых, однако в работе он «хлопотуша-горячка» и о нем знают не только в ближайших деревнях, но и в Камышлове.

«Локоть здесь чувствуешь колхозной жизни, — заключает лесничий. — Индустриализацию видишь как

¹ П. Бажов, Загороженный лес. Личный архив писателя, стр. 39.

будто ближе, чем в городе. Там только дымки, да гудки, а здесь вся она с живыми людьми, где шипит, где гудит, где грохочет...»¹.

Другую, новую красоту леса вместе со всеми видит и Бажов.

Очерк открывается описанием подъема на сторожевую вышку. Человек впервые поднимается по мелко дрожащим ступенькам все выше и выше; порывы ветра заставляют плотней прижиматься к перилам, и, наконец, все это забывается перед величественной панорамой.

Сверху «казалось необычайным, что столетние сосны, такие спокойные внизу, делают такой широкий и плавный размах вершинами, как камыш! Вот разом пошли на восток, задержались на миг и упруго, с напором, идут обратно. Какой-то миг остановки, и опять ветер повел их на восток. Сверху даже кажется, что вершины описывают правильный эллипс...

Хорошо! Запеть в пору!»².

Эти строки определяют эмоциональное, лирическое звучание цикла. Во вступлении хорошо показан могучий, светлый мир, в котором живут и трудятся люди. Здесь, «в рубке над лесом», дозорный рассказывает очеркисту историю возникновения бора на месте Бамбуковки, излюбленного места гуляний дореволюционного Камышлова. С величайшим усилием выхлопотал А. Попов право сохранить небольшой участок от порубки. В тяжелые годы гражданской войны камышловские большевики не только одернули кулаков, расхищавших лес, но и расширили его территорию. Сейчас здесь настоящий заповедник.

Советские люди сохраняют леса. Преобразуя земные богатства, они все дальше вторгаются в природу. Передается это характерной картиной-символом. Рассказывая о звонкой лесной реке Пышме и о стройке на ее берегах, Бажов пишет:

«Близость нового жилья не потушила этого радостного звучания, а лишь придала ему новый оттенок. Бег струи на фоне сложных шумов человеческого жилья ведет мысль от красоты первобытного уголка к красоте человеческой жизни»³.

¹ «Загороженный лес», стр. 18—19.

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 28.

И дальше:

«В бормотании струи на этот раз слышится: «бы-стрей, строй! Строй бы-стрей!»

Ровный стук молотка по металлу в рассыпающемся отзвуке дает: «е-есть, е-есть».

Ответ спокойный, уверенный и властный, но пока что вода и лес здесь видней и слышней, чем люди. Даже осторожный ворон, как видно, не признает это место обжитым.

Обрадовавшись проглянувшему к вечеру, после тяжелой и серой погоды, солнцу, он делает широкие круги и рассыпает меж гулками соснами опушки изумительный звон своего сильного полета: «тгронь... тгронь... тгронь-те». Ухо ищет в этих звуках другое слово: «солн...солн...солнце».

В «Загороженном лесу» обращает внимание одна особенность, присущая очерковому творчеству Бажова в целом: стремление развернуть тему в ряд очерков — цикл. Так построены им очерки на историко-революционную тему, очерки-воспоминания о коллективизации и др. Замышлял Бажов написать цикл очерков о камских бумажниках, по истории деревни, по истории фабрик и заводов Урала.

Очерковый цикл единый по теме и идее — не редок у других советских журналистов. Стремление к широким обобщениям, к установлению взаимосвязи частного с общим делают цикл характерной чертой советской очерковой литературы.

Невозможно бывает в пределах одного очерка раскрыть серьезную социально-экономическую тему, дать последовательный анализ даже самых существенных особенностей описываемого.

Так поступает и Бажов.

Почти в каждый из его очерков включена историческая параллель. Зная хищнический старый мир, он берет из прошлого самые нужные детали, чтобы оттенить величие настоящего.

А настоящее открывается в выразительных цифрах и картинах результатов труда. Обобщенный вывод, сделанный на частном, конкретном случае, Бажов подкрепляет показом перспектив.

Что бы ни писал Бажов — газетную зарисовку, короткий рассказ или очерк, он постоянно выводил из сугубо

конкретного, документального факта значительную обобщающую мысль.

Вот небольшая зарисовка «На том же месте»¹. На Гумёшевском руднике автор встречается со стариком, поразительно похожим на «безвредного старика», который когда-то до революции сбрасывал в загаженную производством речку известь «для обезвреживания» и, сознавая бесполезность этого, безразлично отвечал:

«Наше дело какое? Так велено».

Сейчас же старик интересуется строительством, подмечает недостатки.

До автора доносится обрывок его фразы:

«Так велено!» А если ты ошибку видишь? Тогда как?»

Черты времени подмечены в двух художественных этюдах «Из быта новостроек»². Оба — результат наблюдений на строительстве Камского бумкомбината. В одном из них — «Тепленькое местечко» — показана гостиница, где обосновались строители. Самые различные по судьбам люди собрались в одном из номеров этой «бывшей» гостиницы (второй этюд «Широкая жилплощадь»), и их всех захватывает размах стройки. Счетовод, когда-то «ехавший на Колыму за повышенным заработком, теперь явно равнодушен к строительству». Даже пожилой электросварщик, которому все время приходится «регулировать» семейный вопрос, в работе забывает свои личные невзгоды.

Их настроения образно выражены приехавшим монтажником-ленинградцем. С одной стройки на другую кочует он с женой и с двумя детьми. Ему безразлично, что в Ленинграде они уже лишились жилплощади... Советский энтузиаст, он живет одной жизнью со страной. Ничего, что ночь-другую приходится переспать на случайной «дежурной» койке. «Зато получили теперь такую жилплощадь, как новостройки СССР».

* * *

В 1936 году в журнале «Красная новь», сборниках «Дореволюционный фольклор на Урале», «Урал медный», «Литературный альманах» печатаются первые

¹ Газета «Уральский рабочий», № 260, 7/XI-1940 г.

² Литературный альманах, Свердловск, 1936, № 1.

сказы Павла Петровича Бажова, положившие начало книге «Малахитовая шкатулка».

Активное отношение к действительности писатель сохранил на всю жизнь. Упорно работая над сказами, он одновременно писал очерки, статьи, выступал перед самой широкой аудиторией, трудился как избранник народа — депутат Верховного Совета.

В 1946 году студенты факультета журналистики Уральского государственного университета пригласили Павла Петровича Бажова почетным гостем на празднование десятилетия факультета.

В своем выступлении перед молодежью Бажов принципиально, по-партийному поставил вопрос об ответственности молодого журналиста, призванного «полнокровно отразить великую эпоху перехода от социализма к коммунизму»¹.

«Газетной техникой мы овладели, — сказал он, — но не можем похвалиться, чтоб наша подача яркой советской жизни была всегда интересна, волновала бы и воодушевляла читателей. Часто это лишь более или менее грамотная информация внешнего порядка».

Четко выделил Бажов три требования к молодежи.

«...Нельзя понять, оценить и тем более предугадать факты, если не овладеешь великим учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Широкое общее образование не только дает какую-то сумму знаний, но и повышает меру впечатлительности, силы и изощренности природного воспитания.

Неизбежная и все растущая специализация требует, чтоб и советский журналист изучал какую-то часть советской жизни более углубленно.

Эти вот три положения... хотелось бы передать молодым товарищам, выбравшим эту трудную, увлекательную дорогу, и пожелать им подняться в изображении советской жизни неизмеримо выше работников старого поколения».

Эти пожелания определяли и творчество журналиста «первого призыва» Павла Петровича Бажова.

¹ Личный архив писателя.

Р. Р. Гельгардт

**ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ МОТИВАХ В СКАЗАХ
П. БАЖОВА**

К проблеме — советская литература и фольклор

I

Народность сказового творчества Бажова определялась всем социально-историческим опытом нашей эпохи, самой жизненной практикой, формировавшей личность писателя. Говоря об общих условиях, под влиянием которых складывалась творческая личность Бажова, следует отметить несомненное воздействие на него идей, выдвинутых родоначальником советской литературы М. Горьким. Борьба великого пролетарского писателя за народность советского искусства была неразрывно связана с его отношением к успешному народному творчеству. «Начало искусства слова — в фольклоре», — говорил Горький. Обращаясь к советским писателям, он призывал «собирать наш фольклор, учиться на нем, обрабатывать его», имея в виду лучшие в идейном и художественном отношении образцы. Горький указывал на совершенство языка и стиля фольклорных произведений различных жанров, на яркую выразительность их художественной формы, на богатство их словарного состава. Высказывания Горького о фольклоре могут быть поняты только в перспективе одной из главных задач советской литературы: создать методом социалистического реализма такие художественные произведения, в которых с наибольшей силой и полнотой отразился бы героизм рабочего класса, строителя

нового общества. Их может создать художник-народ и художники, вышедшие из народа.

При анализе сказов нам придется неоднократно обращаться к вопросу о связях Горьковских идей с литературно-художественной практикой Бажова. Здесь же мы только припомним замечание М. Горького о том, что «литература дворян и разночинцев черпала материал свой главным образом в средней полосе России, а наша текущая литература охватывает все области Советского Союза, и это надобно вписать в ее актив»¹. Бажов избрал предметом художественного изображения жизнь Урала — область, по замечанию М. Горького, недостаточно освещенную в дореволюционной литературе.

Писатель вырос в самой среде бытования уральского горняцкого фольклора. Еще в раннем возрасте большое впечатление на него произвели сказки старого уральского рабочего Хмелинина, который был мастером художественного слова. Бажов слушал и запоминал то, что рассказывалось «стариками на завалинках» в праздничные дни, на супрядках, капустниках» и т. д.² Его литературно-художественному творчеству предшествовали собирание, изучение и обработка фольклора.

Когда Бажова спрашивали о путях его приобщения к народному словесному искусству, то он указывал на окружавшую его с детства горнозаводскую среду. Писатель чувствовал себя, в известном смысле, посетителем фольклора. «Мне хотелось бы, — писал Бажов, — заменить свою биографию биографией той заводской среды, фольклор и говор которой привлекли внимание читателей к вещам за моей подписью»³.

Рядовой советский писатель-публицист с ярко выраженным интересом к устному творчеству уральских рабочих и к историческому краеведению, Бажов достиг выдающихся успехов в художественном мастерстве, когда он, осуществляя в своих сказах собственные идейно-художественные задания, стал воспроизводить внутреннюю сущность и языково-стилистические средства, харак-

¹ М. Горький. О литературе. Статьи и речи. М. 1935, стр. 232—233.

² Письмо Бажова от 20/IX—1944 г. Л. Скорин. «П. П. Бажов», 1947, стр. 36.

³ Письмо к Л. И. А. От 30/X—1946 г. Архив Бажова.

терные для произведений повествовательных жанров уральской фабрично-заводской среды.

Пожалуй, именно о Бажове можно сказать, что он больше, чем какой-либо другой советский писатель, следовал заветам М. Горького — «собирать фольклор, учиться на нем, обрабатывать его».

* * *

Фольклорист-собираатель закрепляет в письменной форме произведения устной народной словесности; фольклорист-исследователь делает их предметом изучения. Разумеется, ни тот, ни другой не участвуют в сложении фольклорных текстов. Особенно с периода сказового творчества собирательская практика Бажова и некоторые его теоретические воззрения в области науки о народно-поэтическом искусстве оказывались неразрывно связанными с его же опытом писательской работы.

Высказывания Бажова о народной словесности интересны, прежде всего, в плане его творческой биографии. Но нельзя забывать, что Бажов сыграл известную роль в разрешении вопроса о специфике тайных сказов рабочих Урала. Это обеспечило ему определенное место в истории изучения уральского рабочего фольклора.

Рассматривая некоторые высказывания Бажова о фольклоре, не следует приписывать ему сколько-нибудь стройной научной концепции. Сам писатель нисколько не претендовал на роль ученого и решительно возражал против попыток некоторых критиков-литературоведов представлять его профессиональным фольклористом и историком.

Бажов правильно утверждал, что в дореволюционной науке о народно-поэтическом искусстве наблюдалось пренебрежение к устному творчеству рабочих, и что это явление сохранялось до недавнего прошлого.

«Устное творчество рабочих, — говорил писатель, — ...остается у нас на теневой стороне улицы: его не всегда увидишь даже в таких работах, где бы оно должно занимать первое место»¹. И в специальной литературе указывалось, что «не сразу было приступлено к работе по

¹ П. Бажов. На главную улицу устного творчества. «Литературная газета» от 7/IX-1949 г.

изучению рабочего фольклора... В советскую эпоху не сразу был намечен и правильный подход к этой теме»¹.

Народное словесное искусство, бытующее вокруг фабрик, заводов и рудников, могло обогатить советскую фольклористику новыми фактами, расширить круг ее исследовательских проблем и послужить ценным историческим источником. Однако постоянно направляя внимание в сторону устного творчества рабочей среды, Бажов до некоторой степени отводил «на тeneвую сторону» традиционные явления, паблюдавшиеся в крестьянском фольклоре. Писатель считал нужным «сменить и дополнить старые ориентиры» в собирательской работе. Он возражал против записей «вариантов давно известного», потому что такие записи якобы педалеко уходят «от манеры старых фольклористов давать одно и то же раз с цоканьем, раз с чоканьем...» и т. д.

Бажов отрицательно относился к «сплошному», безотборочному методу собирания фольклора. Он считал нужным публиковать только то, что имеет познавательное значение, художественную ценность и что в идейном отношении близко нашей современности. В своих последних высказываниях о фольклоре писатель вновь подчеркивал недопустимость собирания его без критической оценки, без предварительного определения классовой сущности идеологии, выражаемой в тех или иных произведениях устной словесности. Он придерживался таких же взглядов, как и М. Горький, который был «за строгий отбор» и выступал «решительно против издания рядового, безотборочного материала фольклорного»². В истории отечественной фольклористики эти идеи восходят еще к Белинскому, которому действительно «в корне было чуждо объективистское отношение к устному репертуару», получившее широкое распространение в буржуазно-либеральной фольклористике³.

То обстоятельство, что Бажов высказывался преимущественно о собирании и обработке рабочего фольклора,

¹ М. К. Азадовский. Новый фольклор. Сб. «Советский фольклор». 1939, стр. 16.

² Из письма М. Горького Никифорову. Цитирую по книге Б. Бялика «О Горьком». Статьи. Советский писатель, М. 1947, стр. 210.

³ Б. И. Богомолов. Борьба Белинского за научное собирание и изучение фольклора. «Советская этнография», 1949, № 1.

само по себе уже свидетельствует о связи его фольклористических интересов с писательской практикой. Но в своих призывах изучать уральский фольклор Бажов не ограничивал собирательские задачи только областью народно-поэтического творчества рабочей среды. Осведомленность писателя в истории края, отчетливые представления о том, как шло заселение уральской территории, помогли ему уяснить особенности уральского фольклора, который он называл богатейшей «копилкой», постоянно пополнявшейся вкладами, какие вносили в нее переселенцы из различных районов России¹. Эта характеристика правильно определяет некоторые сложившиеся черты бытования и распространения народно-поэтического творчества на территории Урала. В Сибири и на Урале издавна создавалась настоящая сокровищница устного народного творчества. Необычайно широкое распространение в быту сказок, песен, поверий, обычаев и обрядов, представляющих собою пережитки языческих культов, большая популярность скоморохов у местных жителей вызвали даже особый указ царя Алексея Михайловича, воспрещающий «всякое мятежное бесовское действо»². Несмотря на преследования правительства и церковников, видевших в устном народном творчестве серьезную силу, которая подрывала их позиции, фольклор продолжал развиваться, обнаруживал неистощимые силы народного духа, яркую одаренность русского народа, в художественном слове выражавшего свои надежды, чаяния и свой социальный протест.

Чрезвычайно интересна относящаяся еще к 1880 году характеристика одного из отличительных признаков словесного творчества жителей Пермского Урала. Наблюдатели записали, что среди уральцев в большом ходу были «колкие поговорки», направленные против «властей и почетных лиц». «Здесьнее население, — писал автор одной из статей, — потомки штрафованных, новгородской вольницы и всякого люда, искавшего пристанища на заводах Строганова. Наклонности предков вошли в кровь потомства печальным наследием. Наука и религия ведут с ними борьбу

¹ Некоторые вопросы литературного творчества (беседы с П. П. Бажовым). «Уральский современник» № 20, 1952, стр. 162.

² См. Память Верхотурского уезду на Ирбит приказчику Григорию Барыбину. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 4, СПб, 1849, стр. 124.

и вековые счёты»¹. Это признание корреспондента Пермских епархиальных ведомостей говорит о бессилии упорно применяемых средств воздействия, направленных на искоренение из уральского фольклора «свободомыслия».

Исторически сложившиеся на Урале черты устного словесного творчества различных жанров не могли не привлекать к себе внимания советских фольклористов, обращающихся к старому фольклору как к художественному выражению народной психологии и историческому источнику. Вот почему Бажов, посвящая свой доклад на литературной конференции в городе Молотове (июнь 1943 г.) «изучению и собиранию уральского рабочего фольклора», рекомендовал пользоваться широкой программой и советовал «идти в те места, где проходили такие магистрали народной жизни, как Чусовая и Кама с их бурлачеством, исторический Сибирский тракт и тому подобные гнезда фольклора»².

Некоторые высказывания Бажова об устном творчестве рабочей среды, о путях поисков рабочего фольклора позволяют судить о том, какими приемами собирания пользовался сам писатель и каков был путь его собственного творческого осмысления и использования фольклорных источников.

Бажов утверждал, что «фольклор наших дней» находится в стадии формирования и что не следует ограничивать задачи собирателей только поисками отстоявшихся форм. Повидимому, это замечание больше всего приложимо к жанру советского рабочего сказа, поскольку, действительно, «мы присутствуем... при начальных стадиях его зарождения и оформления жанровых признаков»³. «Фольклор наших дней» находится «весь в форме летучих паров и расплавленной массы», — говорил писатель, по обыкновению пользуясь для образных целей сравнениями и метафорами из предметной лексики горнозаводского производства»⁴.

¹ См. Пермские епархиальные ведомости от 27 августа 1880 г. Отдел неофициальный, Сибирь и Пермь.

² На литературной конференции в г. Молотове. «Уральский современник», № 5, 1944, стр. 97.

³ А. М. Астахова. Фольклор гражданской войны. Советский фольклор, вып. I, Лгр. 1934, стр. 14.

⁴ П. Бажов. О путях к чудесному. «Литература и искусство», от 6 февраля 1943 г.

Если фольклорист-собираатель будет отбирать факты по признаку устойчивости текста, повторяемости его и вариантности, то он легко пройдет мимо зарождающихся фольклорных явлений и не заметит возникновения тех зачатков, из которых может со временем развиться законченное произведение сказового творчества. В литературе уже отмечалось, что неустойчивость формы сказа приводит к отсутствию вариантности¹.

Писатель разделял мнение тех, кто считал пужным производить записи, позволяющие уловить начальные стадии зарождения сказа. Собираатель рабочего фольклора должен искать «пути к родникам народного творчества»². Если часто будет встречаться неумение рассказывать, то это еще не свидетельствует об отсутствии фольклора в данной изучаемой рабочей среде³. Бажов говорил о трудностях собирания уральских рабочих преданий, потому что они своевременно не записывались. Он сравнивал поиски рабочего фольклора с отысканием путей, ведущих к чудесным «занорышам», находимым горщиками, искаателями драгоценных камней. Старые горняки умели находить месторождения иногда на значительной глубине по различным косвенным приметам — «знакам», «следкам», «проводникам», «приметливым галечкам». Проводя параллель с собиранием рабочего фольклора, Бажов утверждал, что «надо коренным образом изменить методы работы. Основная ставка должна быть не на связный рассказ, а на биографию рассказчика. Если он долгие годы работал на любой отрасли, он, разумеется, знает немало интересных рассказов, хотя и не привык о них говорить другим. Слова одного могут быть пополнены или исправлены другими. В результате получается то, чего мы еще не знали. При чем это новое неизбежно будет иметь местный колорит и высокие качества устного

¹ А. М. Мисюрев. О горнозаводском и приисковом фольклоре, см. «Легенды и были». Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. Под ред. М. К. Азадовского. Новосибирск, 1940, стр. 33. Бажов высоко оценивал этот сборник (см. Некоторые вопросы литературного творчества. Беседы с П. П. Бажовым), «Уральский современник», № 20, 1952, стр. 161.

² П. Бажов. О путях к чудесному. «Литература и искусство», 6 февраля 1943 г.

³ Л. Скорин. П. П. Бажов. 1947. Запись беседы в июне 1942, стр. 101.

народного творчества»¹. Повидимому, «дополнения» или «исправления» участниками беседы речи рассказчика, записываемой фольклористом-собирателем, могли относиться преимущественно к производственным и бытовым деталям повествования. Значение же этого материала, по мнению писателя, было велико, потому что, как он говорил, работа на Урале практиков заводского дела... оставалась совершенно не изученной². «Наибольший интерес в биографиях рабочих представляет собою раскрытие тех видов трудового искусства, которые до сих пор хранятся в разных уголках паней страны стариками-одиначками»³. Считая рассказы стариков фольклорными документами, обладающими художественной ценностью, Бажов относился к такого рода материалам как к важным историческим свидетельствам. Вообще же оценка Бажовым народно-поэтического творчества согласуется с мыслью М. Горького, что подлинную историю трудового народа нельзя узнать, не зная устного народного творчества.

Писатель ориентировал не на записи образцовых фольклорных текстов от мастеров сказа, а на опросы старых рабочих, даже таких, у которых нет умения рассказывать. Местный колорит в таких материалах действительно «неизбежен». Но «высокие качества народного творчества» едва ли можно считать постоянным признаком такого рода рассказов. Ведь отличительные черты высокохудожественных произведений народного словесного искусства вряд ли совмещаются с тем неумением рассказывать, которое нередко наблюдал в рабочей горячковой среде сам автор. Возможно, рассказчик никогда больше не повторит своего повествования, вызванного к жизни вопросами собирателя. Быть может, и впоследствии не произойдет «отрыва» произведения от его творца и освоения словесного текста некоторым коллективом. Вот почему в данной стадии наблюдаемое явление допустимо считать скорее фактом не столько фольклора, сколько, пожалуй, литературы (по линии мемуарного

¹ П. Бажов. На главную улицу устного творчества. «Литературная газета» от 7/IX-1949 г.

² Цитирую по статье К. Боголюбова. О публицистике П. П. Бажова. «Уральский современник», № 17, Свердлов, 1950 г.

³ П. Бажов. О будничном и малозаметном. «Труд» от 9 февраля 1946 г.

жапра)¹, хотя в рассказе и будут отражены какие-то черты поэтической традиции устной народной словесности.

Эти высказывания Бажова чрезвычайно важны для исследователя сказового творчества писателя. Они позволяют заглянуть в его творческую лабораторию.

С убежденностью, которая могла вызываться только собственным опытом писательской работы на основе фольклора, Бажов говорил о плодотворности приема записи материала во время коллективной беседы, когда рассказ одного из участников дополняется другими и когда в спорах, обсуждениях оформляется содержание повествования и выявляются нужные речевые средства выражения².

Для Бажова, автора рабочих сказов, такое обращение к живой речевой среде, к наблюдениям над фактами быта создавали надежные условия для выдержанности фольклорной основы и реалистически правдивой речевой формы его собственных произведений. Писатель признавал, что «народная речь прошлого» была его собственной речью. Однако привычка пользоваться нормами литературного языка вызывала, как утверждал сам автор, некоторые трудности в поисках нужного слова и синтаксических конструкций, отличающих живой разговорный язык тех старых рабочих-рассказчиков, от имени которых ведется повествование в сказах нашего писателя. Но Бажов был органически связан с рабочей средой, с фольклорной стихией, а местный уральский говор был для него родным, материнским. Это, однако, не исключало необходимости непосредственных наблюдений над «живой натурой», которую писатель реалистически воспроизводил путем отбора наиболее типичных черт и создания из них нового художественного синтеза.

Некоторое представление о том, как Бажов пользовался отдельными фрагментами, сохраняющимися в речевой практике рабочей среды, можно получить из рассказа самого писателя об одном эпизоде в опыте его собирательской работы, тесно связанной с интересами его

¹ Ср. отзыв А. Астаховой на книгу С. Мирера и В. Боровика. Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне. ГИХЛ, М.-Л., 1931. «Советский фольклор», вып. I, Лгр. 1934, стр. 192.

² См. Письмо к школьникам (февраль 1946 г.) Бажов. Соч., т. 3, М. 1952, стр. 323.

же творческой деятельности. От рабочего Бажов однажды записал высказывание о немце, который целую гору проглотил: «...взял да одну гору и сглотнул и еще половину всех здешних заводов слопал». Рассказчик больше ничего не мог сообщить писателю, естественно заинтересованному в детализации этого высказывания. Фольклорист-собираатель, руководствуясь традиционными нормами отбора фактов, мог бы пройти мимо этого отрывочного замечания, как будто бы не содержащего в себе того, что интересует исследователя произведений народного словесного мастерства. Не так поступает Бажов-писатель. Он видит в этом высказывании фрагмент некогда цельного повествования и полагает, что здесь речь идет об известном в истории горнозаводского Урала немце Шемберге, который «в пору бироновщины захватил в свое владение гору Благодать с прилегающими к ней заводами и организовал раздачу казенных заводов в частные руки»¹. Отрывочное высказывание рабочего и послужило фольклорным источником, подвергшимся «художественной расшифровке» в сказе Бажова «Про главного вора». Сказ этот вложен в уста «дегтярского горняка», который не делает образ вора центральным и не называет фамилию Шемберга. Но высказывание рабочего о «главном воре» здесь дополняется некоторыми оценочными суждениями и ссылкой на «присловье», которое якобы сохранилось в памяти старых уральских рабочих. Рассказчик говорит: «Про другого вора в голове держу. Этот был на особу стать. Такой ворина, что другого, может, по всем землям не сыскать. Он все здешние заводы у казны украл и целую гору заглотал. И не подавился. Вот какой брюхан!» и дальше: «Вот про этого старишного немца памятка по заводам держится. Так и зовут его обер-гор — главный вор, гору проглотил и заводы у казны украл».

Сопоставление «фольклорного источника» с одним из основных мотивов сказа «Про главного вора» показывает, что творческая работа писателя развивала и углубляла идеи, почерпнутые в народных воспоминаниях, суждениях и исторических оценках.

Ссылаясь на Пушкина, Бажов пояснял свою мысль о роли для творчества подлинно народного писателя «знаков», находимых в народной среде. Известно, что Пушкин

¹ См. П. Бажов. О путях к чудесному. «Литература и искусство», 6 февраля 1943 г.

посетил те места, где сохранились живые воспоминания народа о Пугачеве. В письме к жене (от 8 сентября 1833 года) Пушкин писал, что «возится со стариками... спрашивает, записывает»¹. Бажов напоминает то место из «Заметок на историю Пугачева», где Пушкин утверждал, что «уральские казаки (особливо старые люди) доныне привязаны к памяти Пугачева», и где он передавал слова старой казачки: «Грех сказать... на него (на Пугачева) мы не жалуемся: он нам зла не сделал». А старик на вопрос о Пугачеве сердито ответил: «Он для тебя Пугачев..., а для меня он был великий государь»². И Бажов видит в этом драгоценные знаки, вынутые рукой нашего народного гения, который в своем идейном осмыслении жизненного материала опирался на оценки самим народом своего социально-исторического опыта.

Бажов называл себя «работником жанра советского сказа»³. Обращение писателя к источникам народного сказового творчества направлялось возросшим в советском обществе интересом к устной словесности трудовых народных масс и соответствовало запросам, выражаемым самими носителями и творцами народного сказа. По свидетельству фольклористов, «часто приходится слышать от рассказчиков пожелание, чтобы нашелся крупный писатель, который бы объединил все эти народные рассказы и тогда, по их мнению, получилось бы значительное художественное произведение, охватывающее борьбу народа в целом»⁴. Можно утверждать, что Бажов и был таким крупным писателем, однако не ограничивавшим свои задачи простым объединением народных рассказов и их редакционной обработкой. Бажов поставил перед собой гораздо более сложные идейно-художественные цели.

Знаменательно, что творческая биография писателя оказывается тесно связанной с некоторыми идеями в истории науки о словесном искусстве трудовых народных масс. Дело в том, что старые фольклористы, не считаясь с идейно-тематическими признаками, отличающими рабочий фольклор, выдавали за произведения устного твор-

¹ А. С. Пушкин. Сочинения. Ред. Б. Томашевского, Лгр. 1936, стр. 908.

² Там же.

³ П. Бажов. Полезное напоминание. «Литературная газета», 11/V-1919 г.

⁴ А. К. Морева. Как работать с народным сказом. М. 1939, стр. 4.

чества фабрично-заводской среды уродливые, антихудожественные образцы, создаваемые в кругах городского мещанства, вообще—социальными элементами, далекими от трудового народа¹. Такие произведения нередко входили в репертуар, бытовавший среди рабочих, что и давало повод некоторым наблюдателям говорить даже об общем «упадке» устного народного творчества под «пагубным» воздействием со стороны фабрично-заводского фольклора. В годы, непосредственно предшествовавшие переходу Бажова к работе в жанре рабочих сказов, проблема рабочего фольклора иногда даже выводилась из круга проблем науки о народно-поэтическом творчестве².

«У меня, — говорил писатель, — появилось желание полемизировать с теми, кто выдает за рабочий фольклор... купечскую, охотничью, удаль»³. Ближайшим же поводом для начала работы Бажова в сказовом жанре послужил обнаружившийся недостаток материалов по рабочему фольклору при подготовке для печати сборника «Дореволюционный фольклор на Урале» (Свердловск, 1936 г.). «Меня это просто задело, — впоследствии вспоминал писатель. — Как так, — рабочего фольклора нет? Я сам сколько угодно этого рабочего фольклора слышал, слышал целые сказы. И я в виде образца принес... «Дорогое имячко». Я хотел восстановить этот сказ, как я его слышал... Я сам давал первые сказы именно как восстановление фольклора»⁴.

Можно признавать или отвергать объективное познавательное значение тех или иных высказываний писателей об их собственной творческой деятельности, но, во всяком случае, нельзя не считаться с этим признанием самого Бажова.

«Полемика» могла быть убеждающей лишь при показе образцов устного творчества рабочей среды. Первые сказы Бажова и были выступлением писателя в споре с теми, кто отрицал художественные качества рабочего фольклора.

¹ О неразличении подлинных произведений рабочего фольклора и фальсификации. См. Г. Р. В л а д и м и р с к и й, Рабочие песни, Л. В. XIX в. Лит. Донбасс, 1936, № 1.

² В. М. Ж и р м у н с к и й. Проблемы фольклора. Сборник «С. Ф. Олденбургу». Лгр. 1934, стр. 211—212.

³ Запись беседы с Бажовым от 24 мая 1943 г. Л. С к о р и н о. П. П. Бажов. М. 1947, стр. 101.

⁴ Некоторые вопросы литературного творчества (Беседы с П. П. Бажовым). «Уральский современник» № 20, 1952, стр. 144.

Неоднократные напоминания Бажова об обстоятельствах, послуживших поводом для начала его работы в жанре сказов, убеждают, что личные творческие цели у писателя зарождались под воздействием общественных потребностей и направлялись идейно-художественными задачами развития словесного искусства.

Бажов впервые вводит рабочие сказы в область советской художественной литературы.

* * *

Бажов говорил, что он «всегда был историком, не настоящим, конечно, и фольклористом тоже не очень правоверным»¹. Называя себя «историком», Бажов только определял характер того жизненного материала, который он преимущественно отбирал и изображал в своих сказах. Но историзм для Бажова, как и для других советских писателей, не сводился к разработке определенного круга тем из прошлой жизни. Историзм был для него неотъемлемой частью мировоззрения, основанного на диалектико-материалистическом понимании действительности.

Разработка исторической темы в советской литературе стала одним из действенных средств коммунистического воспитания народов нашей страны.

Интерес Бажова к истории вызывался условиями советской действительности. Первые его сказы были написаны в 30-х годах, когда вопросы разработки и изучения национальной истории особенно занимали советскую общественность. В 1934 году Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) приняли и опубликовали постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Началась подготовка новых учебников по истории. Центральный комитет партии и СНК Союза ССР одобрили сделанные товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым критические замечания по поводу представленных на утверждение конспектов по истории СССР и новой истории. Признавая эти конспекты неудовлетворительными, партия и правительство указывали на необходимость преодоления антимарксистских, антиленинских,

¹ П. Бажов. Соч., т. III, стр. 326.

«по сути дела ликвидаторских, антинаучных взглядов на историческую науку», связанных «в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных взглядов так называемой «исторической школы Покровского».

Тридцатые годы были ознаменованы выходом в свет «Краткого курса истории СССР» и «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». В эти годы советская художественная литература уже имела «подлинный и высокохудожественный исторический роман», такие произведения, как «Петр I» А. Толстого, «Степан Разин» Чапыгина, и некоторые другие. «Я не знаю в прошлом десятилетия, которое вызвало бы к жизни столько ценных книг... создан исторический роман, какого не было в дореволюционной литературе»,—писал М. Горький.

М. Горький ценил эти произведения за то, что в них дапы «поучительные, искусно написанные картины прошлого» и сделана—«решительная переоценка его». Это были «хорошие образцы», на которых «молодые наши художники слова могли, по мнению М. Горького, учиться писать о прошлом».

Советское литературоведение и критика в эти годы усиленно занимались разбором произведений советской исторической беллетристики, проблемами теории и практики работы писателей над историческим материалом, вопросам использования руководящих указаний в этой области основоположников марксизма и проблемами развития на новых идейных, методологических позициях социалистического реализма тех требований, которые были выдвинуты перед «историческими романистами» русской революционно-демократической критикой.

Интерес народов нашей страны к своему прошлому свидетельствовал об огромном росте социалистического сознания народных масс, о настоящей потребности в переоценке исторических лиц и событий с позиций советской науки, впервые определившей подлинную роль трудящихся масс в историческом процессе. «Историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, — учит партия, — не может больше сводить историю общественного развития к деятельности королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производите-

лей материальных благ, историей трудящихся, историей народов»¹.

Необходимая переоценка роли трудящихся, эксплуатируемых масс в историческом процессе занимала не только деятелей советской исторической науки, но и выдвигалась как одна из волнующих проблем истории литературы.

В тридцатые годы, особенно после выступления М. Горького на Первом всесоюзном съезде советских писателей, определился устойчивый и необычайно острый интерес советской общественности к народному поэтическому творчеству. Было покончено с недооценкой роли народного словесного искусства в истории письменной литературы и значения фольклора как исторического источника.

Хотя в фольклористике того времени еще широко не ставилась задача изучения творчества фабрично-заводских рабочих и не давалась соответствующая оценка его художественных качеств и исторического значения, но среди историков уже возникает и выдвигается проблема рабочего фольклора, трудовых песен и других типов фольклорного творчества как источника для истории техники.

Общеизвестно, что советская литературная критика постоянно поддерживает развитие исторической беллетристики, но она вместе с тем борется с таким «историзмом», в котором проявляется тенденция некоторых писателей уйти от отражения текущих событий, отстраниться от тематики и идей, связанных с нашей современностью.

Когда Бажов писал о прошлой жизни, он всегда сознавал себя борцом за построение коммунистического общества. История помогала писателю постигать и оценивать явления, совершающиеся в нашу героическую эпоху. Вот что говорил сам Бажов об особенностях историзма своих сказов: «К моей манере письма в какой-то степени привыкли, но не менее привыкли и к мысли, что этот всегда о прошлом пишет. Современного в ней многие не видят и, думаю, долго не увидят. Причина, по-моему, в каком-то календарном определении истории и современности. Поставлена на вещи, написанной на самую острую тему современности, дата прошлого—старина, история»².

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

² П. Б а ж о в. Письмо от 17 сентября 1946 года. Соч., 3, стр. 326.

История народа и фольклор как исторический источник, имеющий художественное значение, интересовали Бажова в первую очередь потому, что они содействовали пониманию и правильной оценке советской действительности, помогали разрешать идейные задачи, поставленные партией перед художественной литературой.

Значение тематики из прошлой жизни для разрешения идейно-воспитательных задач литературы социалистического реализма не может быть преуменьшено. Бажову была близка мысль М. Горького о том, что «чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего»¹.

На этом пути познания современности в связи с историей развивается советская литература, «оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого... и опытом настоящего»².

Историзм является одним из отличительных признаков сказов Бажова. Но при весьма точном сохранении деталей в обрисовке истории быта горнозаводской рабочей среды, исследуемые сказы несколько отличаются от произведений исторических жанров художественной литературы. Это отличие, как мы увидим, состоит в самом принципе образно-эстетической трансформации жизненного материала³.

* * *

Проблема отношений литературно-художественного произведения к действительности решается путем сопоставлений изображаемого с изображенным, образов в составе эстетического объекта — с жизненной «натурой», сюжета произведения как образа реальной действитель-

¹ Из заключительной речи М. Горького на Первом всесоюзном съезде советских писателей.

² В. И. Ленин. Соч., т. X, стр. 31.

³ Размеры статьи позволяют нам осветить тему только частично. Мы здесь привлекаем для исследования четыре произведения Бажова. Это — сказ из общерусской истории «Ермаковы лебеди», сказ «Шелковая горка», освещающий материал из истории уральской промышленности, сказ «Чугунная бабушка», повествующий о судьбе уральского талантливого рабочего-скульптора, и, наконец, сатирико-юмористический сказ «Хрустальный лак». (Р. Г.)

ности — с самой реальной жизнью, послужившей источником для построения сюжета. Установление принципа отбора определенного жизненного материала, способов создания из него нового синтеза, уяснение характера оценки фактов, явлений жизни, идеологического их освещения — вот важнейшие вопросы анализа стиля в его предметно-смысловой, идейной, художественно-образной сущности.

Прием сличения жизненного материала произведений с реальной действительностью как его источником позволяет выяснить характер творческого метода писателя. Анализ отношения к действительности — «содержательной», смысловой сущности произведения проводится для того, чтобы установить, как писатель относится к жизни, каковы его мировоззрение и партийные позиции, как обнаруживает он их в системе образов, раскрывают ли эти образы сущность данной социальной силы. Здесь же решается вопрос о характере образно-эстетического преобразования жизненного материала, используемого в том новом синтезе, из которого возникает содержание литературного произведения. Наблюдать это явление можно во всех случаях, когда сопоставляется «натура» с ее образным воспроизведением, факты, явления реальной жизни — с новым их синтезом в содержании произведения литературного искусства.

Весьма продуктивными оказываются сопоставления сюжетно-тематической разработки произведений исторических жанров художественной литературы со свидетельствами документальных источников, дающих показания об исторических лицах и событиях.

Нельзя ограничивать поиски реальной основы содержания произведения только тем, что входит (могло войти) в непосредственный жизненный опыт писателя и что наблюдалось им в живой практике, личной, индивидуальной и классовой, общественной. Художественные образы, вообще элементы, составляющие содержание, могут возникать и из материалов «предания» из книжных исторических документальных, литературных источников, из элементов народно-поэтического творчества, т. е. из того, что составляет так называемый «косвенный опыт».

Некоторые из выдвинутых выше тезисов мы попытаемся раскрыть в самом анализе сказов.

Сказ «Ермаковы лебеди» занимает в творчестве Бажова особое положение. Он признается историками таким произведением, в котором собственно-художественные качества совмещаются с познавательной исторической ценностью трактовки в нем материала из прошлого России. Сказ «Ермаковы лебеди» включен в библиографию пособий, рекомендуемых при изучении «Истории СССР»¹. Между тем, советское литературоведение и историческая наука еще не определили особенностей отражения исторической действительности в этом сказе и не выяснили принципы художественного преобразования в нем реальных исторических источников.

Чрезвычайно интересно рассмотреть в сказе «Ермаковы лебеди» исторические элементы, отраженные документальными, письменными источниками, и проследить отношения между его историческим ядром, с одной стороны, и творческой фантазией писателя, а также фольклорной легендарностью, с другой.

Бесспорно, что в целостной структуре литературно-художественного текста все идейные и тематические элементы, как исторически документированные, так и порожденные творческим воображением, законность прав которого в исторической беллетристике отрицать нельзя, — взаимосвязаны и друг от друга не отделимы. В читательском восприятии они не расчленяются. Но научное познание требует анализа — условного разложения на составные элементы. И в данном случае условное расчленение необходимо. Но оно не должно в самом ходе исследования отдельных частных привести к утрате перспективы художественного целого.

Историческая наука располагает документами, позволяющими судить об обстоятельствах сибирского похода и о роли Строгановых в его организации. Но исследователь, поставивший перед собой задачу «проверить» отношения центрального образа сказа «Ермаковы лебеди» к тем материалам, которые создают представление об этом

¹ Наряду с «Иваном Грозным» А. Н. Толстого, «Великим государем» Соловьева и «Борисом Годуновым» Пушкина. История СССР. Аннотированный указатель литературы... Изд. 2, под ред. А. М. Панкратовой. Гос. публ. ист. б-ка. М. 1952, стр. 71.

образе по документальным историческим источникам, встречается на своем пути серьезные препятствия. Правда, о личности Ермака сохранились показания в некоторых сибирских летописях. Но, как неоднократно отмечала историческая критика, эти летописные сведения были порождены «народным вымыслом». Они носят фольклорно-легендарный характер и не могут претендовать на фактическую достоверность. В распоряжении историков нет надежных документальных данных о происхождении Ермака и о его жизни в период, предшествующий его историческому подвигу.

Бажов в письме к Е. Пермяку указывал на разногласия историков и на отсутствие в исторической литературе таких исследовательских работ о Ермаке, на которые мог бы опереться писатель¹. Неясность биографии завоевателя Сибирского царства давала литераторам широкий простор для фантазии и для того «процесса своеобразного мифотворчества», о котором писал еще В. Сиповский².

На Урале Ермак был одним из наиболее популярных исторических деятелей. Упоминания народных «словесных преданий» о Ермаке мы находим в ряде работ старых авторов, исследовавших историю Урала и Сибири (Г. Ф. Миллер, Х. Мозель и др.)³. Мельников-Печерский, а позднее и Вас. Немирович-Данченко нашли в пределах бывшей Пермской губернии, главным образом, в районах реки Камы, множество легенд и песен о Ермаке⁴. Туземные легенды о покорителе хана Кучума были настолько распространены в Сибири, что привлекли к себе внимание

¹ Е. Пермяк. Письма ко всем. Сб. «Павел Петрович Бажов в воспоминаниях», Свердлов., 1953, стр. 19.

² В. Сиповский. Ермак в художественной литературе. Сибирская советская энциклопедия, т. I, стр. 900. См. об отражении образа Ермака в художественной литературе, например, библиографию, озаглавленную «Художественно-историческая литература». Сост. И. С. Ежов. М. 1943.

³ Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой. Книга первая. Спб. 1778, стр. 82 и др.; Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России... Пермская губерния, ч. II, Спб. 1864, стр. 557 и др. исторические труды.

⁴ Мельников-Печерский. Дорожные записки на пути из Тамбовской губ. в Сибирь. Полн. собр. соч., изд. Вольфа, т. XII, 1898, стр. 219—220; В. Немирович-Данченко. Кама и Урал. Спб. 1890, стр. 203, 377—78, 462, 502 и др.

некоторых сибирских летописцев и были ими использованы в качестве исторических источников¹.

По замыслу Бажова, сказ «Ермаковы лебеди» должен восприниматься как своеобразное «открытие уральского пародно-поэтического предания», пополняющее цикл уже известных фольклористике произведений о Ермаке. Географическая паспортизация в виде указания на Чусовские городки, где сказ «бытовал» и где совершались события, связанные с именем Ермака, должна была повысить историческую ценность «документированного» таким образом «фольклорного источника». Любопытно, что Бажов здесь преимущественно разрабатывает те вопросы, о которых в письменной литературе нельзя найти надежных фактических сведений. Писатель только приводит доходившие до Чусовского городка «слухи» об обстоятельствах покорения Сибири, а рассказ о деятельности Ермака на Дону и на Волге вкладывает в уста самого героя произведения. Но сказитель подробно повествует о юности Ермака и о его жизни на Урале, об его уходе от Строгановых в казачью вольницу, о возвращении на родину с дружиной, направляющейся в поход против сибирского хана Кучума, — т. е. о том, что могло быть засвидетельствовано «счевидцами». Рассказчик раскрывает интимный мир личности Ермака, показывает живой облик персонажа в его индивидуальной характерности и в таких коллизиях, какие могли быть известны только тому, кто передавал воспоминания о Ермаке его современников, близко его знавших.

Не будучи связанным документальными биографическими источниками, Бажов создавал сказ «Ермаковы лебеди» как воспоминание «чусовских стариков» о своем знаменитом земляке.

Исследуемое произведение оформлено в виде развернутого монолога, включающего в себя по ходу изложения диалогическую речь персонажей. Это монологическое повествование возникло в разговоре собеседников. Оно является «ответом» на спорную, ошибочную мысль, высказанную лицом, с которым вел беседу рассказчик. Создавая атмосферу живой непринужденной беседы, Бажов

¹ С. Бахрушин. Туземные легенды в Сибирской истории С. Ремезова. Исторические известия, издаваемые историческим обществом при Московском университете. М. 1916 г.

начинает сказ как «продолжающийся диалог»: «Так, говоришь, из донских казаков Ермак был? Приплыл в наши края и сразу в сибирскую сторону дорогу нашел? Куда никто из наших не бывал, туда со своим войском по рекам поплыл?»

Ряд вопросительных предложений создает интонацию, подчеркивающую полемическое содержание речи говорящего. В самом приеме передачи мыслей собеседника замечается намерение показать неправдоподобность его исторических суждений. Дальнейшая речь сказителя направлена против теории донского происхождения Ермака и против тех, кто считает, что пришлый человек, каким иногда представляют атамана, не мог разработать маршрут сибирской экспедиции в сложных и тогда еще не изученных условиях местной географической среды¹.

Прием иронии в трактовке высказываний собеседника используется рассказчиком как средство убеждения, доказательства в развернувшемся споре. «Ловко бы так-то! Сел на Каме, попотел на веслах, да и выбрался на Туру, а там гуляй по сибирским рекам, куда тебе любо! По Иртышу-то, вон, сказывают, — до самого Китая плыви — не тряхнет!» — говорит рассказчик.

Полемическая заостренность речи сказителя вызывает сознанием значительности доводов, какими он располагает.

Вступительная часть произведения может быть названа «экспозицией». Она намечает разработку следующего за ней сюжета о жизни Ермака.

Обращаясь в своем сказе как раз к тем вопросам, по которым у историков существуют разногласия, Бажов устами сказителя говорит о происхождении Ермака, о его подлинном имени и о роли Строгановых в снаряжении сибирского похода. За личностью рассказчика, конечно, стоит сам писатель. Он выражает свои исторические воззрения, пользуясь образными средствами искусства, которое является особым методом познания действительности, художественным способом освоения мира.

¹ Теория донского происхождения атамана Ермака особенно защищалась Броневским в его «Истории Донского войска» (т. I). На распространенность этой теории уже указывалось в обзорных статьях.

Сюжет уральского предания о Ермаке начинается с рассказа о жизни в Чусовском городке Тимофея Аленина, у которого было **три сына**. Ассоциация с традиционным сказочным мотивом показывает, что сказитель хорошо разбирается в поэтических средствах сказочного фольклора: «И было у него, ровно в сказке, три сына, только дурака ни одного»¹. Хотя младший сын, Василий, как и в сказке, отличался от старших («был из всех [братьев] на отличку»), но, в противоположность сказочной традиционности, он выделялся своим очевидным личным преимуществом: «и лицом пригож, и речами боек, и силенкой не по годам вышел». Сказитель здесь ничуть не опирается на сказочную традицию, а его ассоциация со сказкой вызывается только частным и внешним сходством положений. Не забывая о хорошо известной ему сказочной обрядности, рассказчик здесь от нее отталкивается, что, между прочим, нередко наблюдается и у тех советских сказителей, повествование которых состоит в переформировании и новом осмыслении традиционных элементов народно-поэтического творчества.

В «чусовском сказе» Бажова о Ермаке мотивы прихода на Урал, на Чусовую, в вотчины Строгановых отца Ермака, Тимофея Аленина, и рождения у него здесь трех сыновей в общем совпадает с материалом «Сказания Сибирской земли». Автор «Сказания», стремясь убедить в достоверности сообщаемых сведений, утверждает, что якобы сам Ермак «известие написал, откуда рождение его»². Но если в этом источнике говорится, что Тимофеем Алениным «от скудости» сошел на реку Чусовую в вотчины Строгановых, то рассказчик сказа «Ермаковы лебеди» намекает на возможность иных причин поселения: «По доброй воле он туда пришел, али ссылкой попал — это сказать не умею», — говорит сказитель.

¹ В советских народных сказках тема трех сыновей также перестает связываться с образом младшего сына — дурака (см., напр., сказку «Три сына»... Сборник «Творчество народов СССР». Ср. у Мамина-Сибиряка изложение этого же мотива: «У Тимофея было три сына... Из всех сыновей меньшой был бойчее, речистее и смышленнее».) «Покорение Сибири», Иллюстрированный журнал для детей среднего возраста, кн. 2, 3. М. 1882 г.

² «Сказание Сибирской земли», впервые опубликованное в приложении к V вып. «Пермской старины» А. Дмитриева. Пермь. 1894, стр. 220.

Сам рассказчик не обращает особенного внимания на эту небольшую повествовательную деталь. Но она не проходит незамеченной на фоне последующего рассказа о поступках Ермака, направленных против власть имущих в тогдашнем обществе. Борьба атамана с угнетателями народа представляется как бы подготовленной личными мотивами и осмысливается как возможное следствие «особого положения» семьи Алениных, вообще — тех настроений, какие могли быть у поселившихся на чужой стороне «не по доброй воле».

Повествование о раннем периоде жизни Ермака, когда он был кормщиком на Строгановских стругах, тесно связано с теорией уральского происхождения атамана, горячим сторонником которой выступает сам рассказчик. «Из тысячи один, а то и реже такой парень выходит и должность себе хорошую доступил. Парень приметливый да понятливый и новые места поглядеть охотник... Строгановы, понятню, приметили такого парня, кормщиком его поставили... Скоро Тимофеича по всем Строгановским пристаням узнали. Удачливее его кормщика не было», — утверждает сказитель.

Природные личные качества Ермака и приобретенное им в работе искусство вождения речных судов выставлены одним из важных условий, впоследствии определивших успех следования Ермаковой дружины по речным путям с Урала в Сибирь.

Есенинская летопись по Бузуновскому списку и Черепановская летопись считают, что при вождении стругов у Василия Тимофеевича выработалась смелость, а это и было прямым поводом для его ухода от Строгановых и для превращения мирного кормщика в атамана вольных казаков¹. Разумеется, такая мотивировка столь резкого и решительного поворота в жизни Ермака не могла быть признана Бажовым сколько-нибудь веской и убеждающей.

Не принял Бажов и объяснения Мамина-Сибиряка, который видел причину ухода Василия Аленина к вольным казакам в его неудовлетворенности тяжелой работой

¹ Сибирские летописи. Изд. Археографической комиссией. Спб. 1907, стр. 306; материалы из летописи Черепанова приведены по статье Пуцилло «К вопросу, кто был Ермак Тимофеевич». «Русский вестник», 1881, № 11.

на Строгановских барках и в его стремлении к личной свободе ¹.

Основания для разрыва Ермака со Строгановыми разъясняются в сказе «Ермаковы лебеди». Показ же поводов для столкновения со Строгановыми будущего героя переплетается с повествовательными мотивами, задуманными как «доказательство» уральского происхождения атамана.

Сказитель подходит к конфликту издалека. Сперва он рассказывает об увлечении Василия воеводской дочерью и об ее предательских поступках. Ослепленный своим чувством к этой «обманной девке», Василий не видит, что она только «лицом — цветок, а нутром — головешка черная». Свое отношение к стихийности чувств человека рассказчик выражает пословицей: «полюбится сова — не надо райской пташки». Василий не прислушивается к советам стариков, знающих, что простому человеку, «холопу», не по пути со знатью. Он убеждается в справедливости этого положения только после ряда событий, начавшихся его столкновением с воеводой на почве классового неравенства. Конфликт не замыкается областью интимных отношений. Он приобретает социальную окраску.

Отголоском отраженного в старом фольклоре неприязненного отношения народа к боярству представляется подбор в сказе экспрессивных средств характеристики личности воеводы. Преследуя Василия, воевода падает в реку с опрокинувшейся лодки. Этот эпизод нужен был рассказчику для того, чтобы выразить свое ироническое отношение к персонажу: «Мужик сырой да тяжелый, а вешняя вода, известно, легкая да игривая. Любо ей со всякой *колодиной* побаловаться». Эта эмоциональная оценка обладает социально-исторической значимостью. В личном отношении рассказчика проявляются подлинно народные воззрения, отчетливо выраженные в исторических песнях русского народа, в старых народных пословицах, в сатирических произведениях народного театрального искусства ².

¹ Д. М а м и н. «Покорение Сибири». Иллюстрированный журнал для детей старшего возраста, кн. 2, 3, 1882 г.

² Ср., напр., сатирическую народную драму «Про воеводу-боярина», возникшую в период боярского гнета. См. еще характеристику воеводы в сказе Бажова «Дорогой земли виток».

Столкновение с воеводой вызывает бегство Василия из Чусовского городка. Именно в это время он «всю Чусовую до края прошел» вместе со своими чудесными лебедями, указывающими ему путь. Он не только «все реки-старицы изведаль, да и в окружности поглядел», но и, как полагает рассказчик, ему «первому из наших довелось сибирской водицы из Тагила-реки испить».

«Испить воды из какой-либо реки» в значении «достичь определенного места на отдаленной территории» — это формула народно-поэтического языка, обычно используемая в эпических жанрах (чаще всего в приложении к области военных действий). Уже здесь намечается тенденция при обрисовке героя обращаться к образности народной речи, к выразительным средствам народного поэтического искусства.

Следовательно, не только навык в вождении судов, но и путешествия по рекам, ведущим в Сибирь, предопределили успех похода Ермакова войска по речным путям.

Василий тайно возвращается в Чусовой городок и узнает об обмане воеводской дочери, вышедшей замуж за строгановского приказчика, и о том, как жестоко наказал Строганов семью Алениных, «чтобы другим неповадно было в бега кинуться». Отец Василия вскоре после батогов умер, а братья были отправлены на каторжную работу, их сделали «соленосами». Так возникает жизненно правдивый повод для разрыва со Строгановыми и мести им.

В сюжетной структуре сказа мотив отношений между Ермаком и Строгановыми занимает важное место, потому что в этом мотиве дана «завязка» собственно исторической части сюжета и раскрыты причины, вызвавшие переход героя в лагерь вольных людей или, как называла их Черепановская летопись, «своевольников».

Итак, Василий уходит в казачью вольницу и становится атаманом. Сперва возмездие предводительствуемой им ватаги было направлено против притеснителей народа на Строгановских землях. На действиях ватаги несомненно сказывались личные побуждения атамана. Можно догадываться, что освобожденные соленосы были братьями Василия, а приказчик, которого вольные люди убили и дом которого сожгли, был мужем воеводской дочери. Здесь же разрешается конфликт между Василием

и воеводской дочерью, его обманувшей. Ватажники выбрасывают ее из «верхнего окошка».

Потом вольные люди «попниже Белой реки» стали нападать на Строгановские караваны. Ватага уходит с Урала после преследования ее целым войском, снаряженным Строгановыми.

Укажем полутпо, что в сказе «Ермаковы лебеди» мотив борьбы атамана со Строгановыми перекликается с уральскими народными преданиями, акцентирующими их враждебные отношения¹.

Вынужденный уход ватаги с Урала приводит к расширению ее деятельности. Вольные люди, предводительствуемые атаманом Ермаком, «казачат» на Дону, «гуляют» на Волге. Подобно Разину и его казакам, Ермак со своей казачьей дружиной выступает защитником народа и народным мстителем.

Подлинно фольклорные основы такой интерпретации образа Ермака становятся очевидными не только при сопоставлении сказа Бажова с уральскими преданиями о Ермаке, но и с теми историческими песнями, в которых Ермак сближается с Разиным. Результатом такого сближения явились многочисленные скрещивания и объединения мотивов, свободно перемежающихся из одного песенного текста в другой. Нельзя в этом процессе создания смешанных форм песен о волжском атамане вольных людей Ермаке Тимофеевиче и о волжском атамане вольных людей Степане Тимофеевиче не считать с определенной ролью аналогии, т. е. со сходством положения персонажей, с совпадением их отчеств и территории их деятельности. Конечно, эти совпадения облегчали образование контаминационных форм песен о Ермаке и о Разине, что было уже подмечено исследователями². Но вызывались такие контаминации более глубокими, внутренними причинами.

Сближение Ермака с Разиным отражали народные исторические оценки, показывали, что трудовые народные

¹ Ср., например, предание о том, как Ермак и Ермачиха сожгли себя заживо в срубе, не желая покориться и сдаться Строгановым. В. Немирович-Данченко. Кама и Урал. Спб. 1890, стр. 156—159.

² Н. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875; его же «Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном». Варшава, 1872.

массы видели в деятельности этих героических лиц защиту прав угнетенного народа¹.

В связи с трактовкой образа Ермака Бажов исторически правдиво осветил некоторые стороны социальных отношений в феодально-крепостническом обществе. Он показал, что притеснения народа крепостниками вызывали резкие протесты трудового люда, выразившиеся в огромном распространении так называемой «вольницы», деятельность которой направлялась стремлением к возмездию угнетателям. Фольклор феодально-крепостнической эпохи достаточно ярко отразил массовый уход в вольницу обездоленных людей. Вероятно, и в этих «разбойных выступлениях казаков» проявилось стремление «людей, чаще всего с сильными и благородными натурами, искать какого бы то ни было выхода из тесноты и духоты на простор и приволье души», как писал Белинский². По свидетельству одного из сравнительно ранних исторических источников — «Заметок путешествия по Российской империи» Георги³ на Урале, в частности, на реке Чусовой, процветали разбой. «Среди частновладельческих судов грабежу чаще всего подвергаются принадлежащие владельцам, прославившимся своей суровостью. Это происходит, вероятно, от желания мстить прежним господам за жестокости», — писал ученый путешественник⁴.

Есиповская летопись в извлечении по Головинскому списку говорит, что казаки во главе с Ермаком жили на Волге и на Дону. Придя в земли Строгановых, Ермак с дружинниками «распрошаху тутошних живущих людей, к которому царству та земля подошла»⁵. То же повествует и Есиповская летопись по списку Ундольского, причем здесь автор утверждает, что Ермак взял с собой, повиdimому, в качестве проводников «тутошних людей, знающих

¹ См. В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI века (эпохи Ивана Грозного). Славянский фольклор. Материалы и исследование по исторической народной поэзии славян. Академия наук СССР. Труды института этнографии им. Миклухи-Маклая. Новая серия, т. XIII, М., 1951 г.

² В. Г. Белинский, т. VI, СПб., 1903, стр. 474.

³ Georgi Joh. Gottl. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. Bd. 2. St-Peterburg, Academie der Wissenschaften, 1775.

⁴ Георги. III, указ. соч., стр. 623.

⁵ Сибирские летописи. Изд. Археографической комиссии. СПб. 1907, стр. 308.

жителей»¹. Он получил «вожей, ведущих той сибирский путь», как говорится в Строгановской летописи по Толстовскому списку². Согласно же Ремезовской летописи по Мировичеву списку, Ермак со своими казаками «обмишенился, не попали по Чусовой в Сибирь и прогребли по Сылве вверх»³. Только после предварительной рекогносцировки войско могло продолжать свой путь.

Эти данные как будто дают основание считать Ермака человеком приплым, не ориентирующимся без посторонней помощи в местных географических условиях.

Критическое отношение Бажова к различным источникам сказалось на его отборе материала, проведенном в соответствии с его «художественно-исторической концепцией». Это критическое отношение направлялось принципом «фольклорной типизации» образа героя произведения.

Писатель принимал ряд показаний Ремезовской летописи, в которой по справедливости некоторые историки видят «сборник сибирского фольклора»⁴. Но он отвергал ее сведения о том, что Ермак в самом начале своего похода заблудился, не зная местности. Разумеется, Бажов не мог использовать и показания Есиповской и Строгановской летописей, согласно которым Ермак должен был прибегнуть к помощи проводников.

Так как «доказательство» уральского происхождения атамана выступает главной целью передачи рассказчиком исторического предания «чусовских стариков», то уже в конце своей речи сказитель возвращается к этому же вопросу. Обращаясь к собеседнику, он убежденно и настоятельно заявляет, что Ермак ничуть не нуждался в проводниках: «Здесьние-то реки он с молодых годов знал. Ему, брат, *вожака не надо было! Сам первый вожак по речным дорогам был!*» Эти слова прямо направлены против высказываний тех летописей, которые мы цитировали выше.

В «доказательствах» рассказчика реалистическая мотивировка переплетается со сказочной легендарностью:

¹ Сибирские летописи. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1907, стр. 308.

² Там же, стр. 59.

³ Там же, стр. 313.

⁴ С. Бахрушин. Туземные легенды в Сибирской истории С. Ремезова. Исторические известия. М. 1916, стр. 4.

«И то ни в жизнь бы ему в сибирскую воду проход не пайти, кабы лебеди не пособили».

Исторические воззрения Бажова как автора сказов носили отпечаток фольклорности. Они сближались с осмыслением исторических лиц и событий самими носителями и творцами фольклора.

Постоянно подчеркивая связь своих сказов с уральской фольклорной средой, писатель воссоздавал и черты, обусловленные устным характером бытования произведений народно-поэтического творчества, их распространения и отражениями в них личности исполнителя.

Общеизвестно, что условия места, времени и социальной среды запечатлеваются в фольклорных текстах. И Бажов органически воспринял эту особенность устного народно-поэтического искусства.

Подобно тому как в песнях гребенских казаков Ермак показан гребенским казаком, в терских исторических песнях Ермак представлен основателем терского казачества¹, а в старом фольклоре донских казаков ему приписывается донское происхождение, рассказчик сказа «Ермаковы лебеди», передающий «чувсовское предание», считает Ермака прирожденным уральцем. Если Мамин-Сибиряк в своем раннем историческом очерке о «Покорении Сибири», основываясь на одном из летописных источников, ограничился простым утверждением, что «Ермак родился и вырос в вотчинах Аники Строганова»², то Бажов, полемически заострил мотив об уральском происхождении завоевателя Сибири, чтобы воспроизвести нередко наблюдающиеся в устном народно-поэтическом творчестве проявления своеобразного «местного патриотизма».

Есть основания утверждать, что ориентация Бажова на эту особенность исторических жанров фольклора была результатом продуманной художественной трактовки материала. В этом убеждает аналогичный пример из другого произведения. Так в сказе «Золотые дайки» упомянут

¹ В. Н. Путилов. Ермак в терских исторических песнях. Известия Грозненского института и музея краеведения, вып. 4, Грозный, 1951 г.

² Д. Мамин. «Покорение Сибири». Иллюстрированный журнал для детей старшего возраста. Кн. 2, 3. М., 1882. Но здесь же автор дает понять, что Ермак считал своей настоящей родиной не Урал, место своего рождения, а Поволжье, откуда вела свое происхождение семья Алениных.

первооткрыватель уральского золота Ерофей Марков. Факт находки Марковым золота отражен многими печатными источниками и архивными документами. В приложении к Памятной книжке Пермской губернии на 1905 год указано, что Марков, открывший на Урале Березовское месторождение золота, был крестьянином Троице-Сергиева монастыря, переселившимся в Екатеринбург¹. Мамин-Сибиряк, исходя из тех же книжных показаний, называл Ерофея Маркова «раскольниковым Московского уезда, пришедшим на жительство в Шарташ»². Рассказчик же сказа Бажова «Золотые дайки» утверждает, что «Ерофей... из Шарташа происходил. Коренной тамошний житель».

Каковы бы ни были источники сведений, позволившие Бажову вложить эту мысль в уста рассказчика, важно лишь отметить, что такая трактовка материала позволяла писателю реалистически правдиво воспроизвести одну из черт психологии носителей фольклора, их стремление признавать своими земляками тех деятелей, имена которых сохранила история народа. Но писатель, вообще говоря, остерегался вступить в резкие противоречия с историческими фактами. Избегая анахронизмов в своей работе над материалом из прошлой жизни, он допускал свободное обращение с историческим материалом преимущественно в тех случаях, когда из-за отсутствия вполне надежных научных сведений в исторической литературе наблюдались разногласия, т. е. тогда, когда гипотезы занимали место надежных документальных свидетельств.

Единство выразительных и изобразительных приемов зарисовки Бажовым образа Ермака определилось идейно-художественным замыслом. Это единство проявляется в подборе жизненного материала, дополняемого творческим воображением писателя, и в выборе необходимых средств языковой экспрессии. Идейно-художественный замысел подсказал и этимологическое осмысление слова «Ермак», а также использование семантики этого слова в

¹ Материалы для географического и статистического словаря Пермской губернии из энциклопедического словаря Брокгауза. Приложение к Памятной книжке Пермской губернии на 1897 г., стр. 45.

² М а м и н - С и б и р я к. Собр. соч., т. 12, Свердловск, 1951, стр. 252.

качестве прозвища, характеризующего внутренний мир личности атамана.

Рассказчик сказа «Ермаковы лебеди» утверждает, что имя атамана было Василий, а его «Тимофеичем, видно, величают, как обыкновенно у нас ведется». Напомним кстати, что право при именовании употреблять отчество с «—вичем» было привилегией людей знатных. В народных исторических песнях Ермака обычно величают Тимофеевичем, что в старых текстах, возможно, отражало почтительное отношение носителей фольклора к народному герою. В сибирских летописях не наблюдается такой выдержанности в наименовании. Например, Черепановская летопись называет атамана Василием Тимофеевичем, Строгановская летопись по Толстовскому списку — Ермаком Тимофеевичем, а Строгановская летопись по списку Спасского, Есиновская летопись по спискам Погодинскому и Ундольского — Ермаком Тимофеевым.

По сказу Бажова, будущий покоритель Сибирского царства получил прозвище «Ермак» только тогда, когда после ухода от Строгановых, он стал атаманом вольных казаков.

Рассказчик предпочитает осмыслять слово «ермак» как имя нарицательное, восходящее к татарскому источнику и обозначающее «котел на всю артель».

Сопоставления с летописями обнаруживают целенаправленный отбор материала писателем. Бажов принимает только одно из толкований, приводимых в «Сказании Сибирской земли». Автор «Сказания» писал, что атаман был «прозван Ермак, сказуется дорожной артельной таган», но здесь же летописец приводит и другое значение: «а по-волски — жерновой мельнец рушной»¹ (ср. у Даля: ермак — малый жернов для ручных крестьянских мельниц; а по Этимологическому словарю Преображенского, — «ермак стар. артельный таган, ручной жернов; заимств. из тюркск. — чагот, йар = мак — раскалывать, йарбгуджак (?) — ручная мельница [Жорш, Ак. Сл. 2, 130]).

Хотя толкование «ермак — жерновой камень» обладает образным содержанием и в функции прозвища могло быть применено к человеку «с твердым, как камень,

¹ Сказание Сибирской земли. Приложение к «Пермской старине» А. Дмитриева, вып. V, Пермь, 1894, или Есиновская летопись по Бизуновскому списку. Сибирские летописи, стр. 306.

характером и крепостью сил телесных»¹, оно не привлекло к себе внимание Бажова по причинам, на которых мы остановимся ниже.

Приведенное известие из «Сказания земли Сибирской» было впоследствии включено в Черепановскую летопись². Но Черепанов приводил также и мотивировку получения Василием прозвища, утверждая, что оно было дано будущему атаману еще в ранний период его жизни, когда он работал на речных судах в качестве кашевара: «Василий назван был от товарищей Ермаком для оказания услуг при варении артельной каши, а «ермак по их назывался дорожный артельный таган», либо по-волгскому наречию ермаком жерновой ручной камень называется, которым знаменованием те же его к артели услуги показывают»³.

Разрешению поставленных идейно-художественных задач не содействовала возможность осмыслить известное в народной среде существительное «ермак» как название целовальников и кулачных бойцов (ср. «ермак — валеный колпак — торговал за стойкой»). Материалы народного лубка, собранные Д. А. Ровинским, показывают, что под названием «ермаков» целовальники участвовали в процессии погребения кота⁴. По сведениям В. Немировича-Данченко, в уральских народных преданиях различались ермаки «справедливые» и «разбойные».

В народных исторических песнях слово «Ермак» всегда представлено личным именем, а не прозвищем атамана: «по имени Ермак Тимофеевич» («Древние российские стихотворения», сборн. Кириши Данилова); то же, напр., в песне, записанной в Уральской области (Миллер, 501). Хотя «мирские имена» (прозвища) были общеупотребительны наряду с календарными именами и попадали даже в синодики, но типические для устной народной поэзии формулы указывают на осмысление слова «Ермак» как личного имени атамана: «Ермак — душа. А по отчеству Тимофеевич» (Миллер, 510), особенно: «Атаманом будет

¹ Н. А. Абрамов. Ермак, покоритель Сибири. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. IV, 1867, стр. 1—2.

² См. А. Дмитриев, ук. соч.

³ Цитирую по книге Е. В. Кузнецова. Сказания и догадки о христианском имени Ермака. Tobольск, 1890 г.

⁴ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. II, Спб. 1900, стр. 376.

Ермак, сын Тимофеевич, Саульчиком — Никита, сын Романович» (Миллер, 488) и др.

В пользу признания слова «Ермак» формой имени личного могут быть выставлены довольно содержательные доводы (ср. в Этимологическом словаре Преображенского: «Ермак... собственное имя Ермолай (оч. обыкн. в слвск.)». Это имя нередко встречается в новгородских писцовых книгах, в писцовых книгах по вотчинам Строгановых времен завоевания Сибири, а также в «именных списках сибирских людей». Установлено, что даже в дружине самого Ермака были казаки, носившие это имя.

Внимание к «внутренней стороне истории» делало иногда неизбежным отступления от «внешнего очерка событий» у писателей, занятых историческими темами, а работа художника слова над материалом словесного искусства требовала предпочтения живописных средств такому словесному материалу, который нейтрален в экспрессивном отношении. Так как личные имена обычно лишены осознаваемой «внутренней формы» и обладают нормально только назывной функцией, то понятно, что Бажов предпочел осмыслить слово «Ермак», как существительное нарицательное в роли прозвища. При таком толковании слово приобретало образную выразительность и становилось художественным средством словесной живописи.

Создавая образ Ермака, Бажов подбирал такой материал, который позволял представить «романтические, благородные, возвышенные» черты личности народного героя¹ в том плане, в каком старый фольклор изображал исторических деятелей, укреплявших мощь русского государства. Несомненно, что использование совсем не «романтических» показаний Черепановской летописи, утверждавшей, что будущий покоритель сибирского хана когда-то занимался хозяйственным обслуживанием казачьей артели, молот зерно, варил кашу, — нарушило бы выдержанность принятых Бажовым живописных средств обрисовки народного героя.

Скрытыми от непосредственного читательского восприятия полемическими целями вызвано изображение

¹ Такую характеристику созданного в сказе образа Ермака давал сам Бажов (см. его письмо к писателю Е. А. Пермяку (без даты). Архив Бажова.

в сказе личных свойств Ермака, проявляющихся еще в его детские годы. Тем же целям служит и приведенная в этой связи поговорка, позволяющая рассказчику опереться на обобщенный в произведениях этого жанра опыт народной жизни: «Хоть говорится, что атаманами люди не рождаются, а все-таки смолodu угадать можно, кому потом кашу варить, кому передом ходить. Своей-то ровней... Васютка с малых лет верховодил...»

Отсюда видно, что писатель не просто обходил показание Черепановской летописи. Он **возражал против самой возможности работы Ермака в должности кашевара**, видя в этом «прозаическую деталь», никак не согласующуюся с народными представлениями о героичности как об отличительной особенности личности этого исторического деятеля.

Принимаемое рассказчиком этимологическое осмысление прозвища атамана связывается с характеристикой его высоких моральных качеств как предводителя казачьей дружины: «У него, видишь, не было той атаманской повадки, чтоб на свою руку побольше хапнуть. Он и других к тому не допускал. По этому, правилу и ватагу составил. Чуть кто неустойку окажет, такого сейчас из ватаги долой». Атаман поучает своих соратников: «В первую голову всяк за этим гляди, чтоб у нас всё шло на артель, в одну казну, в один котел!» «За это, будто, атамана и прозвали Ермаком, как это слово по-татарски, сказывают, котел обозначает на всю артель». Так Ермак развивает у соратников дух коллективизма, стремление бескорыстно служить народным интересам. Он вместе с тем выступает блюстителем сложившегося бытового уклада казачьей дружины, отраженного в старом казачьем фольклоре.

Вообще же Бажов был далек от идеализации казачьей волиницы. Еще в сказе «Дорогое имячко» (1936 г.) писатель заставил своего рассказчика упомянуть о бесчинствах некоторых казаков, «худых людишек», приставших к казакам после смерти Ермака.

Дальнейший анализ показывает, что повествовательные мотивы в разных частях художественного целого взаимно связаны и подчинены естественной и правдивой «логике» развития сюжетного действия.

Вернувшись в Чусовской городок, атаман не называет себя настоящим именем: «Поклон тебе низкий от вольного казачьего атамана Ермака, — говорит он любимой

девушке, — а как его по-другому звать — сама ведаешь». Односельчане догадываются, «кто есть донской казак Ермак, какого он роду-племени».

Итак, прозвище нужно было атаману, чтобы его возвращение на родину по пути в Сибирь не обнаружилось Строгановыми, с которыми у него прежде была непримиримая вражда.

В советской исторической литературе признается, что «Строгановы снарядили за Урал экспедицию казаков под начальством Ермака Тимофеевича»¹. Но иногда роль Строгановых в организации похода ставится под сомнение, потому что сведения об их участии содержатся в Строгановской летописи, относимой некоторыми исследователями ко второй половине XVII века² и оцениваемой ими как тенденциозное изложение летописцем только такого материала, какой был угоден заказчикам, самим Строгановым. Однако если бы показания Строгановской летописи и не представлялись вполне надежными, то нельзя не припомнить значительно более доказательные документальные свидетельства, устанавливающие действительное отношение Строгановых к сибирской военной экспедиции против хана Кучума. Например, истории известна гневная грамота царя Ивана Грозного (16 ноября 1582 г.) по поводу призыва Строгановым «волжских атаманов», «воров», которых они «наняли в свои остроги без нашего указа». Особенно же убедителен материал грамоты царя Алексея Михайловича (1673 г.), посланной Строгановым, и грамоты с тем же содержанием Петра Великого (1692 г.) — Григорию Дмитриевичу Строганову. Здесь говорится, что прадед Григория Строганова «призвал с Волги атаманов и казаков Ермака с товарищи», «всему войску помощь чинил», снабдил его продовольствием, «запасами к воинскому делу», «дворовых людей с ними посылал, и Сибирское государство они взяли и под нашу, великих государей, высокую руку сибирцев привели».

Различия показаний Сибирских летописей давали повод для разногласий между историками в вопросе о том,

¹ История СССР, т. 1, под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и Лебедева. Госполитиздат, 1948, стр. 346 и др. цит. ниже источники.

² К. В. Б а з и л е в и ч. История СССР от древнейших времен до конца XVII века. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М. 1950, стр. 452.

кому принадлежала инициатива проведения похода в Сибирь¹.

Строгановская летопись выдвигала роль Строгановых. На ее показаниях основывались, например, Карамзин, Соловьев, Майков, уральский историк А. Дмитриев. Есиповская летопись по различным спискам (Сычевскому, Абрамцевскому, Погодинскому, Ундольского), замалчивая участие Строгановых, полностью приписывает инициативу и заслугу завоевания Сибирского царства Ермаку и его казакам (на этот источник опирался историк Небольсин², решительно отрицал роль Строгановых и Н. Новокрепченых³). Летопись Ремезова утверждала, что Строгановы приняли дружину и оказали ей содействие в осуществлении ее планов только из страха перед казаками, угрожавшими расправой⁴.

С первого взгляда может показаться, что рассказчик сказа «Ермаковы лебеди» (собственно, сам Бажов) придерживается в этом вопросе «средней» и не очень определенной позиции. Но при внимательном наблюдении обнаруживается его склонность к защите одной из точек зрения, выдвинутых историками.

Прежде всего пужно было указать условия, сделавшие возможными приход Ермака к себе на родину. Рассказчик замечает, что «к этой поре старые хозяева Строгановы все перемерли. На их месте сыновья заступили». За долгие же годы отсутствия Василия Тимофеевича многие в Чусовском городке о нем забыли.

Но включение в сказ мотива совместных действий Ермака и Строгановых снизило бы социальный эффект от

¹ Ср. у Мамина-Сибиряка в «Бойцах»: «Истинными завоевателями и колонизаторами всей сибирской украины были не Строгановы, не Ермак и сменившие его царские воеводы, а московская волокита, воеводы, подьячие, земские старосты, тяжелые подати и разбойные люди, которые заставляли «брести врознь» целые области». (Собр. соч. в 12 томах, т. 1, стр. 249).

² П. И. Небольсин. Покорение Сибири. 1849 г.

³ Н. Новокрепченых. Участие Строгановых в поступательном движении русского государства на Восток в XVI столетии. Пермь, 1892 г.

⁴ О требовании казаками снаряжений у Строганова, который был «страхом одержим», пишет С. А. Токарев в статье «Поход Ермака в Сибирь». Сборник «За родную землю», XIV—XVII вв. М. 1949, стр. 98. См. критику источников в статье Г. Красинского «Покорение Сибири и Иван Грозный». «Вопросы истории», 1947, № 3.

показа вражды между ними. Однако нельзя было вообще не упомянуть Строгановых в связи с приходом Ермака на Урал, не противореча историческим документам, на которые опираются советские историки. Заметим, что и в исторических песнях встречались упоминания Строгановых в связи с перемещением Ермаковой дружины с Волги на Урал. Однако рассказчик не склонен подчеркивать прямого отношения Строгановых к появлению у них атамана Ермака. Вот почему он оставляет не разработанным вопрос о приглашении Ермака Строгановыми. Сказитель только с некоторыми вариациями повторяет мысль о том, что именно к Строганову направлялся и приплыл вольный казачий атаман: «Слух прошел — к Строганову поволжские вольные казаки плывут, а ведет их атаман Ермак Тимофенч». И дальше: «К осени опять слух донесся: «К Строгановым на Каму приплыл атаман Ермак с войском. По осенней воде пойдут на стругах по Чусовой сибирского хана воевать».

Утверждая, что Строгановы пригласили казаков с атаманом Ермаком во главе, летопись не связывает это обращение с идеей Сибирского похода, а говорит, что казаки были призваны «напомогание... противу неверных супостат»¹, т. е. для защиты вотчин Строгановых от постоянных нападений татарской орды. По рассказу летописца, это предложение было с радостью принято вольными казаками и их предводителем: оно позволяло, прежде всего, уйти от преследования царских ратных людей, а потом искупить свою вину перед царем. Как утверждает один из летописных источников, Ермак выражал надежду на заступничество Строгановых перед «государем и великим князем Иваном Васильичем»².

Прибывшая на Каму-реку казачья дружина Ермака

¹ Строгановская летопись по Толстовскому списку. Сибирские летописи, стр. 55; тот же мотив в тексте по списку Спасского (стр. 8) и Афанасьевскому списку (стр. 98).

² Строгановская летопись по Толстовскому списку приписывает Ермаку такие слова: «Мы государю-царю вину принесем, а таких честных людей послушаем и к ним на спомогание пойдем, и они об нас станут писать милостивые и благоприятные словеса к государю и великому князю Ивану Васильевичу всея России, и государь-царь до нас умилился и отдаст нам пеню великую вину». Сибирские летописи, стр. 56.

пробыла здесь «несколько время»¹, а по более определенным сведениям другого летописца, она жила у Строгановых «два лета и месяца два»², защищая край от нападений татар. Потом Строгановы отправили ее против «сибирского салтана»³. На более или менее продолжительное пребывание Ермака у Строгановых указывает Есиповская и Ремезовская летопись, утверждающие, что про Сибирь Ермак узнал «от многих чусовлян»⁴ и от самих Строгановых⁵. «И с тех мест учали оне, Ермак с товарищи, мыслить и збираться, как бы им дойти до Сибирской земли и того царя Кучума»⁶. Именно в процессе охраны и защиты Строгановских владений возникает мысль о решительной борьбе с «Золотой ордой Сибирского царства». По словам Есиповской летописи, «посоветовал он, Ермак, (с) Строгановым о промысле того царства»⁷.

Сопоставление этих летописных сведений с мотивами исследуемого сказа убеждает, что Бажов намеренно не использовал материал, свидетельствовавший, как Ермак «вотчины Строгановы выручал»³. Если, например, согласно летописи, набег Пелымского князя на владения Строгановых был отражен Ермаком, то писатель относит нападение «сына сибирского хана» к периоду, когда Ермака не было на Урале. Защита Чусовского городка представлена Бажовым, как акт народной самообороны.

В сказе говорится, что дружина Ермака пробыла в Чусовском городке всего два-три дня, остановившись здесь только по пути своего движения в Сибирь. Вообще же освещение интересующего нас исторического события дано сказом «Ермаковы лебеди» близко к материалам тех летописей, которые выдвигают ведущую роль Ермака и его казаков в организации сибирского похода. В «чусовском сказе» Бажова представлено, что войско Ермака обладало всем необходимым для сложной военной экспе-

¹ Есиповская летопись по Бузуновскому списку. Сибирские летописи, стр. 296.

² Строгановская летопись по Толстовскому списку, там же, стр. 55—56.

³ Строгановская лет. по Афанасьевскому списку, там же, стр. 98.

⁴ Летопись Ремезова, там же, стр. 316.

⁵ Есиповская летопись по списку Ундольского, там же, стр. 194.

⁶ Есиповская летопись по Погодинскому списку, там же, стр. 275.

⁷ Есиповская летопись по Бузуновскому списку, там же, стр. 297.

⁸ Там же.

диции. Атаман говорит о богатстве своей казны, что соответствует тому «словесному преданию местных жителей», на которое ссылается Г. Ф. Миллер в своей «Сибирской истории» (стр. 101). Этот мотив служит для обоснования мысли о ненужности участия Строгановых в материальном снаряжении войска.

Общественными и личными побуждениями определяется замысел Ермака — идти против внешнего врага русского государства. Атаман намеревается «добрую славу оставить», «себе и всей ватаге головы откупить».

Разработка в сказе эпизода приезда Ермака на Урал, трактовка зарождения идеи и ближайшей цели сибирского похода близки не только к указанным выше материалам некоторых сибирских летописей. Наблюдается и близость к осмысленно событий, например, в тех исторических песнях, в которых сам атаман выражает желание «пойти в Усолье к Строгановым» (Древние российские стихотворения; собр. Киршей Даниловым), предлагает казакам «взять Сибирь» (Миллер, 501, 511), «покорить Кучума», чтобы получить от царя Ивана Васильевича прощение за проступки» (Миллер, 540) и др.¹.

Для раскрытия «фольклорно-исторической» концепции, выдвинутой в сказе «Ермаковы лебеди», важно обратиться еще к частному (но насыщенному значительным смыслом) эпизоду пополнения в Чусовском городке войска Ермака. Не Строгановские наемники, а добровольцы дополнили дружину атамана: «Из Чусовского городка народу в войско прибыло. Ну, и проводы вышли вроде как семейные, потому — с заезжими казаками своих отправляли. На берег так семьями и шли — кто брата, кто сына провожал».

Сибирский поход представлен народным делом, выражающим чаяния русских людей, народным патриотическим движением, в котором Ермак выступает организатором и военным руководителем.

Сибирские летописи разных авторов и различных редакций (списков) повествуют о посланной не через Строгановых, а непосредственно в Москву челобитной Ермака с сообщением о том, что Сибирь хана Кучума стала землей русской¹. Царь простил казакам их прежние

¹ В. Ф. Миллер, Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Сборник ОРЯС Акад. наук, т. 93, Пгр. 1915 г.

проступки и богато их наградил в знак своего расположения. Только в Ремезовской летописи говорится о двух панцырях, подаренных царем Ермаку. Ремезов подробно описывает подарок: «Пансырь же бит в 5 колец мудро- стно, длиною в 2 аршина, в плечах с четью аршин, на грудех и меж крылец царские златые орлы, по подолу и рукавам опушка медная на три верышка»².

Этот подарок сыграл роковую роль: во время ночного нападения врагов Ермак не смог отплыть от берега и утонул под тяжестью железного облачения: «бежа в струг свой и не може скочити, бе одеян двема цар- скими пансыри, струг же отплы от берега, и не дошел, утопе»³.

По-иному представлен эпизод смерти Ермака в «Древ- них российских стихотворениях», собранных Киришей Да- ниловым. Здесь рассказано, что при нападении татар Ермак, намереваясь перескочить на другую коломенку, «для помощи своих товарищев», «ступил на переходню об- манчивую», поскользнулся, «а та переходня с конца верх- нева подымалася и и на ево опускалася, расшибла ему буйну голову и бросила ево в тое Енисею-быстру реку: тут Ермаку такова смерть случилася». Хотя эта фольклор- ная версия и позволяла бы углубить психологическую характеристику атамана показом его самоотверженного поступка, но она не давала материала для той социальной идеи, намекнуть на которую писатель намеревался.

Близость деталей повествования в сказе Бажова и Ре- мезовской летописи может быть объяснена тем, что эта летопись приводила наиболее полный материал о данных событиях и позволяла использовать его для реализации идейно-художественного замысла. Писатель мог и не знать, что летопись Ремезова представляет собою, собст-

1 Ср. в «Сказках и песнях» А. Е. Рогожниковой: «Завоевал Си- бирь Ермак Тимофеевич. Он боролся за Сибирь со своей дружиною. Положил он свою буйную головушку. Вот с тех пор стала Сибирь русской. Русская, да не кучумская». Новосибирск, 1949, стр. 36.

² Сибирские летописи, стр. 338.

³ Ремезовская летопись. Сибирские летописи, стр. 344. Ермак утонул, «одеян бе железом» (Есиповская летопись по Абрамцевскому, Румянцевскому и Сычевскому спискам), «пожеже одеян бе железом в пансыре тягче, и не доплы струга, утопе». (Есиповская летопись по Погодинскому списку); о двух панцырях сообщает в варианте ИПК Есиповская летопись по списку Ундольского (Сибирские летописи, стр. 221).

венно, не исторический, а фольклорно-исторический источник. Сведения о подаренных панцырях и об эпизоде смерти Ермака относились к народному вымыслу и являлись легендарным сказанием, в то время распространенным среди местного населения. Легенду о панцыре Ермака сообщил Ремезову хан Аблай, и «сказка за его знамены» (подписью) была включена Ремезовым в летописный текст¹. Еще во второй половине прошлого столетия акад. В. В. Радлов в своих «Образцах народной литературы тюркских племен» (ч. IV, 1872) приводил рассказ о Ермаке. И в этом фольклорном предании, записанном от тобольских татар, упоминается панцырь, в котором был облачен покоритель хана Кучума². Быть может, текст предания представляет собою остаток легенд о Ермаке, некогда бытовавших в фольклоре тобольских татар и других народов и племен, прежде подвластных хану Кучуму.

Любопытный фрагмент известного на Урале предания о чудесном панцыре Ермака находим в записях Луканина, начавшего составление своего уральского словаря с 1849 года: «Ермак Тимофеевич носил кольчугу; его стрелы не брали, а отскакивали»³.

Близость рассматриваемой части сказа к материалу Ремезовской летописи легко устанавливается сопоставлением текстов. «Сперва добрые вести доходили, как Ермак с войском сибирского хана покорил и все города побрал,

¹ Сибирские летописи, стр. 347—348. С. Бахрушин. Туземные легенды в Сибирской истории С. Ремезова. Исторические известия, издаваемые историческим обществом при Московском университете, М. 1916, стр. 19.

² Н. Ф. Катанов. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. Тобольск, 1896, стр. 13. По материалам трактата Витзена о «Северной и Восточной Татарии», царь послал Ермаку «плащ из шелковой материи вышитый цветами, с бархатными украшениями». Рассказ голландского путешественника о гибели Ермака сходен с тем, который приведен в Ремезовской летописи. Записи, использованные Витзеном, относятся к 70—80 гг. XVII столетия и представляют собой устные предания, которые так широко использовал в своем летописном труде Ремезов. В Ремезовскую летопись вошли и туземные легенды, ранее записанные Юр. Крижаничем в его «*Relatio de Siberia*»; см. И. Тыжнов. «Обзор иностранных известий о Сибири второй половины XVI века». Сибирский сборник, Спб., 1887, стр. 123—144.

³ А. Луканин. Сборник простонародных слов, употребляемых в Пермском, Кунгурском, Осинском, Оханском, Соликамском и Чердынском уездах Пермской губ. Рукоп. Словарного сектора Института языкознания Академии наук, № 31/174.

как Грозный-царь за это всем казакам вины простил и подаренье свое царское отправил. И про то сказывали, будто велел Грозный-царь сковать атаману для бою кольчатую рубаху серебряную с золотыми орлами. Дивились царевы бронники, как Ермаковы посланцы стали про атаманов рост сказывать. Сильно сомневались в том бронники, а все-таки сковали рубаху, как было указано, от вороту до подолу два аршина, а в плечах — аршин с четвертью, и золотых орлов посадили». Во время ночного нападения врагов «атаману, видно, надо было с одной лодки на другую перескочить, да опрометился он и попал в воду на глубокое место. *В кольчатой-то рубахе царского подаренья и не смог выплыть*», — говорит рассказчик.

Здесь нельзя не заметить одного намека. Он довольно слабо выражен, но достаточен для некоторого сгущения социальной экспрессии в этом повествовательном мотиве. Рассказчик говорит, что «кольчатая рубаха», в которой Ермак не смог выплыть, была «царским подареньем». Этот художественный намек является знаком того, что рассказчику «чувовского сказа» чужды царистские иллюзии, столь характерные для крестьянского фольклора и фольклора рабочей среды в период, предшествовавший первой русской революции.

При обращении к истории литературы, без труда можно установить, что идея о царском подарке, как причине смерти вольного атамана, восходит к Рылееву и Мамину-Сибиряку, у которых она получила наиболее рельефное выражение. Так, например, в «Думах» Рылеева читаем: «Тяжелый панцыр — дар царя/стал гибели его виною»¹. В «Сказании о сибирском хане Кучуме» Мамин-Сибиряк писал, что кольчуга, как проявление «царской милости», была тяжела... вольному казацкому атаману»². Мы не располагаем фактами, позволяющими утверждать, что Бажов, упоминая о невозможности для Ермака выплыть «в кольчатой рубахе царского подаренья», стремился не вступать в резкие разногласия как с Ремезовской летописью, так и особенно с осмыслением Маминым-Сибиряком и Рылеевым роли панцыря в судьбе Ермака.

¹ Рылеев. Думы. Полн. собр. соч., изд. Academia, 1934, стр. 157.

² Мамин-Сибиряк. Полн. собр. соч., изд. Маркса, т. 12, стр. 260.

Но мы вправе высказывать предположения о такой возможности. Вместе с тем характер оформления мотива позволяет думать, что Бажов не намеревался ставить решительно и категорично смерть Ермака в причинную связь с «царской милостью»: писателю была известна высокая оценка советской исторической наукой прогрессивной роли личности царя Ивана Грозного. Как и в вопросе об участии Строгановых в организации сибирского похода, Бажов в данном мотиве нашел такую форму выражения, которая не приводит к мысли о разрыве преемственности исторических идей и в то же время не противоречит выводам передовой советской науки.

Добиваясь жизненной правдивости даже в мельчайших художественных деталях, Бажов заставляет рассказчика сказа в форме **намека** на роковую роль царского подарка выразить отношение не конкретно к Грозному-царю, а вообще к идее самодержавной власти. Собственный жизненный опыт и наблюдения над произволом русского самодержавия в социальных условиях предреволюционных лет приводят рассказчика к перенесению своей социальной оценки на далекое прошлое и на любых представителей царизма.

В сказе «Дорогое имячко» говорится, что атаман и его казаки раньше были «вольными» людьми, «а на Сибирь они уже **проданные** пришли. **Купцам продались**». Ермак с его казацкой дружиной здесь представлены наемниками (Строгановых), черными слугами царя, который «их вовсе **задарил**». «Набольшему — Ермаку-то — свою серебряную рубашку царь послал. Так Ермак той рубахи с себя не сымал. Гордился, значит. Так и утон в ей — в царском подарке».

Рассказчик окрашивает этот мотив тоном личного отношения: отчетливо звучит его осуждение людей, продающих свою свободу купцам и являющихся прислужниками самодержавной власти. О царском подарке Ермаку, панцире — предмете гордости атамана и вместе с тем причине его смерти, — говорится в таком смысловом контексте, который позволяет усматривать в смерти Ермака образное воплощение идеи «возмездия» за отказ от вольной жизни и за переход от «партии народа» в лагерь его врагов.

Русские писатели прошлого часто давали аналогичную трактовку личности Ермака. В качестве одного из показательных примеров такого рода мы припомним хотя бы

рассказ «Ермак» Л. Н. Толстого, основывающегося, как и большинство авторов, на сведениях Строгановской летописи. Л. Н. Толстой, который, конечно, никогда не был апологетом царской власти и купеческой инициативы, показывал атамана, прежде всего, слугой престола, верным исполнителем воли Строгановых, их наемным казаком, стремящимся заслужить расположение своих «хозяев»¹. О заботе Ермака сохранить благосклонность Строгановых и «белого царя» писал и Мамин-Сибиряк в очерке о «Покорении Сибири»².

Писатель через несколько лет отказался от такого толкования образа Ермака, какое было дано в его первом сказе³. Общественно-историческая концепция Бажова, советского писателя-коммуниста, формировалась под решающим воздействием марксистско-ленинской исторической науки.

Идейно-политический рост Бажова, его обогащение новыми знаниями исторической науки прослеживаются на всем протяжении его творческой биографии. Можно думать, что именно этот рост и проявился у писателя в изменениях его оценок тех частных исторических вопросов, которые занимают здесь наше внимание.

Разработку в сказе «Ермаковы лебеди» эпизода смерти Ермака, погибающего под тяжестью царского подарка, нет оснований считать отголоском прежнего осмысления писателем образа этого исторического деятеля. Если принять предположение, что «намеки» на чуждость рассказчику сказа царистских иллюзий был вызван задачей дать идейно-образную характеристику самого сказителя и что это сообщило произведению типическую черту, присущую народно-поэтическому творчеству после первой русской революции, то данная деталь выступает не только приметой общественно-исторических взглядов рассказчика, но и своеобразной, хотя и скрытой «хронологической документацией» сказа «чусовских стариков».

¹ Л. Толстой. Собр. соч., т. X, Гослитиздат, 1952, стр. 72—78.

² Д. Мамин. «Покорение Сибири». Иллюстрированный журнал для детей... кн. 2, 3, М., 1882 г.

³ Ср. изменение отношения Бажова к личности Ивана Грозного (это обнаруживается сопоставлением первой и последующих редакций сказа «Дорогое имячко», а также сказа «Приказчиковы пошвы»).

Как известно, личность Ермака усиленно пропагандировалась русским самодержавием¹. Для литературы эта пропаганда не прошла бесследно. Некоторые авторы принимали ее, видя в Ермаке только служителя на поприще укрепления самодержавной власти. Из сравнительно ранних проявлений такой тенденции мы можем, например, указать на трагедию «Ермак» А. Хомякова. Драматург воплощает свою идею как в эпизоде, где Ермак выражает свои верноподданические восторги, принимая царский подарок (панцыри), так и в сцене гибели героя. Ермак бросается в воду, чтобы «дар царя» не достался врагу как свидетельство победы².

Другое направление в оценке личности Ермака связывало этот образ не со служением престолу, как главной индивидуализирующей чертой личности атамана. В Ермаке видели предводителя народного патриотического движения и типическое воплощение русского национального характера.

Историческую оценку Бажовым личности и деятельности Ермака следует рассматривать в перспективе идей, восходящих к Пушкину, некоторым декабристам, Радищеву и Ломоносову. Пушкин полагал, что о Ермаке, как и о Владимире, Мстиславе, Донском и Пожарском, могла бы быть сложена эпическая поэма³. «Думы» Рылеева не удовлетворяли Пушкина, и он ждал такой поэмы от Гнедича, а потом сам поставил ее в план своей творческой работы. Пушкин в набросках статьи о Камчатке весьма отчетливо выразил свои оценки деятельности «смелых сподвижников Ермака», их неустранимость в борьбе, твердость в достижении поставленной цели, самоотверженность в преодолении ими «неимоверных препятствий и опасностей»⁴.

Н. Н. Степанов в статье «Пушкин и Север» вполне основательно связывает понимание Пушкиным личности

¹ В. С и п о в с к и й. Ермак в художественной литературе. Сибирская энциклопедия, т. 1, стр. 900.

² А. Хомяков. Ермак. Трагедия в 5-ти действиях, в стихах, 1832 г.

³ Пушкин. Письмо к Гнедичу от 23 февраля 1825 г. Полн. собр. соч., Акад. наук, т. 13, 1937, стр. 145.

⁴ Пушкин. Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. Полн. собр. соч., изд. АН, т. X, 1938, стр. 357—358.

Ермака с идеями, выраженными Радищевым в его «Слове о Ермаке» (обычно известном под названием «Сокращенное повествование о приобретении Сибири») ¹. Не только Ермака и его сподвижников, но и землепроходцев, укреплявших русское централизованное государство, Радищев считал типическими выразителями русского национального характера: «...здесь мы имеем случай отдать справедливость народному характеру, — писал Радищев. — Твердость в предприятиях, неустрашимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский» ².

Еще одна социальная идея, выраженная в сказе «Ермаковы лебеди», может быть рассмотрена в историографическом плане. Бажов представляет сибирский поход, как и присоединение Камчатки (см. сказ «Дорогой земли виток»), народным движением и порождением личной инициативы простых русских людей. Писатель выступает сторонником идеи, согласно которой забота русских людей о приращении земли соответствовали царской политике укрепления мощи Российского государства и стремлениям к охране безопасности страны, к ограждению границ от вражеских нападений. Об этой роли частных предприятий, идущих от представителей народных масс, которые подводили новые земли «под высокую царскую руку», говорил Пушкин ³, а до него Радищев. Радищев в уже цитированной работе писал, что «присоединение Сибири к Российскому владению было плод усилия частных людей» ⁴. Но в своих истоках эта идея восходит к Ломоносову, который в «Кратком описании разных путешествий по разным морям и показании возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» определил особый характер процесса приращения территории русского государства. По словам Ломоносова, «во многих приращениях на Восток Российской державы» наиболее значительная роль принадлежала не «государственным силам»,

¹ Вестник Ленинградского университета, № 6, Лгр., 1949, стр. 38.

² Радищев. Избранные произведения, под ред. Г. П. Макогоненко, М. 1952, стр. 484.

³ Пушкин. Полн. собр. соч., Изд. АН., т. X, 1938, стр. 357.

⁴ Радищев, цит. соч., стр. 484. О зависимости похода Ермака от общеполитической линии московского правительства и о «стремлении Грозного сперва к установлению московского суверенитета, а затем и господства над Сибирью» см. в статье Г. Красинского: «Покорение Сибири и Иван Грозный». «Вопросы истории», 1947, № 3.

а «приватным поискам»¹. Знаменательно, что еще Радищев не осмыслил присоединение к России Сибирского царства, как победу в борьбе с туземными народами, с «первыми супостатами», по определению Строгановской летописи². Ведь «хан Кучум был не истинный владетель Сибири, но пришлец и завоеватель, а потому, опричь пришедших с ним, подвластные ему повиновались из одной только боязни...», — писал Радищев³.

Бажов в своем сказе не случайно упоминает только хана Кучума как врага, против которого был направлен сибирский поход: «Ермак с войском... пойдут *сибирского хана воевать*», или: «Ермак с войском *сибирского хана покорили*».

Для Бажова была ясна прогрессивная роль присоединения окраин к России: «Господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар», — писал Энгельс⁴.

* * *

В предшествующем изложении мы стремились установить, как и какие факты, явления жизни вошли в обобщенном и идеологически освещенном виде в сказ Бажова, нами исследуемый, и только коснулись некоторых случаев восприятия этого жизненного материала в «словесных образах и картинах». Продолжим условное расчленение элементов, составляющих в художественном произведении неразрывное, слитное единство. Теперь от рассмотрения материала, так или иначе опирающегося на письменные исторические источники или же на устные, «фольклорно-исторические» летописные показания, перейдем к тем элементам сюжета и образной структуры, которые были порождены фольклорной легендарностью и творческим воображением, не имеющим опоры в исторических документах и в литературных источниках,

¹ Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII, изд. Акад. наук, под ред. акад. Сухомлинова, стр. 318.

² Строгановская летопись по Толстовскому списку. Сибирские летописи, стр. 55.

³ Радищев. Избранные произведения. М. 1952, стр. 488.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI стр. 211.

претендующих, подобно, например, сибирским летописям, на достоверность сообщаемых сведений¹.

Отражения художественной литературой образа Ермака показывают, что «мифотворчество», вызванное отсутствием точных сведений о биографии атамана, шло «в сторону введения в его историю любовной интриги и в сторону его идеализации»². Это явление легко прослеживается уже в ранних литературных опытах такого рода, например, в сентиментальной повести Буйницкого «Ермак—завоеватель Сибири» (1805 г.) и в трагедии «Ермак» А. Хомякова (1810 г.).

Поскольку сказ «Ермаковы лебеди» представлен «сказом-воспоминанием» земляков о личной жизни героя, интимно-биографические моменты в этом «фольклорно-историческом источнике» приобретают жанровую мотивировку и некоторую видимость документальной достоверности.

«Романтический, благородный, возвышенный» образ Аленушки³ создается показом глубины ее чувств, ее самоотверженной преданности и верности любимому человеку. Образ Ермака выражается прежде всего типическими чертами русского национального характера.

При обрисовке этих образов писатель должен был стремиться к достижению «единства стиля и идей». И Бажов нашел путь к такому единству: образы, воплощающие тот национально-русский тип и характер, которые оформились в условиях конкретной исторической действительности, писатель зарисовывает в традициях старого русского народно-поэтического творчества.

Ермак Тимофеевич и Аленушка, любящие друг друга и дожившие до зрелого возраста, сравниваются с лебединым и лебедушкой, с «погожим днем в осени»: «И вот идут они, как *лебедин да лебедушка*. Оба высокие да статные, красивые да приветные, как *погожий день в осени*». Одно из сравнений переходит в развернутую ме-

¹ Ср., например, созданные фантазией писателя мотивы воспоминаний «чувовских стариков» о детстве и юности Ермака развивают идею некоторых сибирских летописцев об уральском происхождении атамана.

² В. С и л о в с к и й. Ермак в художественной литературе. Сибирская энциклопедия, т. I, стр. 900.

³ Об этом — в письме Бажова к Е. А. Пермяку (без даты). Архив Бажова.

тафору: «Понял тогда народ, кто есть донской казак атаман Ермак, какого он роду-племени, в каком месте его *лебедушка ко гнезду ждала*».

Рассказчик, будучи «носителем фольклора», прекрасно владеет стилистикой различных народно-поэтических жанров, свободно перенося ее в свое повествование, ср.: «Але-пушка опоясала своего лебедя *на незнакомую дальнюю дорогу*». Связи с поэтикой былин и исторических песен можно усматривать в приемах описания одежды и вооружения Ермака. Известно, что в русских былинах описываются всегда «идеальные» черты каждой принадлежности богатырского убранства: «подпруги — чистого серебра, пряжечки-шпильки — красного золота, шелк шемаханский» и проч.¹ Привлекая сравнительный материал преимущественно из бытовавших на Урале фольклорных произведений, приведем еще иллюстрацию в былинном тексте: «Выходил, выезжал добрый молодец... /А и конь под ним, што лютой зверь,/ Седло под ним — чисто золото, /Кафтан на нем ала бархата,/ А и шапочка с при-зументами»². Этот изобразительный прием встречается и в исторических песнях: «Тут-то Ермак убирается, /Тут-то Тимофеевич снаряжается, /Вздевает сапожки сафьяновые на босу ножку, /Кармазинную черкесочку на опашечку,/ Соболиную шапочку на правый бочок»³. Идеализация убранства иногда выражается гиперболой, состоящей в преувеличении его материальной ценности, что должно подчеркнуть его высокие качества, которые в описании, однако, не указываются: у Ермака «пола правая пятьсот рублей, /Пола левая близу тысячи/, Всей-то шубе той цены нету»⁴. И у Ермака в сказе Бажова «Сабля в серебре да дорогих камнях», «верховик на шапке малиновый, кафтан цветной парчи, рубаха дорогого шелку,

¹ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Очерки. 1924, стр. 90—91; А. Оксенов. Ермак в былинах русского народа. СПб. 1892 г. (см. богатырское убранство Ермака, стр. 10).

² А. Марков. Былины, записанные в Пермской губернии «Этнографическое обозрение». 1899, № 4.

³ О песнях про Ермака см. В. К. Соколова. Русск. истор. песни XVI в. Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической пародной поэзии славян. Труды инст. этнографии АН СССР, т. XIX, 1952 г.

⁴ Миллер. Исторические песни, 504.

а сабля и протчая орудия — глаза зажмурь»¹. Отражение былинной поэтики наблюдается также в народном сказовом творчестве, ср., например, в устном уральском народном сказе о Пугачеве: «Выбрали коня [для Емелюшки] с шелковой гривой, с золотой уздечкой. Накинули на коня седло прадедовское с бахромой турецкою»². Ср. еще в чердынской свадебной песне: «Оседлай добра коня! Што седельшко кованое, стремяна были золоченные»³.

Хотя характеристика идеальных признаков убранства и не является исключительной принадлежностью богатырского эпоса, описание одежды и вооружения Ермака в сказе Бажова было бы естественно поставить в связь с общим принципом богатырской героической трактовки этого образа в устной народной словесности, служащей для писателя постоянным творческим источником. В былинах Ермак выступает богатырем, племянником Ильи Муромца, и его действия относятся к периоду Киевской Руси, ко времени князя Владимира. Народ видел в Ермаке младшего члена семьи русских богатырей, оборонявших землю русскую от нападений врагов. Образы богатырей возбуждали в народной среде восхищение их внешностью, личными качествами и их подвигами. Несомненно, что перенесение некоторых изобразительных средств, встречающихся в былинном эпосе, на обрисовку образов Ермака, Пугачева (и Разина) в народных песнях, преданиях и сказках о них было следствием народных исторических оценок и ассоциирования этих исторических лиц с образами былинных героев.

Значительная роль в создании единства стиля в его идейно-содержательном, образном и словесном, формальном выражении отводится в сказе речам персонажей. Со стилем народной песенной лирики связана речь Аленушки, обращенная к Ермаку. Ее высказывания приближаются к ее же песне-причету: «Лебедь ты, мой Васенька! /Где летаешь ты, где плаваешь?/ Поглядеть одним бы глазньком, /Перемолвиться словечушком». Ср., например: «Возьми-ко, *лебедь мой Васенька!* Не погнушайся

¹ Но сперва атаман Ермак появляется одетым «ровно попросту, — не лучше других казаков». И здесь все же говорится: «только сабля в серебре да дорогих каменьях».

² Е. Б л и н о в а. Тайные сказы рабочих Урала. М., 1941, стр. 11.

³ Чер д а к. Заметки о Чердыни. Песни святочные города Чердыни. «Пермские губернские ведомости», 1860, № 35.

хлебушком с родной стороны да малым моим гостинчиком». Лексика ласковости, создаваемая суффиксацией, сообщает этой речи эмоциональную выразительность и тот специфический «тембр», который в соединении с предметным содержанием высказывания и с определенными словесными, грамматическими средствами позволяет легко распознать стихию традиционной народно-поэтической речи. В данных контекстных условиях эмоция ласковости распространяется и на то, чему присуща иная окраска. Сравним в приведенном выше контексте существительное «гостинчиком», где суффикс обозначает «небольшое количество», и где такое значение поддерживается семантикой определяющего прилагательного («малым гостинчиком»).

Интимно-лирическое содержание речи, ее глубокая задушевность и поэтическая возвышенность выявляются средствами стилистики народной поэзии, на которую дается подчеркнуто определенная ориентация. Например, «ясным ты мне к сердцу припал, ясным на весь век останешься». Здесь представлена ритмизованная речь, в которой при определенном способе чтения различаются две ритмические единицы с единопачтием (анафорой), несущим на себе сильное выдыхательное (экспираторное) ударение. Тот стиль речи Аленушки, который связан с устной народной лирикой, можно считать типическим, выражающим внутреннюю сущность ее личности.

Повествование Аленушки о том, что происходило в Чусовском городке после бегства из него Василия Тимофеевича, оформлено средствами разговорного бытового языка и лишено народно-поэтического колорита: «Тут Аленка и рассказала все по-порядку. Баушка Ульяна с весны померла. Воевода хоть лютовал, а семейных у Василья сперва не задевал...» Высказывание Строганова передается от первого лица. Но эта речь Аленушки не представляет собою передачи непосредственного произносимого монолога, а приближается к типу так называемой «несобственно прямой» речи. Наблюдается вмешательство самого сказителя, включение его в речь персонажа, ср., например, форму собственного имени в значении 3 лица («У Василья») вместо формы 2 лица местоимения, обычного в речи, адресованной собеседнику.

В мотивах, раскрывающих интимно-лирические взаимоотношения двух главных действующих лиц, в зарисовках

их внешнего облика в их речевых портретах сосредоточен важный признак стиливого своеобразия сказа, как литературного произведения, связанного с поэтической традицией устного народного творчества.

Ермак представлен не только воином. Он показан в сложной психологической коллизии, в борьбе чувств, в столкновении между общественным долгом и областью интимно-лирических отношений. Это, естественно, отражается на его речевом портрете. Разговорный стиль речи Ермака эмоционально-экспрессивен. Его речь отличается фолклоризм стилистических приемов.

Мы уже указывали, что рассказчик сравнивает Аленушку и Ермака с «лебедином» и «лебедушкой». В речи действующих лиц существительное «лебедь» выступает в функции ласкательного обращения, известной разговорному стилю областных говоров и стилю народно-поэтическому: «Не обессудь, моя *лебедушка*, что в пути запозднилсся»; или «Не осуди, моя *лебедушка*, коли худо про меня сказывать будут»; также: «Эх, не знал, не ведал, что моя *лебедушка* верная через двор живет». В последнем примере нужно еще отметить и синонимическое сочетание «не знал, не ведал», присущее формам выразительности народно-поэтического языка. Представления верности, внутренней чистоты и красоты, устойчиво ассоциирующиеся со словом «лебедь», придают этому слову настолько яркую экспрессивность, что в его семантической структуре первичное значение (вид красивой водоплавающей птицы) заслоняется другими. Но оно не вытесняется. Опора на это исходное значение и создает образную ощутимость метафоры (ср. «лебедь» как мифологический и поэтический образ красивой женщины)¹. Наиболее полно метафора реализуется в мотиве смерти Аленушки после гибели Ермака: «Вот пара была, да гнезда не свила»... «по-лебединому умерла паша Аленушка. У них ведь, известно, как ведется: один загиб — другому не жить».

¹ Ср., в русских народных сказках: «Лебедь-птица — красная девица». А. Афанасьев. Русские народные сказки, т. IV, М., 1914, № 178 и др. В сказе говорится, что жители Чусовского городка прозвали Василия Тимофеевича «лебедем». «Лебедь» осмысливается Аленушкой как «предмет любви»: «Об этом не говори, Василий Тимофеевич! Один ты у меня. Другого лебедя в моих мыслях весь век не будет».

Рассматривая отбор речевых средств, нужно еще указать одну особенность, имеющую прямое отношение к читательскому восприятию.

Рассказчик обращается к слушателям, которые являются посетителями местных территориальных диалектов, что позволяет ему пользоваться отдельными элементами лексики местных говоров. Таким путем создается не только реалистический образ уральского сказителя, но и реалистические портреты персонажей, связанных с местной диалектной средой и выступающих от первого лица в системе сказа. Ермак представлен коренным уральцем, и диалектные черты его речи, следовательно, оправдывались бы именно такой трактовкой его происхождения. В подобной функции диалектизмы выступают испытанным средством художественной выразительности. Но перед нами особый случай применения в речи Ермака одного из элементов лексики местных говоров: «Спасибо тебе, Алешушка, осветила мне дорогу. Теперь знаю, что делать. Коли Строганов придумал *кормить меня поленом, так и от меня ему мягких не будет*». Образный характер этого высказывания раскрывается только при знании семантики диалектизма — «мягкий» (сущ.), неоднократно отмечаемого во многих местах уральской языковой территории. С. К. Булич в «Материалах для русского словаря» приводил известное на Урале «мягки катать» (хлебы) со ссылкой на роман Мамина-Сибиряка «Три конца» и на ряд лексикографических источников, например, на словарь Даля, где «мягкий» — сев. вост. Сиб. — пшеничный или ячневый хлеб, булки, пироги и др.¹; Ср. «Мяконьки катать» в песнях, записанных в Чердынском районе², в Соликамском у.³ или в поговорочном речении: «Не ем ваши мяконьки (хлебы) и не поминаю ваших родителей» (в Камышловск. у.)⁴; в сказке, записанной в Шадр. у..

¹ С. К. Булич. Материалы для русского словаря. Известия ОРЯС Акад. наук. 1896, т. 1, кн. 2.

² В. П. Бирюков. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936, стр. 88.

³ П. А. Некрасов. Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости, Соликамского уезда. Записки уральского общества любителей естествознания т. XXII, 1901 г.

⁴ В. Г. Олесков. Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде [Пермск. губ.] Записки УОЛЕ, т. VII, вып. 4, 1884 г.

«мямки пекчи»¹ и в Екатеринбургском у. «мямки-коровай»². Любопытно, что Бажов, отступая от своего обычая, не считал нужным дать в словаре к сказкам пояснение этого известного на Урале диалектизма. Но, может быть, писатель, еще с детских лет свободно владевший областным говором, не очень отчетливо осознавал принадлежность этого слова к лексике местных диалектов.

Без толкования интересующего нас диалектизма речевой контекст не только не доходит до читателей, но и вызывает у них недоумения, потому что диалектное существительное «мягкий», омонимичное общелитературному прилагательному («мягкий»), не воспринимается в том этнографическом плане, какой обычен для бытовых диалектизмов как живописных средств художественной выразительности. Разумеется, такой метод подачи словесного материала ограничивает возможность восприятия литературного текста теми читателями, кто с местно-диалектной лексикой не знаком.

В заключение нам предстоит рассмотреть сказочно-легендарные элементы сюжета и образной системы, а также те явления стиля, которые сближают исследуемое произведение с жанром так называемой «классической» (волшебной) сказки.

Бажов вводил фантастическую мотивировку при осмыслениях удачных действий Ермака. Советскому писателю была глубоко чужда «тяжелая, бездарная фантастика... житийной литературы» (М. Горький), в частности, отраженная и в сибирских летописях, например, в летописи Ремезова, представляющей Ермака и его товарищей в стиле агнографической литературы³. Считая необходимым делать «отсев религиозно-мистических моти-

¹ А. Зырянков. Сказки и притчи. Пермский сборник, кн. 2, отд. 2, 1860, стр. 171.

² Д. К. Зельсин. Великорусские сказки Пермской губернии. Записки РГО по отделению этнографии, т. 41, Пгр. 1914 [см. словарь]; то же по б. Екатеринбургскому у. — в сборнике В. Шишонко. Очерки из народного творчества Пермской губернии. Пермь, 1882, стр. 253, 254.

³ В. К. Соколова. Русские исторические песни... Труды института этнографии. Академия наук. Новая серия, т. XIII, М., 1951, стр. 85.

нов», проникавших в народно-поэтическое творчество¹, Бажов обратился к иному, подлинно народному источнику фантастических образов и представлений².

В. Немирович-Данченко в неоднократно цитируемой нами книге передавал уральскую легенду о том, что путь Ермаку в Сибирь показывал *«лебедь»*: «По Чусовой, когда Ермак поднимался, то лебедь ему показывал дорогу, впереди плыл, где отмели или камни, лебедь в сторону сворачивал, и атаман тоже забирает стороной. Поэтому по всему Уралу теперь лебедь в большой милости. До них никто не дотронется»³. В поисках реальной фольклорной основы легендарных мотивов сюжета сказа «Ермаковы лебеди» этот источник является довольно ценной находкой, позволяющей утверждать, что и в данном случае творческое изображение писателя опиралось на народно-поэтическую основу. Вопрос же о том, черпал ли Бажов материал из народно-поэтического источника непосредственно, или же он основывался на чужих записях, в сущности, не меняет дела.

На важную роль волшебных лебедей в сюжетной и образной системе произведения указывает его заглавие. Как и в волшебной сказке, герой получает «чудесных помощников». Они благодарны герою за то, что он спас им жизнь. Они охраняют героя, выручают его из трудных положений, выполняют его желания и направляют его действия. В стиле волшебной сказки повествуется, как лебеди показывали Ермаку природные богатства края: *«Поднимает лебедь правое крыло, как покажет на горку какую, либо на ложок, взглянет Василий на то место и увидит насквозь: где какая руда лежит, где золото да каменья. Поднимает лебедь левое крыло, и Василию весь*

¹ Некоторые вопросы литературного творчества (Беседа с П. П. Бажовым). «Уральский современник», 1952, № 20. Плоды рабского суеверия, а не свободной фантазии видел Бажов в легендах, связанных с церковной житийной литературой, когда он говорил о «слащавости» легенд и о том, что такая разновидность жанра легенды естественно «не привилась да... и не привьется никогда». Соч., т. III, стр. 340.

² Ср. М. К. Азадовский. Предисловие к сборнику «Легенды и были». Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. Сборник А. А. Мисюрева [и материалы этого сборника Р. Г.] Новосибирск, 1940 г.

³ В а с. Немирович-Данченко. Кама и Урал. Спб., 1890, стр. 462.

весь лес на берегу на многие версты открывается: где какой зверь живет, какая птица гнездится. Ну, как есть всё».

С элементами сказочной чудесности связан былинно-сказочный прием троекратности. Он наблюдается и в советских устных рабочих сказах, особенно в тех, куда пропикали черты фантастики.

В сказе «Ермаковы лебеди» этот прием не дается так отчетливо, как, например, в структуре волшебных сказок, где нередко встречается лексико-синтаксический параллелизм, создаваемый этим принципом организации повествовательного изложения. Троекратность прослеживается в «узловых пунктах» истории жизни Ермака¹.

Отбирая из фольклора устойчивые элементы, писатель видел в них отстоявшиеся национально-типические формы отражения действительности средствами «словесной живописи».

Рассказчик, уже изложив сюжет о Ермаке и его «чудесных помощниках», обосновывает в концовке роль, которая принадлежит образу лебедей в конструкции сюжета произведения. Предание «чусовских стариков» о «Ермаковых лебедях» связывается с местным обычаем ставить *деревянных лебедей на воротах*² и с запретом убивать эту птицу, чтобы избежать «пежданного горя», которое неизбежно постигнет того, кто «непароком лебедя зашибет». В плане возможных культурных связей русского населения с соседними народами, жившими на уральской территории, можно указать на известного в этнографической литературе вотского идола, изображающего деревянную фигуру лебедя³. По свидетельству Бажова, в Косом Броде (недалеко от Полевского завода) сохранились на воротах вырубленные топором изображения лебедей⁴.

¹ Лебеди спасают Ермака от преследования его воеводой; Лебеди показывают земельные богатства и путь Ермаку в Сибирь: Лебеди не могут спасти Ермака во время нападения врага: была ночь, «а эта птица, известно, ночью не видит».

² Ср. Сыропятов. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края. Пермский краеведческий сборник, в. I, Пермь, 1924, стр. 50.

³ П. М. Богаевский. Очерки религиозных представлений вотяков. «Этнографическое обозрение», 1890, № 1, стр. 131.

⁴ См. «Воспоминания о Бажове» Кл. В. Рождественской, публикуемые ниже. (Р. Г.)

Стрелять в лебедей считалось на Руси грехом¹.

Рассказчик сказа утверждает, что лебедей «колоть за грех считалось»². Но он осмысляет установившееся на Урале почитание лебедей поверием о том, что лебеди были «первооткрывателями» местных земельных богатств: «первому нашему русскому человеку земельное богатство в здешних краях показали. За это им и почет, а Василию Тимофенчу с Аленушкой память. Это — что парой-то! Вот в чем тут загвоздка».

В концовке сперва слышится эпическое звучание, присущее завершению героической эпопеи. Но торжественный тон сейчас же сменяется бытовым, разговорным, когда рассказчик как бы напоминает о неясных или спорных вопросах, которые он в своем повествовании разрешил, передав сказ «чусовских стариков».

Возможно, что известное Бажову и еще кое-где бытующее предание о том, что «лебеди показали Ермаку путь в Сибирь»³, предание, отмеченное на Урале, в частности Вас. Немировичем-Данченко, было переформировано Бажовым в применении к кругу идей горняцкой среды. И поверие о несчастьи, постигающем человека, если он убьет лебедя, приурочивается писателем к трудовому быту разведчиков земельных недр: если **старатель** убьет лебедя, то ему лучше всего бросить «земельное ремесло», потому что, «удачи на золото после того не станет».

Конечно, сложный легендарно-исторический сюжет сказа не выполняет роли простой иллюстрации, комментирующей местные поверие и обычай ставить на воротах деревянное изображение лебедей. Поверие и обычай представлены как бы «отложениями» в самом бытовом

¹ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. V, 1865, стр. 542. О поклонении лебедям у некоторых народов Урала и Сибири. См. у ряда авторов, напр., П. П. Инфантьев. Путешествие в страну вогулов. Спб., 1910, стр. 71. Краткое описание о народе остяком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году, Спб. 1884, стр. 47; О почитании лебедя у тюркских и финских народов нашей страны, см. А. Н. Анучин. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Материалы по археологии восточных губерний, т. III, М. 1899, стр. 138.

² О бытовании этого поверия среди уральского населения, см. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. II, Пермь, 1804, стр. 151.

³ К л. Рождественская. Воспоминания о Бажове.

укладе горняцкой среды элементов того содержания, о котором в сказе повествуется и рассчитаны на создание этнографического колорита. Поверие связывает сказ Бажова с устным поэтическим творчеством уральских приисковых рабочих.

3

Утверждая, что Бажов пользовался фольклором как своим материалом, мы должны уточнить понимание «фольклорного источника» в соответствии с особенностями творческого метода нашего писателя. Не всегда поиски такого источника позволяют определить, какие именно произведения Бажов отбирал, какие фольклорные образы, сюжеты или мотивы он обрабатывал. Происходит это даже не по недостатку надежных сведений, но преимущественно потому, что «фольклорный источник» творчества Бажова нужно понимать в широком смысле и не сводить к конкретному народно-поэтическому произведению или к образам, отдельным мотивам, стилистическим элементам словесного искусства, реально бытовавшим в народной среде. Автор уральских рабочих сказов обращался к фольклору как к «неписанной народной истории», в которой он отыскивал и находил «проявления народной философии, народного осмысления жизненных явлений»¹. Фольклор был для Бажова личным художественным достоянием. Глубокое проникновение во внутреннюю идейную сущность фольклора, умение смотреть на жизнь глазами народа позволили советскому писателю реалистически представить идеологию трудовых народных масс, т. е. отразить в своих сказах самый дух народно-поэтического творчества.

Бажов не довольствовался собственными поисками материала в живой среде фольклорного бытования. Народно-поэтическую основу для своих сказов писатель иногда отыскивал в печатных трудах (например, в работах историков), где он находил следы народных преданий, воспоминаний местных жителей о том или ином лице или знаменательном событии. Бажов, называвший себя «работником сказового жанра», создавал некоторые свои сказы как «фольклорные отклики» на события истории.

¹ Л. Скориню. П. П. Бажов, 1947, стр. 61.

Вокруг реального исторического факта как основы сюжета произведения Бажовым могли создаваться мотивы и образы, иногда значительно отклоняющиеся от документальных сведений. Бажов стремился к фольклорному правдоподобию, когда он отражал в своих сказах некоторые типические признаки, отличающие исторические жанры устного народного творчества (преимущественно в старом фольклоре). Он воспроизводил народные воззрения и оценки трудящимися массами социально-исторического опыта жизни, но не добивался документальной точности при изображении исторических лиц и событий.

Если Бажов и занимался историографией вопросов, интересовавших его в работе над сказами с исторической тематикой, то это не проследживается в содержании повествовательных текстов. Ведь историография и критические сопоставления книжных источников нарушили бы подержанность реалистической трактовки образов старых рабочих-рассказчиков, хранящих в своей памяти устные предания и не обладающих такой пачитанностью, какая отличает книжных людей. Однако если пужно было противопоставить свидетельства устных преданий, идущих от народа, книжным источникам, авторы которых были далеки от «партии народа», то рассказчик сказа должен был, хотя бы в самой общей форме, высказываться о достоверности и надежности различных источников.

Некоторые из выдвинутых здесь положений основаны на материалах исследования сказа «Шелковая горка», посвященного исторической теме. Эпизод из истории уральской промышленности позволяет писателю раскрыть тему трудового новаторства как выражения талантливости простых рабочих людей.

Мотивы и образы из истории производственной жизни на Урале представлены во многих сказах Бажова как в произведениях «исторического жанра», связанных с устным сказовым творчеством уральской рабочей среды. Иногда писатель делает эти мотивы и образы ведущими. Тогда он строит «производственные» сюжеты сказов, в которых раскрываются различные стороны истории труда на Урале. Сюжеты, образы создаются Бажовым под прямым воздействием идейно-воспитательных задач, выдвигаемых партией перед советской художественной литературой.

Партия призвала и призывает деятелей советской литературы, искусства и науки бороться за коммунистическое воспитание советских людей, против реакционных, отживающих идей и теорий. «Общественные идеи и теории бывают различные, — учит партия. — Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества»¹.

В послевоенные годы партия разбила реакционную идеологию космополитизма, служащую интересам отживающих сил общества, и показала, что подлинный интернационализм неразрывно связан с национальным самосознанием, любовью к народу, с идеей советского патриотизма. «Если в основе интернационализма положено уважение к другим народам, то нельзя быть интернационалистом, не уважая и не любя своего собственного народа», — говорил А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки при ЦК ВКП(б).

Немалое место в идейной перестройке трудящихся, в воспитании у них живительного советского патриотизма и чувства национальной гордости занимают исторические темы, в частности, раскрытие новых имен талантливых русских людей, сделавших вклады в различных отраслях науки и техники.

При работе над данным жизненным материалом происходит объединение творческих усилий деятелей науки и художественной литературы. Историки ищут документы, свидетельствующие о славных делах русских изобретателей, и не проходят мимо устных преданий, которые сохраняются в народной памяти. Такие предания могут быть ценными своим объективным историческим содержанием и подлинно народными оценками лиц и событий.

Из печатных источников и из устных народных преданий (некоторые из них отражены в старых исторических

¹ История ВКП(б). Краткий курс, 1945, стр. 111.

трудах) Бажов собирал сведения о талантливых рабочих-умельцах, сделавших полезные технические изобретения, о самоучках-строителях, оставшихся неизвестными, о мастерах-художниках, создавших такие произведения искусства, которые получили широкое признание как в России, так и за рубежами нашей родины. Писателя интересовали вопросы русского приоритета в области техники и изобретательства. Бажов видел в простых рабочих людях огромную созидательную силу, подлинных творцов культуры. «Историкам надо направлять свои поиски в сторону тех творческих исполнителей, которые мало или вовсе не показаны в материалах генералов-строителей», — говорил писатель в своем выступлении на первой научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска.

Знаменательно, что советская историческая наука впервые оценила роль фольклорных источников, особенно устных рабочих сказов для создания истории русской техники. Так, член-корреспондент АН СССР В. В. Данилевский писал в своей исторической монографии: «Народные думы и заботы о технике на всем протяжении русской истории постоянно проявлялись во всем многообразии народной жизни». «По всей стране у нас расходились в прошлом и расходятся теперь крылатые речения, в которых запечатлены думы народа о технике, всегда умевшего ставить и разрешать задачи жизненно необходимые для страны»... «Урал, Тула, Алтай и иные наши заводские места сохраняли множество рабочих сказов, герои которых — представители созидательного труда... люди, умевшие варить великолепные булаты и чудные хрустальные лаки, ковавшие изумительные клинки»...¹. Нетрудно заметить в этом высказывании отголосок тематики, разработанной в некоторых сказах Бажова. Интересно, что в монографии о «Русской технике» даются ссылки на сказы сборника «Малахитовой шкатулки»².

Подлинный «горный мастер фольклорного цеха», Бажов стремился показать, как сильно преувеличивалась

¹ В. В. Данилевский. Русская техника, изд. АН СССР. Комиссия по истории техники, Лгр. 1948, стр. 445, 447.

² Так называл Бажова Демьян Бедный; см. В. Регинин. Словесные изумруды. Демьян Бедный об «Уральских сказах» П. Бажова, журнал «Смена», 1951, № 4.

«роль буржуазии в процессах культурного творчества»¹, и как вместе с тем замалчивалась роль простых людей, талантливых новаторов, внесших большие вклады в историю техники и изобретательства.

Сказ «Шелковая горка» (1947 г.) повествует о изобретенном на Урале способе выделки пряжи из асбеста. Исторически достоверный факт был положен писателем в основу произведения, а творческий вымысел позволил ему создать образы действующих лиц и построить сюжет. Для этого сказа характерна полемичность и острота публицистических суждений.

Большой повествовательный зачин предшествует изложению сюжета. В этой вступительной части определяется жанровая разновидность сказа и выясняется отношение рассказчика к оценкам прошлых событий старыми историками. Повествователь рекомендует как потомственный заводской рабочий, коренной невянский житель. Он как старожил знает о всех примечательных событиях на заводе и рассказывает о них как по личным воспоминаниям, так и со слов отцов и дедов.

Упоминание о «большом невянском пожаре», при котором, как говорилось в письменных сведениях о нем, «погорело 1085 домов» и когда «осталось без крова свыше 7000 человек»², придаст черты исторической точности повествованию. Эта повествовательная деталь является одной из реалистических примет «стариковского сказа» с присущими ему отклонениями от прямой линии повествования, с частыми обращениями к событиям прошлой жизни и с характерной для него избыточной детализацией.

Писатель подводит к горьковской мысли о расхождении между оценками исторических событий прежними историками и самим народом, этим главным деятелем истории. Он заставляет рассказчика, хорошо знающего прошлую жизнь на родном для него Невьянском заводе, характеризовать литературу по уральской истории, замалчивающую роль рабочих людей и представляющую их слепым орудием в руках заводоуправляющих. Рассказ-

¹ М. Горький. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей. Сб. «Литературно-критические статьи», стр. 635.

² Пожар на Невьянском заводе «Екатеринбургская неделя», 1890, № 21.

За работой (1919)

чик находит в прочитанных книгах описания мелочных подробностей жизни Демидовых и обнаруживает стремление авторов услужливо представлять их биографию, как перечень единоличных заслуг перед государством. «Одно плохо, — всё больше про хозяев заводских Демидовых пишут», — приходит к выводу рассказчик. — «Сперва побасенку расскажут, как Никита Демидов царю Петру пистолет починил и за это будто бы в подарок получил только что отстроенный первый завод, а потом примутся расписывать про демидовскую жизнь». Характеристика таких биографических разысканий дается рассказчиком с иронией, заостряющей публицистический тон его высказываний: «Кому охота, может по этим книжкам и то узнать, где какой Демидов женился, каких родов жену взял и какое приданое за ней получил, в котором месте умер и какой ему памятник поставили: то ли из итальянского мрамора, то ли из здешнего чугуна». Не отказались от такого упрощенного биографического разрешения вопросов истории и авторы книг, «кои в недавних годах вышли»¹.

Эта оценка работ по истории Урала основана на метких и правильных наблюдениях. Ведь в старой исторической литературе даже делались попытки установить периодизацию всей истории Урала в связи с биографией Демидовых»².

Рассказчик отдает должное предприимчивости первых представителей рода Демидовых, их умению и в самом маленьком полезную выдумку поймать и в ход пустить, их ориентации не на иноземцев, а на свой народ. Но он хорошо понимает, что славу уральских заводов, отечественной промышленности создали те рабочие, которые руду искали, плавили «да до дела доводили». В истории же оказались утраченными имена знаменитых мастеров, «не попавших в запись».

Мы увидим, что рассказчик, уже изложив сюжет повествования, вновь обращается в концовке сказа к историческим оценкам, которые выступают здесь в виде обоб-

¹ Вероятнее всего, здесь имеется в виду книга Федорова «Демидовы».

² И. Рябов. Былина и временность нижнетагильских заводов, находящихся в Пермской губ., Верхотурск. у., и принадлежащих А. Н. и П. П. Демидовым. Уч. зап. Каз. ун-та. Казань, 1848, ч. 2, стр. 2.

щений, сделанных на основе одного факта, достаточно типичного для старого горнокрепостного быта.

Непосредственный повод для рассказа дает почерпнутое из книг утверждение правнука сказителя, что в Итальянской земле Елена Перпенти «первая научилась из асбеста ткать прясть». Эта изобретательница в 1806 году поднесла Наполеону «неопалимый воротник», и в честь нее была выбита медаль.

Старику «обидно слушать» эти слова. Они задевают его за живое: «Печатают, а того не сообразят, что Акифий Демидов чуть не сотней годов раньше Наполеона жил, а про этого Акифия рассказывают, что поделками из каменной кудели он весь дворец царский удивлял. Значит, тогда уже в нашем заводе научились из асбеста прясть и ткать, плести и вязать», — говорит рассказчик. Повествование о крепостной певьянской изобретательнице направлено против искажения истины. Оно должно восстановить историческую правду. И старик передает своему правнуку семейное предание о том, как одна из представительниц их рода изобрела способ выделки пряжи из асбеста еще тогда, когда «не то что Наполеона, а и бабушки его на свете не было».

Рассказ об известном на Урале еще в начале XVIII столетия искусстве ткать асбестовую пряжу имеет под собой реальное историческое основание. Но ни в печатных трудах, ни в сборниках архивных документов не найдены свидетельства о том, при каких условиях изобретение было сделано и кто был изобретателем. Создать сказ вокруг этого события из истории отечественной промышленности можно было только путем творческого воображения. И действительно, роль художественного вымысла в образных характеристиках персонажей и в построении сюжета сказа «Шелковая горка» была весьма значительной. Бажов заботился об исторически точном, исключаящем анахронизмы изображении старого быта горнокрепостной среды. Но писатель не ставил своей целью использовать факты, связанные с историей асбестового производства, даже в тех пределах, в каких это можно было сделать на основании хорошо известных работ по истории уральской промышленности. Бажов, например, здесь не упоминал об открывателе асбестовых залежей Софроне Согре. Что же касается приведенных во вступительной части к сказу сведений об итальянке Елене

Перпенти, то этот материал, повидимому, вообще не подвергался им критической проверке. Мы убедимся в правильности нашей догадки, если проведем небольшой экскурс в область историографии.

В нашем распоряжении есть ссылка Бажова только на один, точно не названный, книжный источник. Вот что говорил Бажов о возникновении сказа «Шелковая горка»: «Как-то мне пришлось прочесть в одном учебнике, что искусство изготовления пряжи из асбеста *возникло во Франции при Наполеоне*».

А между тем известно, что еще на Урале демидовские крепостные успешно занимались этим ремеслом. Вот об этом я и написал свой сказ»¹.

У нас нет возможности установить, из какого именно учебника Бажов почерпнул такие сведения, но следует заметить, что подобного рода материалы могли сообщаться, например, в учебных пособиях по минералогии. Насколько Бажов, занятый осуществлением своего основного идейно-художественного замысла, не заботился о согласовании приводимых им исторических сведений, видно из того, что в рассказе о возникновении сказа «Шелковая горка» писатель, ссылаясь на книжный источник, называл Францию, где «появилось» асбестовое производство, а в сказе событие это переносится в «Итальянскую землю».

В собственном смысле слова нельзя было говорить о **возникновении** в Европе XVIII—XIX вв. искусства изготовления пряжу из асбеста, так как история вопроса показывает, что асбестовые ткани выделялись еще в древнем мире (в Иудее, Египте, Индии, Китае, древней Греции). Историография опровергает и распространенную точку зрения, согласно которой технологию обработки асбеста, будто бы утраченную со времени древних, удалось найти в Италии только в начале XIX века². В разных местах Европы на протяжении с X по XVIII столетия неоднократно и в каждом данном случае вполне самостоя-

¹ См. Примечания к сказу «Шелковая горка». Бажов. Соч., т. 2, М., 1952, стр. 342.

² М. П. Мельников. Асбест и его разновидности в историческом, минералогическом, технологическом и промышленном отношении. «Горный журнал», 1886, т. 2, апрель, май, июнь, Спб. 1886, стр. 99, 106; его же: Асбест и его промышленное значение на Урале «Екатеринбургская неделя», 1886, № 20.

тельно открывались способы приготовления асбестового волокна¹.

Факт изобретения на Урале еще в начале XVIII века техники выделки асбестовой пряжи нередко замалчивался как в русской, так и в зарубежной литературе². Если в старых работах по истории Урала встречались сведения о Невьянском асбестовом производстве, то они преимущественно служили для возвеличения имени Демидова. Даже заслуга изобретения приписывалась самому Демидову, который, как утверждает один историк, якобы «собственным опытом дошел до обработки асбеста»³. Из других книжных источников можно узнать, что «каменная кудель» была найдена в 1720 году близ Екатеринбурга (как сообщал в своем донесении де-Генин)⁴ и что в 1722 году был послан царю Петру вытканый на Невьянском заводе Демидовых образчик полотна⁵.

Отношение Бажова к такого рода литературным показаниям прослеживается в самом сказовом тексте: одни материалы писатель так или иначе использовал, другие отвергал и делал их предметом тех публицистических выстулений, которые так отличают речь рассказчика этого сказа. Наиболее же обстоятельный материал из истории

¹ М. П. Мельников. Асбест и его разновидности... «Горный журнал», 1886, стр. 106.

² Британская энциклопедия, например, приводит мельчайшие сведения о том, кто в Европе до широкого промышленного внедрения асбеста пользовался асбестовой одеждой, столовым бельем и проч., но не упоминает асбестового производства в России (в Невьянске), хотя по признанию даже иностранных авторов, изготавливаемое «в Сибири» полотно из асбеста превосходило по своему качеству продукцию западноевропейских предприятий (Hoffmann. Handbuch der Mineralogie, 1815, 2 Bd., 2 Abt, s. 286). О некогда существовавшей на Невьянском заводе добыче и переработке горного льна в несорасомое полотно и перчатки см. Н. Kletke, Alexander von Humboldt's Reisen im europäischen und asiatischen Russland. Berlin, 1856, s. 135, а в раннем источнике — Strahlenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, s. 311.

³ В. Огарков. Демидовы, их жизнь и деятельность. Спб. 1891, стр. 33; К. Головщиков. Род дворян Демидовых. Ярославль. 1881, стр. 84; Г. С. (Спаский.) Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова.... Спб., 1877, стр. 35 и др.

⁴ См. М. П. Мельников, цит. по соч, стр. 116.

⁵ О каменном льне (асбесте) в округе Невьянского завода. Неофициальная часть Пермских губернских ведомостей, 1856, № 32; Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. 1, Спб., 1811, стр. 299.

асбестового производства дан в напечатанной «Горным журналом» статье М. П. Мельникова об «Асбесте и его разновидностях в историческом, минералогическом, техническом и промышленном отношении» (т. II, Спб., 1886). Автор обращал особое внимание на то, что в России уже существовало производство асбестовых изделий, а (в начале XVIII века) оно было известно только в Пиринеях. «Но главная заслуга, — по словам историографа, — заключалась не в том, что на Урале снова открыли искусство ткать асбест, как оно открывалось и в других местах Европы в разное время» — заслуга состояла в необычайно высоком качестве изделий¹. Вряд ли содержание этого историографического очерка было известно автору сказа «Шелковая горка». Во всяком случае, некоторые фактические сведения об итальянке Елене Перпенти, приведенные М. П. Мельниковым на основании специальных работ, расходятся с теми, какие сообщены в Бажовском сказе. Так, например, в этих работах Елене Перпенти ничуть не приписывается честь изобретения. Перпенти только организовала в Пьемонте асбестовое производство, известное ранее в Пиринеях, и улучшила его путем ряда опытов². Перпенти действительно, как утверждает рассказчик сказа, получила в 1806 году медаль³. Но эта награда была дана Обществом поощрения национальной промышленности не за изобретательство, а за распространение в Италии искусства ткать асбест. Из других частных расхождений можно отметить, например, что Перпенти, вопреки сведениям, приведенным Бажовым, не подносила Наполеону «неопалимый воротник». В действительности же она подарила кружевные манжеты вице-королю Италии (пасынку Наполеона, Евгению Богарне)⁴.

Такие мельчайшие детали, которые здесь служат предметом нашего внимания, представляют собой несомненный интерес, конечно, только в той степени, в какой

¹ М. П. Мельников. Цит. соч., стр. 117.

² Archives des decouvertes et des inventions nouvelles. Paris, 1809, I, p. 380; см. Мельников, цит. соч., стр. 114.

³ М. П. Мельников, цит. раб., стр. 114—115. (См. Ферсман «Запоминательная минералогия», 1953, стр. 152).

⁴ Note sur la filature de l'amiante, par Madame Lena Perpent; traduite de l'italien. Bulletin de la Société d'encouragement pour l'industrie nationale. Paris 1813, année 12, p. 166—168.

они позволяют судить о работе Бажова. Создавая историческое *ядро* сказа, писатель всегда исходил из документально обоснованных сведений. Но Бажов не заботился о сохранении и критической проверке *мелких деталей*, от которых не зависело выражение ведущих идей сказа.

Поиски ближайшего литературного источника и документальной основы для того «исторического повествования», каким является сказ «Шелковая горка», приводят нас к «Путешествиям по разным местам Российского государства» академика П. С. Палласа. Ученый путешественник упоминал о Шелковой горке в окрестностях Невьянского завода, как о месторождении асбеста, из которого здесь когда-то выделялась пряжа. Потом разработка залежей была прекращена, потому что она не имела промышленного значения. «Но как сие полезно для одного токмо любопытства, то Демидовы-последники работу сию прекратили и едва одно оной хранится **воспоминание**», — утверждал акад. Паллас¹. Записями этих *воспоминаний* и занялся путешественник. Сведения он мог получить от местных старожилов и, что очень вероятно, от упоминаемой им «старой женщины», которая умела ткать несгораемый холст и перчатки и делать бумагу из каменного шелка»². Едва ли можно сомневаться, в том, что от них же Паллас записал и некоторые данные о способе изготовления пряжи из асбеста.

Мы уже говорили, что записи воспоминаний, даже отрывочных высказываний старых рабочих о прежней жизни, в частности, о прошлом состоянии той или иной отрасли местной промышленности являются (или могут быть), как утверждал Бажов, ценным материалом для собирателя рабочего фольклора. Подходя с таким критерием к записям акад. Палласом *воспоминаний* о некогда существовавшей на Невьянском заводе обработке асбеста, нужно признать, что эти записи имели для нашего писателя несомненные признаки фольклорного источника. Хотя Бажов не направлял внимание фольклористов-соби-

¹ П. С. Паллас. Путешествия по разным местам Российского государства, ч. II, кн. I, Спб., 1786, стр. 240.

² О старухе, жительнице Невьянска, искусно приготовлявшей асбестовые перчатки и бумагу, писал также Макарт (Macquart) в «Essais ou recueil de memoires sur plusieurs points de Mineralogie 1789, p. 99.

рателей на поиски отдельных элементов фольклора рабочей среды в старинных письменных источниках, сам он в своей литературной деятельности не мог проходить мимо фактов проникновения таких элементов в научные описания и исследования старых авторов. Если бы в среде уральских рабочих и сохранились до наших дней воспоминания о начале асбестового производства на Урале, то непосредственная запись таких воспоминаний, обладая более высоким «филологическим качеством» (это могли бы быть записи дословные, фиксирующие живую речь рассказчика), для историка не представляли бы собой ценности равной свидетельству акад. Палласа, который собрал воспоминания от непосредственных наблюдателей и, возможно, от самих участников этого события в истории отечественной техники.

Писателю, хорошо осведомленному и начитанному в краеведческой литературе, конечно, было известно содержание «Путешествий» акад. Палласа, особенно в части материалов, относящихся к Уралу и Сибири. Именно в «Путешествиях» Палласа есть все основания искать исторически документированный и обладающий «фольклорными признаками» источник сказа «Шелковая горка».

Бажов использовал и другие сведения из истории асбестового производства на Урале. Так, писатель ввел в сюжет сказа образ рабочего Юрка Шмеля, помощника Марфуши в ее изобретательской работе. Реальную основу для этого образа следует искать в исторически документированных сведениях, указывающих, что Софрон Согра открыл близ Невьянского завода залежи асбеста¹.

В сказе восстаиваются живые образы двух людей, с которыми, по сведениям книжных исторических источников, было связано начало асбестового дела на Урале. Так, упомянутую Палласом «старую женщину», умевшую ткать пряжу из асбеста, писатель представляет изобретательницей Марфушей; открыватель же асбестовых залежей Софрон Согра превращен в ее помощника и выступает в образе Юрка Шмеля.

Трудно предположить, что находка Софроном Согрою

¹ В. Шишонко. Пермская летопись, пятый период, ч. 2, Пермь, 1887, стр. 128; Г. С. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова... Спб. 1877, стр. 35; К. Головищikov. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881, стр. 84 и др.

месторождения асбеста не сопровождалась его поисками возможностей практического применения этого минерала. Но Бажов стремился **противопоставить** итальянке Елесе Перинти русскую изобретательницу. Вот почему, найдя фольклорно-историческую опору для осуществления своего идейного замысла в «Путешествиях» акад. Палласа, Бажов приписывает ей же и открытие Шелковой горки, асбестового месторождения¹.

Мотив супружества Марфуши и Шмеля завершает сюжет повествования. Его роль как жанровой приметы сказа велика. В нем раскрывается происхождение старинной и расселившейся с Невьянского завода «по разным местам» рабочей семьи Шмелевых, к которой принадлежит сам рассказчик и его слушатель. Именно в этом мотиве сосредоточены черты, которые придают рассказу характер семейного генеалогического предания. В одном из своих писем Бажов упоминал о распространенности в Новьянске фамилии Шмелевых. Писатель здесь же давал понять, как могли бы быть плодотворны поиски родословных преданий рабочих семей: «Спроси о старине, и в любой семье ответят: это мне дедушка рассказывал, про это бабушка говорила»².

Не располагая фактами, позволяющими утверждать, что Бажов создавал свой сказ на основе личных записей воспоминаний рабочих об асбестовом производстве на Невьянском заводе, мы, однако, не можем не считаться с высказываниями самого писателя, о которых припоминал впоследствии Ф. Гладков. После лекции проф. Данилевского об уральских техниках-самоучках (это было за несколько лет до создания сказа «Шелковая горка») Бажов говорил: «...те песколько имен, которые остались в истории техники, это — имена людей, случайно уцелевшие в архивах. А таких людей было немало... Эти имена, пусть легендарные, долго держались в памяти стариков и передавались с уважением и гордостью из поколения в поколение. Их опыт, открытия и изобретения как продукт

¹ Другое название ее — «Бумажная гора» — объясняется тем, что асбест назывался не только «горным льном», «горным шелком», «каменным шелком», «горной кожей», но и «горной бумагой». Г. Спасский. Горный словарь, ч. 1, М. 1841, стр. 94. Ср. еще «каменная кудель» в донесениях де-Генина Петру 1.

² Е. П е р м я к. Письма ко всем. Сб. «П. П. Бажов в воспоминаниях», Свердлов. 1953, стр. 33.

народного творчества шли на потребу новым поколениям. Не сейчас, может быть, потом кое-что соберу, приготовлю и поговорю о них. *Я кое-что знаю о таких людях от стариков*»².

Творческий вымысел помогал Бажову создать в сказе «Шелковая горка» живые образы действующих лиц, показать их столкновения, обрисовать угнетающие условия горнозаводского крепостного быта на Урале. Писателю нужно было близко познакомить советских людей с личностью человека, остававшегося для потомства неизвестным, восстановить с возможной полнотой «легендарную» жизнь и дела талантливой крепостной изобретательницы, «не попавшей в запись». Поэтому Бажов добивался наибольшей выразительности в обрисовке образа центрального персонажа.

Семейные рабочие предания, к которым принадлежит и исследуемый нами сказ, сохраняют имена дедов и прадедов. Восстанавливается имя и прозвище родоначальницы рабочей семьи и в сказе «Шелковая горка». Интересно, что изобретательнице дана единственная в сказе портретная зарисовка: «Эта девушка, говорят, из себя не больно казиста была, а характеру легкого, веселая и до того на работу ловкая, что любой урок ей нипочем. Будто играючи его делала»... «Сказывают, курносенькая да рябенькая была и посмеяться любила. По этой примете ей кличку дали — Марфуша Зубомойка».

Повидимому, Бажов придавал этим немногим отличительным признакам внешнего облика особенно большое выразительное значение, потому что в сказе о них говорится дважды. Такие повторения для живописной манеры писателя нужно признать не обычными, а скорее исключительными. В простом образе Марфуши Зубомойки, скромной и внешне ничем не примечательной, но одаренной пытливым и изобретательным умом, воплощены черты забытых историй народных талантов. Этот образ типизируется и противопоставляется тем «историческим деятелям», чьи имена не по заслугам прославляли иностранные и русские буржуазные ученые.

Разработка сюжета и детализация наглядно-образной характеристики главного персонажа сказа усиливают

¹ Ф. Гладков. О Павле Петровиче Бажове. Сб. «П. П. Бажов в воспоминаниях», Свердлов. 1953, стр. 84.

доказательность, жизненную правдивость повествования рассказчика, который отстаивает истину в споре с теми, кто не дорожил славой нашей Родины, кто обходил молчанием дела знаменитых русских мастеров, с «зорким глазом, умелыми руками» и богатой творческой выдумкой.

Образ крепостной изобретательницы оттенен контрастирующим изображением одного из второстепенных персонажей. Мы имеем в виду образ управительницы демидовской рукодельней Фетины, организующей интригу. Вокруг этой интриги развивается дальнейшее действие. Контраст же личностей выявляется в самом показе драматической коллизии. Последняя представлена как столкновение и борьба внутренние противоположных сил, воплощенных в образах этих двух персонажей. Здесь наблюдается обычное для живописной манеры Бажова противопоставление образов по морально-этическому признаку, чаще всего определяющемуся социальным бытием действующих лиц, их принадлежностью к тому или иному общественному классу. Управительница рукодельней стоит в лагере угнетателей рабочих людей. Отсюда — прием «снижения» этого образа. Рассказчик, окрашивающий образы персонажей тоном личного к ним отношения, предваряет своими оценочными суждениями показ поступков этого действующего лица. «Фетинья Давыдовна... вовсе еще не старая, а до того *выкомура* да *придира*, что и в старухах редко такую найдешь. Одно слово — *мучительница*», — говорит рассказчик. Этот подбор слов с оценочным значением, «органически эмоциональных», показывает, что писатель не довольствовался лексикой общелитературного языка, но и обращался к выразительным средствам местных народных говоров. Диалектизм «выкомура» здесь оправдывается не только задачей создать колорит речи уральского сказителя, но и особой выразительностью этого слова, не имеющего семантического соответствия в лексике литературного языка. Вот почему, например, «Опыт областного великорусского словаря Академии наук» давал описательное толкование его значения («выкомура (пермск.) — человек, который не прямо, а намеками делает кому-либо выговор или упрёки»).

Обширная концовка произведения следует после рассказа о том, как Демидов «оценил» изобретение своей

крепостной девушки. Он велел жене: «Выдай Марфутке полушало́к с узорными концами. Пускай все видят барскую награду за старанье».

Большую любовь к скромным талантливым рабочим людям передает Бажов советским читателям. Не только любовь, но и чувство горечи от сознания того, как тяжело жилось рабочему человеку, когда трудовой народ не был хозяином своей страны. Возвращаясь к своим историческим и публицистическим рассуждениям, рассказчик сопоставляет прошлое с советской действительностью. «Нынешнюю награду с демидовской, небось, не сравнишь, потому только теперь старинная работа в полную силу оценена», — говорит старый рабочий-сказитель. Он дает понять, что только в наше время, когда мастера-новаторы окружены заботой советского государства и всего народа, воссоздание подлинной истории изобретательства, установление забытых имен и биографий рабочих людей, внесших свои вклады в историю техники, стало патриотической задачей советской науки.

«Заводские владельцы да царские чиновники, видишь, любили себя выхвалять. Про мастеров да мастериц им и заботушки не было. Про иноземцев и говорить не остается. Эти по самохвальству первые мастера. Их послушать, так всегда они вперед других всё придумали, а стань раскапывать, и выйдет — придумала итальянская Елена то, что твоя дальняя прабабка крепостная Марфуша умела делать на 80 годов раньше», — говорит рассказчик. Его слова, сперва обращенные к правнуку, а потом повторенные в сказе «для всеобщего сведения», имеют значение идейно-воспитательного вывода из сюжета повествования.

Образ «Шелковой горки» становится воплощением забытых и замалчиваемых прежде трудовых подвигов, совершенных простыми рабочими. Рассказчик советует помнить о Шелковой горке, когда «случится про старину читать, особенно про нашу заводскую». Его речь становится образно-метафорической: «Она, наша-то заводская старина, черным демидовским тулупом прикрыта да сверх того еще перевязана иноземными шнурками. Кто пройдет, тот одно увидит, — лежит демидовское наследство в иноземной обвязке. А развяжи да раскрой — и выйдет наша Марфуша». Образ Марфуши в этой метафорической речи приобретает широкий обобщенный смысл.

Обобщающий иносказательный смысл вложен и в образ «горы», который выражает идеи творчества, духовного роста людей, уровень их общественного развития. Изобретение пряжи из асбеста — это «малая горка». Но, по словам рассказчика, «с маленькой Шелковой горки большую видать». Та же метафора разворачивается и в воображаемом заключительном монологе Марфуши, которая видит, на какую «высокую гору» поднялись советские люди и желает им «еще выше забраться». Она просит их при случае вспомнить ее и подобных ей рабочих изобретателей «с малых горок». Если раньше такие воспоминания хранили только потомки, представители рода Шмелевых, то в нашу эпоху у заводской изобретательницы появилось много людей близких, кровно и духовно ей родственных. «Здоровенько живете, мои дорогие», — обращается Марфуша к советским людям, родным для нее «по всем статьям: по крови, по работе, по выдумке».

Эта воображаемая речь дана как бы «с трибуны». Ее содержание полно большого социального пафоса, но ей чужды высокий стиль и искусственная риторика, как чужды они и народному ораторскому искусству. Монолог не отличается от речи самого рассказчика, ведущего повествование: он построен теми же средствами бытового разговорного языка, так же включает в себя некоторые элементы иносказательности, наконец, в нем так же сочетается лирический тон и публицистичность.

Бажов устами сказителя повествует о безвестной крепостной изобретательнице, как о человеке близком для советских людей, людей нового типа, воспитанных Коммунистической партией и сознающих свое кровное родство с прошлыми поколениями трудового народа.

В сказе Бажова «Шелковая горка» проявляется одна из больших идей, разрабатываемых в советской литературе — идея культурно-исторической преемственности, идея величия трудовых подвигов, совершаемых простыми русскими людьми не для прославления своего имени, а для народного блага, для счастья будущих поколений.

В образе самого повествователя, защищающего честь русских рабочих и восстанавливающего историческую истину, писатель показывает подлинно народные истоки идеи воспитания чувства национальной гордости.

«...Мое положение старого человека, лично наблюдавшего жизнь прошлого, побуждает меня продолжать оформление уральских сказов и отображать жизнь уральских заводов в дореволюционные годы», — писал Бажов в «Автобиографии»¹.

Свои знания прошлой жизни писатель постоянно пополнял сведениями, почерпнутыми из книжных источников. В трудах старых историков он критически отбирал факты, не принимая ни методологии исследований, ни их общей идейной концепции. Бажов говорил, что в прежнее время авторы показывали историю «так, как она представлялась правящим кругам»². Иное отношение было у него к работам советских историков. Их исследования не только позволяли Бажову в той или иной степени пользоваться идейно-политической трактовкой исторических лиц и событий, но и зарождали у писателя новые творческие замыслы.

Так, монография Б. Б. Кафенгауза по «Истории хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.»³ заинтересовала Бажова освещением прогрессивной роли Демидовых в истории русской горной промышленности. Любопытно, что к материалу этой книги Бажов подходил как деятель литературы, соотносящий выводы советской исторической науки с осмыслением соответствующих фактов в фольклоре и в исторической беллетристике. Имея в виду прежде всего роман Федорова о «Демидовых», Бажов утверждал, что в художественной литературе образ Демидова, этого выдающегося организатора русского горного дела, до сего времени освещался односторонне, тенденциозно: «черная тень эксплуататора закрывает почти полностью то положительное, что делает этого «фундатора многих заводов» одним из важнейших сподвижников Петра»⁴, — писал Бажов. В монографии Б. Б. Кафенгауза писатель находил фактический материал «о первых демидовских специалистах горной и металлургической промышленности»⁵ и подтверждение своей мысли

¹ П. Бажов, Соч., т. III, М. 1952, стр. 348.

² Архив Бажова; письмо к Д. П. Бор-Роменскому (1948 г.).

³ Изд. М.-Л. 1949; содержание этого труда до его публикации было известно Бажову по автореферату диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

⁴ Архив Бажова; письмо к Б. Б. Кафенгаузу до 7 июня 1947 г.

⁵ Там же.

о преобладании русского начала в строительстве уральских заводов. Бажов ссылался на уральский рабочий фольклор, в котором «эта мысль звучит особенно явственно»¹. Названное выше исследование, по-новому освещавшее облик первых представителей рода Демидовых, выдвигает у Бажова творческие идеи. Еще в 1946 году писатель признавался, что у него «уже второй год из комнаты не выходит этот кучерявый купец в дворянском мундире Аппифий Демидов с его «русским железным делом»². Для осуществления зародившегося литературного замысла нужно было привлечь обширный документальный материал, не ограничивающийся историей местного края. Необходимо было и научное освещение этого материала. Разумеется, излюбленный Бажовым жанр рабочего сказа, в котором исторические лица и события показываются и оцениваются с позиций старых представителей заводской среды, — был непригоден для данных целей. Требовалась не только иная литературная форма, но и такое умение владеть научной исторической аппаратурой, какого, может быть, не было у Бажова, никогда не считавшего себя «настоящим историком». Но Бажов, повидимому, хорошо понимал, что его подлинным художественным призванием была работа в сказовом жанре, и мысль создать большое произведение об организаторе «русского железного дела» осталась не воплощенной.

Отношение Бажова к работам советских историков как к материалу для исторической беллетристики ясно обнаруживается в его дневниковой записи от 9 января 1946 года. Упоминая здесь о докторской диссертации А. А. Введенского, посвященной Строгановым, Бажов говорит, что этот научный труд «мог бы дать материал и для литературы»³.

Принятый нами метод исследования заставляет обращаться к научной и художественной литературе, летописным и архивным источникам, если в них освещаются те же вопросы, которые разрабатывались Бажовым в его произведениях сказового творчества. И при анализе сказа «Чугунная бабушка» (1943 г.) нужно провести соответствующие разыскания. Мы ограничимся лишь одним сопоставлением.

¹ Архив Бажова; письмо к Б. Б. Кафенгаузу от 20 мая 1947 г.

² П. Бажов, Соч. т. III, стр. 321.

³ Из архива Бажова.

Наше внимание к себе привлекает, прежде всего, книга М. И. Репина «Касли», исторический очерк (Челябинск, 1940 г.). Автор этой книги повествует о прошлой заводской жизни и о рабочем скульпторе Торокине, внесшем «мотивы настоящего народного творчества в каслинское художественное литье». Здесь подчеркнута мысль о новаторской деятельности талантливого художника-самоучки. До него на заводе принята была отливка по образцам, приобретенным на *столичных* выставках, *за границей*, по моделям, случайно купленным на ярмарках и понравившимся заводским руководителям, как правило, не обладавшим художественным вкусом. «Любая же из работ скульптора-самоучки Торокина давала «кусочек настоящей жизни» — пишет автор очерка¹. Далее М. Е. Репин рассказывает, как Василий Торокин создавал свою первую самостоятельную работу, известную под названием «Старуха с прялкой». Фигуру бабки Анисьи за пряхей мастер лепил *по ночам*, после тяжелого рабочего дня на заводе. Скульптура одаренного художника-самоучки получила широкое народное признание, а *«удача Торокина — толкнула на творческий путь других мастеров»*². Но заводское начальство увидело в идейно-художественном новаторстве заводского скульптора своеобразный вызов «общественному мнению»: рабочий человек решительно заявлял свои права на определенное место в изобразительном искусстве. Работы Торокина, реалистически правдивые и понятные простому народу, подрывали антидемократическую традицию, установившуюся в практике художественного литья на Каслинском заводе. Творчество Василия Торокина было признано нежелательным. Передавая мнение своих хозяев, управляющий заявил, что «неграмотный скульптор конфузит владельцев завода своими вещами» и запретил ему продолжать лепку моделей³.

Очевидно, что подбор фактов в очерке обнаруживает одну из основных задач автора — показать порабощение труда, невозможность развития народных талантов в эпоху капиталистической эксплуатации.

Сопоставление с историческим очерком о Каслинском

¹ М. Е. Репин. Касли. Исторический очерк. Челябинск, 1940, стр. 86.

² Там же, стр. 88.

³ Там же, стр. 87.

заводе показывает, что рассказчик сказа «Чугунная бабушка», пользуясь речевыми средствами, характерными для старых рабочих-сказителей, повествует о тех же самых фактах из истории Каслинского завода: «Фигурки, по коим литье велось, не все заводские художники готовили. Больше того, их со стороны привозили. *Которые, как говорится, из столицы, которые — из заграницы, а то и просто с толчка.* Ну мало ли, приглянется заводским барам какая вещичка, они и посылают ее в Касли с наказом: «Отлейте по этому образцу, к такому-то сроку». Искусство народного художника противопоставляется далекому от реализма, оторванному от жизни искусству, удовлетворявшему потребности и вкусы господствовавших классов общества. Особо подчеркивается мысль о том, что творчество Торокина возникло на народной почве. Идейно-художественный замысел произведений скульптора-самоучки подсказывался ему отношением рабочих к продукции, изготавливаемой на Каслинском заводе. Фигуры Меркурия, которого рабочие называли «парнем с крылышками на ногах» и фигуры других персонажей античной мифологии, а также присылаемые из-за границы модели, изображающие сытых немецких бюргеров «в полном снаряде» — вызывали в рабочей среде ироническое к себе отношение. «Придумают тоже! Всё какие-то Еркулеса и Лукавоны! А нет того, чтобы понятное показать», — говорит литейщик Василий Торокин. Именно эту мысль он повторяет тогда, когда он сам намеревается заняться скульптурой: «То-то и горе, что бары придумывают непонятное, а мне охота простое показать. Самое, значит, житейское». И он принимается за лепку модели. Художник из народа начинает творить для народа. Он хочет показать образ рабочего человека в обычной жизненной обстановке. Торокин избирает своей натурой старушку, «работающую, характером уветливую, на разговор не скупую». Она была «вовсе преклонных лет», но не могла жить без работы. «Только она — рабочая косточка — разве может без дела? Она и сидела день-деньской за пряжей»... — говорит рассказчик. Фразеологизм «рабочая косточка» означает человека, органически связанного с рабочей средой, с трудовым народом. В данных контекстных условиях это устойчивое сочетание используется как одно из выразительных средств обрисовки персонажа и получает лирическую

окраску, столь естественную в речи рабочего-рассказчика, с любовью и уважением относящегося к тем людям, которые не представляют себе жизни без трудовой деятельности (Сравнить, иную окраску и смысловое наполнение фразеологизма «заводская косточка», например, у Мамина-Сибиряка, в следующем контексте: «Мастеровые — народ обтертый, разговорчивый, одним словом — заводская косточка»¹). Над скульптурным изображением своей соседки — бабки Аписьи за пряжей Торокин работал **по ночам**. «Вкрадче от своих-то семейных этим делом занялся. *Как уснут все, он и садится за работу*». Вылитая из чугуна скульптура Торокина нашла широкий спрос. «На дядю Васю глядя, *другие заводские мастера осмелели — тоже принялись лепить да резать, кому что любо. Но вышел барский приказ о запрете* литейщику Торокину и другим заводским рабочим *заниматься этим творческим трудом*». Вызывает его управляющий и говорит: «Велено мне тебя в первую голову с завода вышвырнуть. Так и в бумагах записано. Только семью твою жалеючи, оставляю».

Бажов, показывает типичную картину подневольного положения художника из народа в условиях капиталистического общества, весь социальный строй которого беспощадно мят, душил народные таланты. В творческих исканиях Торокина писатель вскрывает идею народного искусства, которое, как он убежден, должно обладать фольклорной простотой и доходчивостью, национальной формой и правдивостью отражения действительности.

Наши сопоставления прежде всего дают возможность утверждать, что близость идей, образов и мотивов в рассматриваемых произведениях объясняется общностью жизненного материала и метода его реалистического воспроизведения разными авторами. Но сказ Бажова отличается образно-эстетическим показом **жизненного материала**.

Сказитель говорит, что он не знает, в чем кроется причина высокого качества каслинского литья. Однако им здесь же отвергается иногда выдвигаемое утверждение об **особенных** свойствах чугуна, вырабатываемого на местных заводах. Роль мастерства, «умелых рабочих рук» настолько сильно акцентируется рассказчиком, что возникает предположение о каких-то «полемиических основа-

¹ Д. М а м и н, Собр. соч., т. III, 1948, стр. 259.

ниях» его высказывания. Повествователь как бы возражает тем, кто считает, что слава каслинского художественного литья определяется не только искусством мастеров, но и качеством материалов, употребляемых при отливке и формовке.

Как бы отвечая на вопрос о причинах мировой известности каслинского чугунного литья, создавшего славу уральским мастерам, рассказчик сказа «Чугунная бабушка» говорит об искусстве формовки и чеканки: «Тоже ведь фигурка, сколь хорошо ее ни слепит художник, сама в чугун не заскочит. Умелыми да ловкими руками ее переводить доводится. Формовщик хоть и по готовому ведет, а его рука много значит. Чуть оплошал — уродец родится. Дальше чеканка пойдет. Тоже не всякому глазу да руке впору. При отливке, известно, всегда какой ни на есть изъян случится. Ну, наплывчик выбежит, шадринки высыплют, вмятины тоже бывают, а чаще всего путцы под рукой путаются. Это пленочки так по-нашему зовутся. Чеканщику и приходится все эти изъяны подправлять: наплывчики загладить, шадринки сбить, путцы срубить». В этом примере интересен не только случай «перевода» специального термина «путцы» общелитературным словом и ссылка на профессиональный характер поясняемого термина, но прежде всего, — поэтический пафос знатока производства, настоящего художника, влюбленного в свое мастерство. «Наше литье, поди-ко, по всему свету на отличку идет. Одним словом, каслинское», — говорит рассказчик. В семантике относительного прилагательного («каслинское») развиваются качественные значения, которые при данных условиях употребления слова становятся преобладающими в его семантической структуре.

Говоря об источниках жизненного материала сказа, можно утверждать, что писатель пользовался фактами своего непосредственного жизненного опыта. Бажов рассказывал о своей «связи с каслинскими литейщиками»: Живал не раз в Каслях. Был дружен с одним заводским художником-моделистом. Это был конец прошлого столетия, когда в Каслях боролись две группы художников: бытовики и художники изящных вещей в александровско-аракчеевском стиле. Заводская молодежь требовала изображения современности»¹.

¹ Кл. Рождественская. Воспоминания о Бажове.

Сказ «Чугунная бабушка» возник в период Великой Отечественной войны. Условия исторической действительности указывали советскому писателю его место в общенародной героической борьбе.

Бажов стремится осмыслить прошлое с позиций политического деятеля, ясно представляющего себе смысл совершающихся событий и выдвигаемые этими событиями идейно-воспитательные задачи. В сказе «Чугунная бабушка», как и в других произведениях, созданных им в дни Великой Отечественной войны советского народа с фашистскими захватчиками, писатель обращался к истории, зная, что правдивое освещение прошлой жизни может служить идейному вооружению советского народа. В сюжетной структуре сказов, написанных в этот период, Бажов выдвигает мотивы, показывающие губительные последствия проникновения на Урал иностранного капитала, авантюризм пришлых немцев, попытки иностранцев подавить творческую инициативу русских рабочих людей.

Образы персонажей сказа «Чугунная бабушка» создавались писателем с таким расчетом, чтобы типические черты приводили к социально-историческим обобщениям.

Василий Торокин обрисован Бажовым в теплых и задушевных тонах. Такой характер изобразительной трактовки усиливает впечатление трагичности судьбы народного таланта, побежденного при столкновении с грубой социальной силой, царившей в обществе того времени. Читатели взволнованно следят за развитием сюжетного конфликта, потому что автор сказа сумел вызвать у них интимное отношение к герою своего повествования. Большим чувством любви был движим писатель, который с необычайной силой выразительности смог показать пробуждение у Торокина художественного дарования и его вдохновенный труд над осуществлением творческого замысла. Как много трогательного дано в эпизодах ночных работ «дяди Васи», в советах с женой, его другом и помощником. Лирическая трактовка именно этих эпизодов усиливает трагизм развязки.

Но эмоции читателей не замыкаются отношением к личной биографии Торокина, а переходят на оценки общественного строя капитализма, подавляющего народное дарование. В такой смене переживаний читателей огромная роль принадлежит подбору словесных выразительных средств, оформляющих повествовательные мотивы. Например,

особенно большую экспрессивность в контекстных условиях всего художественного целого приобретает глагол «вышвырнуть», примененный к народному художнику, творческая работа которого оказалась неуютной начальству.

Воплощением темных гнетущих социальных сил выступает в сказе «Чугунная бабушка» немецкая заводчица Каролина. Рассказчик представляет ее виновницей подавления большого таланта мастера Торокина и тех заводских рабочих, кто, следуя его примеру, занялся творческим трудом. «Историзм» в обрисовке образа заводчицы Каролины, а также в содержании повествовательных мотивов, связанных с этим образом, выражается в исторической правдивости подбора из прошлой жизни частных фактов для обрисовки «общего», типического и характерного. Как уже указывалось, немецкому засилью на Урале давали отпор прежде всего представители рабочих масс, непытавшие на себе тяжесть гнета немецких начальников. И рассказчик сказа выражает этот народный протест.

Историческая достоверность образа заводчицы подчеркивается ее связью с другим каслинским заводовладельцем, бароном Меллером-Закомельским, личность которого возбуждает у сказителя ассоциацию с «коршуном». По словам рассказчика, «после пятого году (он) на все государство прославился палачом да вешателем». Из истории известно, что Меллер-Закомельский был одним из свирепейших царских палачей, подавлявших первую русскую революцию.

Хозяйка завода умирает, «убирается к чертовой бабушке». Использование в данных контекстных условиях бранного фразеологизма (идти, убираться к чертовой бабушке) создает юмористическое осмысление мотива.

Мотив смерти Каролинки ведет к обобщающим социально-историческим выводам. Если раньше «чугунная бабушка» довела заводчицу до могилы, то «после революции в ту же дыру замели каролинкину родню — всех Меллеров-Закомельских, которые убежать не успели», говорит рассказчик.

Мы не можем продолжать своего анализа, не ответив на вопрос: почему Бажов вместо общепринятого для скульптуры Торокина названия «Старуха с прялкой» назвал ее «чугунной бабушкой» и почему из всех вылепленных Торокиным скульптурных фигур писатель избрал

именно это произведение каслинского мастера. Правда, скульптура «Старуха с прялкой» считается первым самостоятельным творческим опытом Торокина. Но ведь за этим опытом следовали другие, не менее художественно ценные и социально выразительные.

Ниже мы попытаемся показать, что предпочтение Бажовым скульптурного образа «Старухи с прялкой» и переименование этого произведения в «Чугунную бабушку» могло быть вызвано особыми причинами. От читательского восприятия оказывается скрытым включение некоторых образных элементов, восходящих к фольклорной фантастике, которая вдохновила писателя на создание образа «чугунной бабушки», мстящей немецкой барыне-заводчице за обиды и притеснения талантливого каслинского скульптора-самоучки.

Исследование фольклорных и исторических основ сказов Бажова иногда приводит к восстановлению той «внутренней формы», которая не дается в литературном тексте произведения и поэтому не является действенным элементом его смысловой структуры. Скрытая от непосредственного читательского восприятия «внутренняя форма», однако, могла осознаваться самим писателем и создавать существенные расхождения между реальным значением образов и мотивов в данном литературном тексте и их генетическим значением. Так, в сказе «Чугунная бабушка» все образы и эпизоды, повидимому, реалистичны. Реалистически мотивировано и название сказа: «Чугунная бабушка» — это отлитая из каслинского чугуна фигура старухи за пряжей. Образ данного произведения творчества народного художника занимает в сказе одно из центральных мест, что подчеркивается заглавием сказа и определяется ведущей идеей произведения — идеей бессмертия творческого труда человека.

Чугунная бабушка появляется в расстроенном воображении заводчицы: «Стала чугунная бабушка мерещиться Каролинке. Как останется в комнате одна, так в дверях и появится эта фигурка и сразу начинает расти. Жаром от нее несет, как от неостывшего литья...» Галлюцинаторные видения приводят к гибели заводчицу.

Уже в этой реалистической разработке мотива заложены возможности его осмысления как мотива возмездия.

Страшный образ «чугунной бабушки» и трактовка интересующего нас мотива получают новый конкретный

смысл, если мы, выйдя за пределы материала данного произведения, попытаемся проследить их истоки и восстановить их «исходное», «первичное» значение. Разыскания приводят нас к мотивам и образам горняцкой фантастики фольклора пермяков. По представлениям пермяков, описанию дореволюционного быта которых был посвящен ряд работ старых авторов, «в рудниках и штольнях живет «чугунная бабушка». Увидеть ее — добра не жди»¹.

Принимая возможность связи между этим сказом Бажова и фантастическим преданием о «чугунной бабушке», мы раскрываем «внутреннюю форму» заглавия сказа и обнаруживаем скрытое от непосредственного восприятия фантастическое ядро этого реалистического повествования. Мотив преследования «чугунной бабушкой» заводчицы, при таком раскрытии внутренней формы образа, превращается в обычный для Бажовских сказов с фантастическим содержанием мотив мести «тайной силы» угнетателям за их притеснения рабочих людей.

Реалистическая мотивировка превращения скульптурного образа в страшное, мстительное существо и скрытые от массового читателя генеалогические источники «волшебного» образа «чугунной бабушки», как уже говорилось, не позволяют при непосредственном восприятии образной системы сказа усматривать в ней какие-либо элементы фантастики. Но по своей функции этот образ выступает в ряду других образов «тайной силы», благожелательно относящейся к рабочим и мстящей их угнетателям. «Чугунная бабушка» страшна для заводчицы, и вместе с тем она близка трудовому народу, любовно хранящему память о своем талантливом художнике и видящем в скульптурном произведении Торокина живую душу его творца.

Эта идея вечно живого и раскрывается в приеме «одухотворения» скульптурного образа, в переводе его пластической выразительности на язык слов. «Сидит себе

¹ В. М. Янович. Пермяки. Живая старина, вып. I—II, Спб. 1903, стр. 56. О «чугунной бабушке» см. также В. Я. Струминский: «Современные пермяки в отношении религиозном и нравственном». «Пермские епархиальные ведомости» за 1904 г., №№ 39, 40; здесь указано, что материал взят главным образом из книги Смирнова «Пермяки» и из цитированной выше работы В. М. Яновича (ПЕВ № 39, стр. 448).

чугунная бабушка, сухонькими пальцами нитку подкручивает, а сама маленько на улыбке, вот-вот ласковое слово скажет: «Погляди-ко, погляди, дружок, на бабку Анисью. Давно жила. Косточки мои, поди, в пыль рассыпались, а нитка моя, может, посеёчас внукам-правнукам служит. Глядишь, кто и помянет добрым словом. Честно, дескать, жизнь прожила и по старости сложа руки не сидела. Али взять хоть Васю Торокина. С пеленок его знала, потому в родстве мы, да и по-соседству. Мальчонком стал в литейную бегать. Добрый мастер вышел. С дорогим глазом, с золотой рукой. Изобидели его немцы, хотели его мастерство испоганить, а что вышло? Как живая, поди-ко, сижу, с тобой разговариваю, памятку о мастере даю—о Василье Федорыче Торокине». Эта речь окрашена эмоцией ласковости, которая выражается в интимно-фамильярном обращении «дружок» и в оценочной ремарке рассказчика, называющего высказывание чугунной бабушки «ласковым словом». Здесь наблюдаются характерные черты «старческого говорения» (ср. ее *воспоминания* о Васе Торокине, которого она «знала с пеленок», и в прямых указаниях на преклонный возраст). Местно-диалектные признаки отсутствуют, а установка на просторечие дана, например, в виде черты, достаточной, чтобы создать нужный колорит. Это — произношение «по-соседству», широко распространенное в народном речевом обиходе. Академик А. И. Соболевский определил «сосед», как «вульгарную» (т. е. просторечную. Р. Г.) форму, бытующую не только в речевой практике сельского населения, но и в языке городского «простолюда»¹.

В отличие от речей действующих лиц сказов Бажова, это не реально произносимая, а лишь воображаемая речь. Она близка по своему общему смыслу и тону к воссоздаваемой речи изобретательницы Марфуши в концовке сказа «Шелковая горка».

Прием одухотворения скульптурного образа, создание речи, обращенной к будущим поколениям, прежде всего, к советским людям, нужны были писателю для того, чтобы связать прошлое с нашей современностью, с актуальными идеями советской действительности, имеющими большое воспитательное значение. Судьба Василия Торокина была

¹ А. И. С о б о л е в с к и й. Опыт русской диалектологии, вып. I, 1897, стр. 14.

трагична. Но это — оптимистическая трагедия, потому что физическая смерть не лишила его бессмертия. «Человек умрет, а дело его останется», — говорит рассказчик.

Это крылатое речение, давно вошедшее во фразеологию русского языка, стало излюбленным у советских людей, создавших в своей стране царство труда. Как показывают наблюдения, в современной речевой практике это речение нередко ассоциируется с сюжетно-образной системой Бажовского сказа.

Писатель делает смысловой акцент на заключительных словах рассказчика, обращенных к слушателям: «Вот ты и смекай, как жить-то». В смысловой перспективе произведения эти слова звучат, как призыв к неустанному творческому труду на благо народа, к труду, создающему человеку бессмертие.

5

Среди сатирико-юмористических произведений, в которых различные средства народной сатиры подчиняются ведущей идейно-воспитательной задаче, нужно назвать сказ «Хрустальный лак».

Конечно, в истории той же уральской промышленности писатель мог бы найти материал более значительный, чем производство невянского и тагильского прозрачного лака. Правда, тема была новой и раскрытие ее в форме уральского рабочего сказа обогащало советскую литературу новым произведением, повествующим о трудовых достижениях талантливых русских людей. Однако не новизна темы и жанрового ее оформления привлекала Бажова. Обращение писателя именно к теме о хрустальном лаке вызывалось найденной возможностью на этом жизненном материале выразить одну из весьма актуальных идей, выдвинутых советской действительностью и занимающих в настоящее время многих деятелей советской культуры.

Фактические сведения о производстве на Урале прозрачного лака содержатся как в ряде печатных работ, так и среди архивных материалов, хорошо известных историкам местного края. О хранимой тайне производства этого лака писал в «Путешествиях по разным местам Российского государства» акад. Паллас, посетивший Невьянский и Тагильский заводы еще в 70-х годах XVIII в. Позднее

о лаке и состоянии его кустарного производства сообщал Попов в своем, получившем широкую известность, «Хозяйственном описании Пермской губернии» (1804 г.). По показаниям А. Ярцева, автора рукописной «Российской горной истории или повествования о всех вообще Российских древних и новейших горных заводах», к 1812 году в Нижне-Тагильском заводе составление лака, превосходящего по своим высоким качествам лак английский и подобного китайскому, было известно «только одному или двум сродникам изобретателя». Изобретатель же, тагильский мастеровой по имени Худояров, оставил «секретное искусство» изготовления лака лишь «некоторым своего рода потомкам»¹. В 80-х годах количество жителей, осведомленных о технологии выработки лака, несколько увеличилось, но секретный характер производства сохранялся, как отмечал В. Д. Белов, обследовавший в эти годы кустарную промышленность в связи с уральским горнозаводским делом².

Названными работами не исчерпывается книжный и архивный материал по вопросу. Но и сведения в этих источниках вполне позволяли создать довольно прочную документальную основу для строго в историческом отношении выдержанного сказа о хрустальном лаке и талантливом его изобретателе Худоярове. Однако Бажов не пошел по этому пути. Писатель даже не упомянул имени изобретателя Худоярова, так же как он в сказе об уральском асбесте («Шелковая горка») не называл имени Софрона Согры, подлинного открывателя асбестовых залежей. Повидимому, Баждова сама по себе не привлекала возможность всесторонней опоры на исторически достоверные факты, т. е. то, к чему стремится историк или такой писатель, который ограничивает свои задачи художественным иллюстрированием отдельных эпизодов истории русской народной техники и изобретательства.

Какова же была роль фактического книжного материала в осуществлении художественного замысла?

¹ Рукопись А. Ярцева хранится в архиве библиотеки Горного института. Цитирую по статье Л. Пискуновой. «Русские росписные лаковые железные изделия». Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. 1932, № 2.

² В. Д. Белов. Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом. Спб. 1887, стр. 13.

Мы полагаем, что творческий замысел сказа «Хрустальный лак» зародился у Бажова при чтении «Путешествий по разным местам Российского государства» акад. Палласа. В своем описании Невьянского и Тагильского заводов Паллас сообщал о производстве прозрачного лака и нанесении его «на медные и жестяные чайники, на деревянные чашки, стаканы, подносные доски и прочее» и о том, что в этом «художестве» с «не малою пользою здешние упражняются жители». Для украшения различных бытовых предметов на них помещались красочные картинки, рисунки, которые сверху покрывались лаком и «помазывались золотом, обыкновенно для сего употребляемым»¹. Паллас утверждал, что изготовляемый уральскими мастерами лак «немногим уступает китайскому и превосходит французский»². Путешественник приводил некоторые самые общие данные о составлении этого лака, но не указывал ни пропорций веществ, входящих в смесь, ни технологии процесса выварки. Давая понять о некоторых трудностях при получении хранящихся в секрете сведений, ученый заявлял, что тайну производства хрустального лака ему все же удалось «заверно изведать». Но это было заблуждение. Среди составов смеси Паллас указал сажу, не обратив внимание на то, что с помощью этого вещества явно нельзя добиться прозрачности, отличающей хрустальный лак³. Уральские мастера, оберегая секрет своего изобретения, сообщили доверчивому исследователю рецепт выварки черного или так называемого тележного лака⁴.

Так акад. Палласа в данном случае постигла судьба тех путешественников, которым, как подметил еще историк Сибири Миллер, «простой народ» имел обыкновение «навязывать небылицы»⁵.

Как мог возникнуть этот случай? Борьба каких социальных сил в нем обнаруживалась? Критическое отноше-

¹ П. С. Паллас. Путешествия по разным местам Российского государства, часть вторая, книга 1, 1770. СПб. 1786, стр. 240—241.

² Там же, стр. 241.

³ В своем сказе Бажов заставляет Двоефедю сомневаться в правильности сообщаемых ему сведений о составе хрустального лака. Когда в смесь стали подкладывать сажу, немец заметил: «Черный лак из этого выйдет!».

⁴ Впервые эту ошибку акад. Палласа подметил еще Попов в «Хозяйственном описании Пермской губернии».

⁵ Миллер. История Сибири, изд. 1937, стр. 517.

ние к сведениям, сообщенным акад. Палласом, и проникновение во внутреннюю сущность социальных отношений позволили Бажову увидеть в этом факте нечто большее, чем простую ошибку, допущенную ученым путешественником из-за недостоверности собранных сведений. Писатель, прежде всего, правдиво представил себе жизненную обстановку во всей ее исторической и бытовой конкретности. Член русской Академии наук, Паллас, выполняя определенное научное задание, описывал природу края, состояние заводов, рудников, кустарных промыслов и проч. Стремясь получить от пельяпских и тагильских мастеров сведения о хрустальном лаке, академик руководствовался только задачей сообщить своим материалам необходимую документальную точность. Уральским же кустарям, хранителям производственного секрета, могло показаться, что путешественник иноземного происхождения приехал «из заграницы» с корыстной целью, чтобы использовать выгоды чужого изобретения. Легко себе представить то недоверие, которое вызывал к себе акад. Паллас, проявлявший подозрительно повышенный интерес к раскрытию тайны изготовления хрустального лака. Вот причина того, что уральские мастера, не зная и не понимая истинных целей собирания материалов приезжим ученым-специалистом, ввели его в заблуждение.

Советский писатель усмотрел в эпизоде с акад. Палласом свидетельство о существовавшем еще в далеком прошлом сопротивлении русских рабочих людей попыткам иностранных «предпринимателей» прознать об их технических достижениях и присвоить себе то, что является русским национальным достоянием.

Бажов не связывал интересующий нас случай с именем акад. Палласа также, как в сказе «Тараканье мыло» он ничуть не ставил своей задачей дать образ знаменитого немецкого ученого А. Гумбольдта в связи с тем курьезным эпизодом, о котором имеются сведения в литературных источниках¹.

Рассказчик сказа «Хрустальный лак» — местный житель. Он передает сохранившиеся в народной памяти при-

¹ См. М а м и н-С и б и р я к. Город Екатеринбург. Исторический очерк. Собр. сочин., т. 12, 1951, стр. 261; (особенно Е. Вердеревский. От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги, М. 1857, стр. 34—35).

мечательные явления, предания из прошлой заводской жизни. Повествуя о знаменитом прозрачном лаке, «тайность» которого оберегались стариками, рассказчик огоривается, что изготовление хрустального лака для отделки некоторых предметов домашнего обихода, преимущественно подносов, не было особенно «важным делом» и не имело в народном хозяйстве крупного значения, хотя для местных кустарей оно было делом прибыльным. Не качество кустарных бытовых изделий привлекает внимание сказителя, а «сила мастерства», которая проявлялась в самом факте изобретения столь высококачественного лака, получившего широкую известность.

Повествователь рассказывает о «круговой поруке» среди небольшой группы уральских кустарей, оберегавших тайну производства из опасений утраты монополии и последующей конкуренции.

Слава о невьянском и тагильском лаке якобы дошла до заграницы, «и вот объявился в здешних местах вроде, сказать, проезжающий барин из немцев»¹. Подобно акад. Палласу, он осматривал заводы и рудники. Но местные жители полагали, что путешественник делал это для прикрытия своих истинных намерений и что настоящей целью его приезда было выведать способ выварки хрустального лака. «Стал этот проезжающий будто заводы да рудники осматривать. Глядит легонько, с пятого на десятое, а мастерские, в коих подносы делают, небось, ни одну не пропустил... А больше того допытывался, как такой лак варят».

При простом сопоставлении повествовательных мотивов сказа Бажова «Хрустальный лак» с соответствующей частью материалов в «Путешествиях» акад. Палласа обнаруживается некоторая общность, однако еще не позволяющая делать вполне определенный вывод о тесной связи интересующего нас сказа с этим старинным книжным

¹ Сведения об уральском лаке действительно могли доходить до заграницы прежде всего по сочинению того же акад. Палласа, «Путешествия» которого впервые были опубликованы в Петербурге на немецком языке («Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs...»), а потом переведены на русский язык Ф. Томанским. Позднее о «различных лакированных товарах, которые благодаря своему прекраснейшему лаку имели широкий спрос», сообщалось в достаточно известной за рубежом книге Н. Kletke, Alexander von Humboldt's Reisen im europäischen und asiatischen Russland, Brl. 1856, стр. 138.

источником. Так совпадают сведения о тайне способов выварки лака, о приемах лакировки железных изделий, украшаемых картинками. Наконец, в том и другом тексте говорится о превосходных качествах русского лака. Но продолжим сопоставления.

Как и акад. Паллас, «проезжающий барин из немцев», не вдаваясь в технологические подробности, записал со слов местных жителей, что смесь, изготавливаемая для варки лака, содержит в себе сажу и постное масло. «Немец все составы записал, а про время мало любопытствовал. Рассудил, видно, по себя: были бы составы ведомы, а время по минутам подогнать можно». По словам рассказчика сказа, уральские кустари «со всяким обхождением плели проезжающему барину «окоlesiцу». Они не могли отмалчиваться от его настойчивых попыток узнать секрет, потому что опасались «прижимки» урядника, всегда сопровождавшего немецкого путешественника. Вот почему они, «для отвода глаз», сообщили рецепт приготовления не хрустального, прозрачного, а черного, тележного лака.

Именно в этой детали и выявляется роль «Путешествий» акад. Палласа как ближайшего книжного источника, позволившего писателю создать свое произведение на основе реального факта.

Уже в этой части сказа Бажова использованы некоторые стилистические средства, восходящие к поэтике народного творчества и рассчитанные на комический эффект. Они представлены в производственных советах кустарей, излагавших рецепт выварки лака проезжающему барину: «Дескать, так и так, варим на постном масле шеллак да сандарак. На ведро берем одного столько-то, другого столько... А время так замечать надо. Как появится на масле пузырь, *читай от этого пузыря молитву исусову три раза да снимай с огня. Коли ловко угадаешь, выйдет лак слеза-слезой, коли запозднишься, либо заторопишься — станет сажка-сажей*¹. Комическое впечатление прежде всего вызывает рекомендация трижды читать «исусову молитву» после появления на масле «пузыря». Такое впечатление создается самым необычным и нежиз-

¹ Здесь наблюдаются признаки передачи речи не от первого лица, а в пересказе повествователя (ср., например, модальную частицу «дескать», указывающую на то, что говорящий воспроизводит чужие слова).

данным соседством лексикализованного сочетания «исусова молитва» с существительным «пузырь». Вместе с тем, терминологические обозначения веществ, якобы входящих в состав хрустального лака, наряду с названием молитвы, создают некоторую видимость «серьезного» содержания. Эти лексические средства используются с целью маскировки: они должны по возможности прикрыть вздорное содержание этой речи, которую сам же рассказчик называет «околесицей». Стилистические связи с народно-поэтическим творчеством проявляются, в частности, в так называемой «числовой символике», — в слове *трижды* повторить молитву, которая здесь, хотя и служит, может быть, больше для «измерения времени», но в смысловом наполнении контекста она несколько напоминает какие-то заклинательные действия с трехкратным повторением магической словесной формулы. Определение условий выварки лака облечено в форму, близкую к традиционному былинно-сказочному мотиву предлагаемых герою условий действия, влекущих за собой различные результаты. В зависимости от соблюдения или нарушения этих условий, последствия будут противоположны, что и подчеркивается противопоставлением антонимных в данном контексте разговорных конструкций, состоящих из повторения слова в творительном падеже со значением усиления качества: «коли ловко угадаешь, выйдет лак *слеза-слезой*», если угадать не удастся, то лак получится «*сажа-сажей*».

Эпизод со знатным путешественником, перед которым в знак особого уважения «урядник да стражники чуть не солому стелили под ноги», открывает собою серию поствостательных мотивов с другим немцем, который пытался обманом и подкупом овладеть производственной тайной в своих корыстных целях. Бесчестный любитель легкой наживы был посрамлен русскими мастерами. Он был наказан самым чувствительным для него способом — потерей значительной суммы денег.

В образной характеристике этого немца наблюдается тенденция показать врага как «существо низшего типа, дегенерата, вырожденца физически и морально»¹. Это —

¹ Ср. у М. Горького в статье «О безответственных людях и о детской книге наших дней». Сб. О литературе. Статьи 1928—33 гг. М., 1933, стр. 91.

пронырливый делец, умело маскирующийся. У него и «прозвание... самое простое — Федор Федорыч», и по-русски он говорит чисто, он и «подход» к людям умеет найти. Но уральские мастера заметили в его внешности некоторые черты, заставившие их насторожиться: «глаза у этого немецкого Двоефеди белесые, вовсе бестыжие, и руки короткопалые. Самая, значит, та примета, которая вора кажет. Да еще приметливые люди углядели: на правой руке рваника. Накосо через всю ладонь прошла. Похоже, либо за нож хватался, либо рубанули по этому месту, да скользом пришлось. Одним словом, из таких бывальцев, с коими один на один спать остерегайся».

Портретная зарисовка создается отбором нескольких типических признаков, внешних знаков-примет, ведущих к раскрытию внутреннего мира личности. Вообще же описательные характеристики действующих лиц Бажов дает не средствами детализирующей обрисовки, принятыми в миниатюрной живописи, а крупными мазками, в намеренно простых, но достаточно характерных очертаниях. Писатель соблюдает принцип подбора типического, «сознательное преувеличение и заострение», которое «не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее»¹. Образ проходимца выступает в сказе «Хрустальный лак» представителем враждебной русскому народу социальной силы. Ее общая и весьма экспрессивная, заостренная и партийная оценка дается путем частной характеристики типических признаков персонажа. Здесь наглядно может быть иллюстрирован основной тезис о марксистско-ленинском понимании типического, которое «есть основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве»².

В жанре сказа-новеллы, резюмируется, исключена возможность с наибольшей полнотой изобразить характеры людей и обрисовать действительность в ее сложности и реальном многообразии. Ведь нельзя отрицать, что в работе писателя над сказом-новеллой объем отбираемого жизненного материала и различные средства словесной живописи ограничиваются **малыми размерами произведений** этой жанровой разновидности. От автора требуется

¹ Г. М. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). Молотовгиз, 1952, стр. 69.

² Там же.

особенно строгая экономия в отборе изобразительных деталей. Все составные элементы такой литературной композиции, связанные с идейно-тематическим ядром произведения, приобретают весьма насыщенные смыслы. Каждая, по видимости, частная деталь должна здесь быть «динамичной». Пользуясь терминологией театрального искусства, можно утверждать, что в структуре произведений этого жанра обычно не допускается «нейтральный реквизит», т. е. все, прямо не вовлекаемое в само действие или безразличное к ведущей идее.

Попутно заметим, что эти черты организации речевого материала существенно отличаются от характерных для многих сказов Бажова примет стиля «стариковского говорения», с реалистическим воспроизведением подробностей, тормозящих развитие действия, и свободным течением ассоциаций, приводящих к отступлениям от прямой сюжетной линии.

Только что рассмотренная общая характеристика персонажа, состоящая из скупой подобранной внешней черт, свидетельствующих об определенном внутреннем содержании личности, предшествует серии эпизодов, в которых человек проявляет себя в действии. Аморальные действия Двоефеди представляются связанными с воровскими приметами его внешнего облика. Но художественная функция портретной обрисовки персонажа не исчерпывается психологизмом. В одном из заключительных эпизодов сюжета сказа отличительный признак наружности персонажа, ведущий к раскрытию его низменной натуры, становится средством образного выражения оценки этой личности окружающей общественной средой. Мы имеем в виду эпизод с подарком Двоефеду лакированного подноса, на котором уральский мастер искусно изобразил короткопалую, со шрамом, руку «ладонью вверх» и слежающим «на этой ладошке семишником»¹. «А сверху, — говорит рассказчик, — четкими буквами подписано: «испить кваску после баньки».

¹ Монета в две копейки. Сравни., семишник как аллегорическое воплощение мелкого подкупа, продажности: «По времени приладились и к новому писцу. Тот ни строки без трешника, ни слова без семишника» (Некрасов): см. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. И в письме самого Бажова это слово, исчезнувшее из словарного состава современного русского языка, употребляется в функции иронической. Говоря о писателях, заинтересован-

Такое в высшей степени концентрированное предметное наглядно-образное выражение оценки личности персонажа приближается к аллегории. Конкретный вещественный образ выражает отвлеченное содержание (категории социальные и морально-этические) и приобретает обобщенный смысл. Интересно, что здесь как бы материализуется, получает вещественное конкретное выражение общая отвлеченная идея, высказанная Сергачем: «Человеческая рука ко всему касательна. По руке о делах дознаться можно». Внутренняя сущность торгаша, убежденного во всемогуществе денег и в царившей продажности, символизируется семишником в его руке. Тот же семишник намекает на крупную сумму, которую, сам того не подозревая, напрасно истратил Двоефедя на подкуп уральских кустарей. Надпись заставляет припомнить перенесенные мучения в бане и придает эпизоду комическое звучание, а уменьшительные суффиксы в существительном «кваску», «баньки» усиливают выразительность едкой насмешки. Эта выразительная сила легко прослеживается при сопоставлении: «испить кваску после баньки» с нейтральной формой «испить квасу после бани»,

Исход столкновения носителей двух противоположных социальных и морально-бытовых принципов заключен именно в эпизоде с подарком. Враг посрамлен, хотя сам он об этом еще не догадывается. Конфликт окончен, хотя еще не все ситуации разъяснены. Мы увидим, что раскрытие неясного вопроса о том, как сумел Сергач незаметно пронести в баню хрустальный лак, будет дано в забавной новеллистической концовке. Но предварительно нам нужно остановиться еще на одном факте, весьма убедительно показывающем то многообразие художественных функций, которое выполняет изобразительная деталь в жанре новеллы, если иметь в виду наиболее характерные черты новеллы как «малой эпической формы».

Представителем рабочих людей в их столкновении с чужеземным пришельцем выступает Артюха Сергач. Обращает на себя внимание отсутствие детализирующей обрисовки внешнего облика этого персонажа. Говорится

ных не столько в достижении высокого художественного качества своей работы, сколько в «подсчете рублей», Бажов делал заключение: «В результате тонна энергии обменивается на грудку семишников». Е. Пермяк. Письма ко всем. Сборник «Павел Петрович Бажов в воспоминаниях». Свердлов. 1953, стр. 17.

только, что Сергач в то время «уже в пожилых ходил» и был «вовсе густобородый мужик». Густая борода оказывается косвенным показателем пожилого возраста, и в то же время — изобразительной деталью, весьма активно вовлеченной в структуру сюжета: успешная лакировка подносов в бане становится возможной только потому, что именно густая борода позволила Сергачу незаметно пронести с собою в баню прозрачный лак. Об этом говорится в концовке, эффектно замыкающей повествование: «Пузырек с хрустальным лаком Артюха, конечно, в бороде тогда прятал»¹.

Следовательно, единственная деталь внешности персонажа выполняет две художественные функции. Во-первых, она выступает изобразительным средством, с помощью которого создается некоторое представление о наружности человека; во-вторых, она создает один из весьма важных «узловых пунктов» на пути развития сюжета.

Если внешний облик Сергача очерчен только весьма приблизительно, то описательная обрисовка его нрава дана со значительно большей обстоятельностью. Условившись здесь понимать «лиризм» в широком смысле, как всякую эмоциональную оценку действительности, мы замечаем, что подбор признаков, характеризующих Сергача, определяется прежде всего эмоционально-оценочной задачей. Нужно было подобрать черты выражения личности, которые могли бы вызвать симпатию советских читателей к этому персонажу сказа.

Создавая положительные образы русских рабочих людей, живших в далеком дореволюционном прошлом, Бажов, по обыкновению, обращался к типическим выражениям русского национального характера. Вообще же, как видно из многочисленных фактов, писатель отбирал из прошлого только тот материал, который позволял связать историю с советской действительностью, с современными воззрениями и социальными оценками. Этим же принципом руководствовался Бажов, создавая образ Сергача. Советский читатель, знающий о конкретных

¹ Подобный же тип концовок, разрешающих загадку, действительную или мнимую, встречается и в таких жанрах повествовательной миниатюры, как анекдот и басня. Ср., в известной басне Крылова: «А ларчик просто открывался».

социальных и исторически ограниченных рамках старого общественно-бытового уклада, несомненно, в положительном плане воспримет отход Сергача от «староверов», нарушение им обрядового режима косной кержацкой среды... Искключительность Сергача в этой среде проявляется в его поведении: «Как мужик задорный, он еще придумал сережку себе, в ухо пристроить. Нате-ко, мол, поглядите!» Его вольномыслие обнаруживается даже в самой производственной деятельности: в свои поделки Сергач «вгонял» картинки, неугодные для начальства. Как и героев из народа в некоторых других сказах, Сергача отличает веселый задор, стремление к выдумке, изобретательность и чувство национального достоинства, присущее русскому народу, который в своей многовековой истории неизменно и стойко охранял народную национальную культуру.

Забавные эпизоды с вываркой черного тележного лака, выдаваемого за хрустальный лак, и с лакировкой подносов в жарко натопленной бане направляются идеей возмездия тем приезжающим для наживы в Россию иностранцам, которые, по словам Салтыкова-Щедрина, отличались «первосортной завистью и жадностью».

В сказе «Хрустальный лак» борьба с «немецким злом» протекает в виде своеобразного соревнования в хитрости, проныцательности, ловкости между немцем и русскими рабочими людьми. Это — «игра на смекалку». Уральские мастера одержали победу. Сергач действительно показал Двоефеде «коку с сокой»¹.

В русском сказочном фольклоре известны аналогичные юмористически-окрашенные темы и мотивы соревнования «русского» с «немецким». Их мы находим, например, в сказках о русском и немецком чае², о русском и немецком яде³. Русский чай оказывается крепче, а русский яд сильнее. Также и сюжетам народных анекдотов известен мотив соревнования в хитрости, ловкости, догад-

¹ Шутливая поговорка о чем-либо неожиданном, неприятном. Во фразеологии русского языка эта поговорка известна в другом морфологическом оформлении: «кока с соком» (Толковый словарь русского языка, изд. под ред. Д. М. Ушакова).

² Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М. 1915, см. 13, 34.

³ Чубинский. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки, М., 1865, № 15.

ливости между немцем и русским. Победа всегда остается на стороне последнего¹.

Жарко топленая Сергачем баня намеренно превращается в средство «пытки» Двоефеди, как одно из наказаний за его жадность.

Мотив пытки баней также имеет под собой почву в русских народных сказках, где баня представляется не только обычаем гостеприимства²; в раскаленной бане видят средство, чтобы погубить человека³, наказать виновного⁴, проучить за жадность, например, мужик бьет барина в невыносимо жаркой бане, «барин еле жив из бани вылез»⁵.

Сатирико-юмористическая трактовка немца в этом сказе определила собой подбор средств «словесной живописи», с помощью которых показывается, как человек проявляется в самом действии. Обращает на себя внимание разнообразие глаголов, которые обозначают действия, совершаемые этим персонажем. Легко заметить, что эти глаголы, выступая средствами речевой выразительности, приобретают в данных контекстных условиях эмоциональную окраску, или же они являются органически экспрессивными по своей семантической структуре. Так, например, Двоефедя «со всеми торгашами снюхался», он «подъезжает с разговорами», к *начальству вхожу*, с заводскими служащими *знакомство свел*; он сперва *хитрил, жался* — боялся «денеги просадить»; он «*поежился, похихикал*, что денег много закладывать надо», потом стал «*улещать... то да се насказывать*»; в гневе он «*зафыркал*, заругался, судом грозил да так ни с чем и отъехал».

Нетрудно заметить, что многие из перечисленных глаголов не только называют действия, совершенные субъектом, но и выражают их оценки, т. е. включают в свою семантику элементы определительные, оценочные, ср.: улещать — склонять к чему-либо *лестью*; с глаголом *снюхаться* соединяется оттенок презрительный⁶, ср. еще

¹ А. Фанасьев. Русские народные сказки, под ред. Грузинского, № 249 ее примеч., стр. 204—206.

² Там же, № 49, № 1982.

³ Там же, №№ 68, 77, 78, 125а.

⁴ Там же, №№ 104а, 113ав.

⁵ Там же, № 349. ww

⁶ С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1952 г.

оттенок неодобрит. в «подъезжает с разговорами» и др. Выразительная сила этой группы глаголов направлена на обрисовку последовательно совершаемых действий, связанных со стремлением раскрыть производственную тайну. Ряд других глаголов служит средством выражения того юмористического содержания, которое преимущественно сосредоточено в эпизоде лакировки подносов. Сперва немец «раскис» от жары, потом ему «вовсе туго стало» (безлично-предикативная форма), он «на пол лег и слова вымолвить не может, только кряхтит да керкает». Глагол «керкать» обычно применяется к крику некоторых птиц и животных, а применение его к лицу сообщает слову оттенок иронический¹. И дальше: он «к полу слежив прижался, головы поднять не может». Нарощение эффекта приводит к остро комическому завершению эпизода: от брызгов холодной воды Двоефедя «поросячком завизжал и выскочил из бани».

Не рассматривая здесь те диалектизмы, которые в системе всех сказов Бажова создают общий колорит речи уральцев, как рассказчиков, так и действующих лиц, мы остановимся только на одном индивидуально-характерном случае использования диалектизма в исследуемом произведении. Среди приведенных выше глагольных образований мы находим слово «хинькать». Оно не было включено Бажовым в перечень слов, нуждающихся в разъяснении средствами общелитературного языка. Но диалектный характер глагола «хинькать» несомненен. По говорам Пермского края это слово было указано еще «Опытом областного великорусского словаря Академии наук» и Далем в значении «хныкать, плакать тихомолком, про себя». В том же значении «хныкать» оно отмечено и Богоявленским, в частности, в говорах Осинского уезда, где оно, по сведениям этого источника, имело

¹ Словарь Академии Российской (1814 г.) указывал, что глагол «керкать» употребляется для означения крика зайцев, вальдшнепов... куриц...» То же значение дано в Словаре Даля и в Словаре русского языка АН, т. 4, в. 3, Спб. 1909 г. с пометой о звукоподражательном происхождении. Это слово не входит в активную часть словарного состава: оно не дано ни в словарях Ожегова, ни в Словаре Ушакова. Отмеченное же Словарем русского языка АН (1909) второе (областное) значение этого глагола: «что-нибудь тихо говорить, особенно — выражать недовольство» едва ли может быть применимо к условиям данного контекста.

вариант в виде «ханькать» и синоним «ханжить»¹. (Сравни еще в песне, записанной в Черд. у.: «Мал на поле едет, захинькался... Он с поля-то едет, заплакался»²).

Если Бажов не осознавал диалектного характера этого слова, то, разумеется, нельзя говорить о стилистическом задании, т. е. о намеренном использовании данного глагола в той стилистической окраске, какой обладают диалектизмы, включаемые писателями в язык литературных произведений. Но бесспорно, что «хинькать» воспринимается как диалектизм и что в данных контекстных условиях он служит общей цели выражения комического содержания.

Возвращаясь к вопросу об отношении предметного содержания сказа «Хрустальный лак» к фактам действительности, послужившим жизненным материалом для этого произведения, уточним элементы наблюдающегося здесь «историзма». Прежде всего историзм выражается в разработке темы из истории кустарной промышленности на Урале. Но не только в этом. В сущности, весь сюжетный стержень сказа (борьба за раскрытие производственной тайны, с одной стороны, и за охрану ее, с другой) основывается на типическом материале из истории хозяйственного быта России того периода, о котором писал В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России». В этом исследовании мы читаем: «При зачаточных формах товарного производства конкуренция между «кустарями» еще очень слаба, но по мере того, как рынок расширяется и охватывает широкие районы, эта конкуренция становится все сильнее, нарушая патриархальное благополучие мелкого промышленника, создаваемое на его фактически монопольном положении. Мелкий товаропроизводитель чувствует, что его интересы, в противоположность интересам остального общества, требуют сохранения этого монопольного положения, и потому он

¹ П. Богоявленский. Особенности говора жителей Осинского уезда, Пермской губернии. Известия Оренбургского отдела РГО, вып. VIII, Оренбург, 1896; тот же автор отметил глагол «ханжить» с этим значением и в говоре Верхотурского у. (Песни Верхотурского уезда, Пермской губ., Известия Оренбургского отд. РГО вып. XIII, Оренбург, 1899; и в Кунгуре (см. статью Г. А. в Сборнике Кунгурского общества краеведения, вып. I, 1925 г.

² В. Попов. Народные песни, собранные в Чердынском уезде, Пермской губернии. М., 1880 г.

боятся конкуренции»¹. И дальше: «К явлениям того же рода относится констатированное для целого ряда промыслов и имеющее положительно характер общего правила стремление мелких промышленников скрывать технические изобретения и улучшения, прятать от других выгодное занятие, чтобы не допустить «пагубной конкуренции». Основатели нового промысла или лица, введшие в старый промысел какие-либо усовершенствования, всеми силами скрывают выгодные занятия от односельчан, употребляют для этого разные хитрости (напр., для отвода глаз сохраняют старые устройства в заведении), не пускают никого в свои мастерские, работают на подволоке, не сообщают о производстве даже родным детям»².

На серии эпизодов, развернутых вокруг исторически достоверного факта выработки на Урале хрустального лака, и построен исследуемый сказ Бажова. Но производители лака «скрывают свое изобретение», «прячут свое выгодное занятие» не для того, чтобы не допустить «пагубной конкуренции», но чтобы охранить свою тайну от попыток чужеземцев овладеть ею.

Сказ «Хрустальный лак» выражает в форме уральского рабочего предания идею, навешивая новыми материалами советской исторической науки, документально установившей факты и попытки присвоения иностранцами открытий и чести изобретений того, что было уже открыто и изобретено в России.

Исследование этого произведения в связи с наблюдениями над материалами других сказов укрепляет мысль о том, что Бажов сохранял историческую точность прежде всего в обрисовках общественного быта. Созданные писателем картины уральского горнозаводского быта имеют несомненную ценность для историка быта и этнографа. Но Бажов не стремился ни к восстановлению биографией деятелей, которыми интересуется история техники и изобретательства, ни к документальности характеристики исторических персонажей, особенно если последние не являются образами, художественной обрисовке которых уделено особенно большое внимание (как в сказах «Ермаковы лебеди» и «Дорогой земли виток»).

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Собр. соч., т. 3, изд. 4, 1941, стр. 289—290.

² Там же, стр. 290.

Приемы обработки исторических материалов и использования фольклорных источников не оставались неизменными на протяжении всего периода сказового творчества Бажова. Но здесь у нас нет возможности заняться обсуждением этого вопроса. Проведенные же в данной статье наблюдения уже позволили сделать некоторые выводы, связанные с весьма актуальной проблемой отношений между советской литературой и фольклором.

В отечественной истории писателя интересует то, что преемственно связывает историю с современностью или то, что резко отличает прошлое от социалистического настоящего. Бажов интересовался прошлой жизнью народа не как историк, а как писатель. Его творческая фантазия не подавлялась «неумолимой исторической критикой», неограниченные права которой бесспорны не в литературно-художественном произведении, а в историческом трактате. Подобно другим писателям, разрабатывающим историческую тематику, а также тем носителям фольклора, которые поэтически осмысляют прошлые события, Бажов нередко представлял исторически возможное, правдоподобное, вероятное, как действительно бывшее. Автор, руководствуясь своими идейно-художественными задачами, оценивал прошлое с той высоты, на какую ему позволяло подняться марксистское материалистическое мировоззрение. Особенно следует подчеркнуть ориентацию Бажова на то осмысление истории, какое было или только могло быть в народном сознании, отраженном устным народно-поэтическим творчеством. Писатель считал для себя недопустимым отклонения от показа внутренней сущности, отличающей словесное искусство трудового народа. Литературно-художественное воспроизведение этой сущности и определило индивидуальные черты стиля Бажова. «Жизненной натурой» для него послужили прежде всего рабочие горняцкие сказы. Их литературное воссоздание писатель ставил своей творческой задачей. Но документальные источники, в которых запечатлены исторические факты, а также произведения устной народной словесности, особенно сказы уральских горнозаводских рабочих, выступают для Бажова только материалом, способствующим разрешению его собственных идейно-художественных замыслов.

Подобно М. Горькому, Бажов «относился к фольклору как к своему материалу, вносил в него свою творческую индивидуальность и, сохраняя его смысл и направленность, свободно преобразовывал его художественную ткань»¹. Задача ввести рабочие сказы в советскую художественную литературу требовала от писателя не только проникновения в самый дух устного творчества рабочей среды, но и заставляла его стремиться к отражению существенных признаков языковой формы, стиля, композиции рабочих сказов, подлежащих реалистическому воспроизведению.

Наши разыскания показывают, что роль книжных источников в процессе зарождения творческих замыслов Бажова и оформления сказовых сюжетов, мотивов и образов была значительно большей, чем принято думать. Но было бы ошибкой ограничиться признанием этого факта и не отметить индивидуальных черт работы Бажова над историческими, литературными источниками. Его записи фрагментов рабочего фольклора, как отмечал сам писатель, отражали коллективно слагаемый текст, поскольку речь одного говорящего дополнялась другими участниками беседы. Органическая жизненная связь Бажова с фабрично-заводской средой, практика сбора фольклорных материалов давали ему знания подлинно народного мировоззрения. В старых письменных источниках писатель отыскивал проникающие туда воспоминания рабочих и оценки народом социально-исторического опыта своей жизни. Освоение внутренней сущности народно-поэтического творчества позволяло советскому писателю подвергать «фольклоризации» интересовавший его жизненный материал литературных трудов, где история освещалась так, как ее понимали представители буржуазной науки. Историки литературы и исследователи народно-поэтического творчества отмечают сближение советской литературы и советского фольклора. В сказовом творчестве Бажова можно видеть одно из довольно отчетливых проявлений этого процесса.

¹ Ср. Б. Бялик. Горький и наука о фольклоре. Советский фольклор. Лгр. 1939, стр. 34.

Кл. Рождественская

ВОСПОМИНАНИЯ О БАЖОВЕ

„МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА“

Многие значительные моменты литературной деятельности Павла Петровича Бажова связаны со Свердловским областным государственным издательством, где впервые были изданы все его лучшие произведения и где он в течение нескольких лет находился в штате.

Осенью 1932 года, когда я поступила на работу в Уралгиз, Бажов сидел вместе с редакторами в одной большой полутемной комнате. Его стол с аккуратно разложенными рукописями стоял у дальней стены. Павел Петрович всегда что-нибудь читал или писал. Все книги и плакаты, какие выпускал Уралгиз, проходили через его руки. А производительность издательства в то время была немалая. В 1932 году издательство до первого ноября сумело выпустить около двадцати миллионов листов-оттисков.

Можно себе представить, какую огромную и ответственную работу вел Бажов. Сколько было в его силах он боролся за идейное и художественное качество выпускаемых книг.

В 1933 году Бажов стал редактировать сельскохозяйственную литературу. Это был самый горячий участок в издательстве. Особенно напряженным был выпуск посевной литературы. В тот год к 15 марта предложено было издать 64 брошюры. Приказ заведующего издательства от 22 января гласил:

«1. Бажову ежедневно докладывать мне о ходе выпуска посевной.

2. Всю наличную бумагу забронировать на выпуск сельскохозяйственной литературы.

3. Всю работу типографии подчинить задаче своевременного выпуска с/х литературы и плакатов.»

Вскоре Бажов перешел на редактирование социально-экономической литературы. Она больше соответствовала его склонности. По этому же разделу шла и медицинская литература.

Помню, как он, смеясь, повторял непонятный ему эпиграф одной книги:

— «Без васкуляризации нет оссификации». Хоть бы узнать, что это значит.

— Выкинь ты это, ради бога, — говорил ему один из редакторов.

— Не могу. Может быть, это основное изречение, — шутливо отзывался Павел Петрович.

В ту пору Бажов усиленно работал в партархиве над воспоминаниями участников Первого крестьянского коммунистического полка «Красных орлов». Он готовил к печати четвертую очерковую книгу «Бойцы первого призыва». В основу книги легли личные впечатления из времен гражданской войны.

Материал гражданской войны еще не был до конца исчерпан Бажовым, как творческий путь его получил иное направление. Для формирующегося в тот год сборника «Дореволюционный фольклор Урала» он дал первые свои сказы. Мы не видели тогда, что переход к сказам был подготовлен всей предшествующей работой Бажова. Сказы заметили, о них заговорили. Журнал «Красная новь» сразу опубликовал четыре вещи. Их напечатал также местный литературный альманах.

В октябре и ноябре 1937 года Бажов написал два новых, еще более сильных сказа: «Малахитовая шкатулка» и «Каменный цветок» и предложил их в альманах. В то время еще не было речи об издании его сказов отдельной книгой. Да и мало их было: всего восемь.

Альманах «Уральский современник», только что ставший органом Свердловского отделения Союза советских писателей, давал возможность уральскому читателю узнать Бажова, как сказочника, раньше появления его книги.

Но в нашей стране весть о новом прекрасном создании распространяется быстро. В мае 1938 года в «Литературной газете» появился «Каменный цветок», а в июне В. Перцов приветствовал автора замечательных сказов. Это подтолкнуло руководство издательства быстрее готовить «Малахитовую шкатулку» к отдельному изданию.

Первые три месяца 1938 года были для Павла Петровича месяцами большого творческого напряжения. Особенно март. Он написал за один этот месяц четыре сказа: «Две ящерки», «Тяжелая витушка», «Горный мастер», «Кошачьи уши».

Рукопись «Малахитовой шкатулки» пошла в набор.

В августе вышел первый номер «Уральского современника», и вскоре мы получили из Огиза внутреннюю рецензию. Надо ли говорить, что мы читали ее с волнением. Как Москва расценит первый номер? Удачно ли начало? И нас всех порадовало, что рецензент Огиза, писатель Илья Чернев, с большой похвалой отзывался о сказах Бажова.

«Последние две вещи прозаического отдела: «Малахитовая шкатулка» и «Каменный цветок», — писал он, — настоящие художественные произведения, яркие, красочные. Старый Урал с его самоцветами, редкостными мастерами, с его безудержной эксплуатацией бедноты заводчиками, — встает в этих фантастических сказах, как живой. В «Каменном цветке» к тому же поднята большая философская тема о подлинном искусстве, о вдохновении, о мастерстве. Эти сказы нужно издать отдельной книжкой. Они с одинаковым интересом прочтаются и детьми и взрослыми».

Вскоре мы получили другой отклик, от ленинградского писателя А. Г. Бармина,¹ очень внимательно следившего за развитием уральской литературы:

«Малахитовая шкатулка» — чудесная вещь. Это не фольклор, конечно. В фольклоре не бывает личной психологии. Но сказы Бажова пойдут в народ, преобразятся, кристаллизуются и будут жить настоящими народными сказками. Вот бы издать «Малахитовую шкатулку»

¹ А. Бармин был в то время известен как автор книг: «Сокровища Каменного пояса», «Рудознатцы». Позднее он написал большую историческую повесть «Старый соболев» и «Руда». Большинство его книг написано на уральском материале. Умер в 1953 году.

дешево, массово, с яркими картинками, чтобы за полтинник можно было купить в самой глухой деревне. Интересно сочетание доподлинного уральского быта с фантастической всемирных легенд. Бажову выпала редкая удача: найти дорогой самоцвет и суметь его огранить с любовью и знанием художника. Одни его сказы делают альманах событием» (30/X—38 г.).

Этот отзыв был нам интересен потому, главным образом, что Бармин «давно интересовался горнозаводскими мифами». Узнав о предстоящем выходе книги «Малахитовая шкатулка», он писал мне: «Когда-то пробовал собирать их (горнозаводские мифы) на Среднем Урале, и мне показалось, что они погибли недозрев. Всё обрывки или недоростки. А Бажов — человек добросовестный и к мистификациям, в стиле Мериме, не склонный. Эта книга (если в ней не больше 50 процентов авторского вмешательства самого собирателя) любопытна методологически. Тут узел важнейших вопросов истории литературы и фольклора. Есть ли у него миф о девке-Азовке?» (18/V — 38 г.)

В другом письме, спустя несколько дней, он писал:

«Девка-Азовка» — единственный сюжет из горных мифов, который я записал когда-то в полном и последовательном виде. Интересно будет сличить с интерпретацией Бажова». (26/V — 38 г.).

В январе 1939 года «Малахитовая шкатулка», наконец, была подписана к печати. Издательство поторапливало типографию и само усиленно хлопотало, готовя оригинальный дорогой переплет для нескольких выставочных экземпляров. На обложку должна была лечь настоящая малахитовая пластинка и серебряная ящерка с зелеными глазами-самоцветами. Самого Павла Петровича эта суэта вокруг его книги больше беспокоила, чем радовала..

— Вот хотят послать на Нью-йоркскую выставку,— говорил он. — Но ведь там нужно показать наши достижения после Октября. А у меня что? Потом они думают малахитовую пластинку вделать под форму шкатулки. Но ведь каждый знает, что стоит малахитовая пластинка. Плохо что-то сплю. Бессоница привязалась...» (15/XII — 38 г.)¹.

¹ Все высказывания П. П. Бажова, приводимые в данной статье, были записаны мной в те годы. — К. Р.

В январе, до поступления книги в продажу, в «Уральском рабочем» появилась рецензия К. Боголюбова. Наша издательская стенгазета не преминула отметить нарастающую популярность «Малахитовой шкатулки» шутиливой рифмованной загадкой:

Ее еще нет,
А знает весь свет.
Что это?

РАССКАЗ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Общесоюзное признание таланта Павла Петровича Бажова совпало с приближающимся его шестидесятилетием. В отделении ССП, в газетах и театрах шла подготовка к празднованию юбилея автора «Малахитовой шкатулки». Начав писать статью о Бажове для «Уральского рабочего», я попросила его рассказать мне в досужую минуту о своей жизни.

11 января 1939 года вечером, когда посетители схлынули, пришел Павел Петрович в издательство, сел поудобнее около стола и неторопливо стал вспоминать свою жизнь. Я тут же записывала. Это сообщение как материал вошло затем в опубликованную статью «Собиратель народных дум». Но в статье не удалось сохранить некоторых деталей и многое было скрыто под обобщенной формой изложения. И потому считаю нужным привести здесь биографию Павла Петровича в том самом виде, как он рассказывал тогда.

«Я родился в 1878 году в Сысерти, но правильнее всего меня назвать уроженцем Сысертского округа. До году жил в Сысерти, затем до пяти лет в Северском заводе. С шести до одиннадцати — опять в Сысерти, потом в Полевском заводе с одиннадцати до четырнадцати, а с четырнадцати до семнадцати — в Вершинке (Верх-Сысертский завод).

Сысерть, Северский, Полевской заводы, Вершинка — это всё заводы одного владельца — Турчанинова.

Почему не сидели на одном месте? Отец мой был невожатой на язык и склонен к запою. Его и «проветривали». Совсем не увольняли — ценили. Он хорошо разбирался в сортах стали, в сварке. По-теперешнему, он был инструментальный завхоз. Но где бы ни ездили, возвращались в Сысерть. Там был дом. Гиря! Большую часть

сознательной жизни провел в Сысерти. Там были товарищи. В Полевском заводе почему-то не установилось у меня крепких связей с ребятами.

Окончил духовное училище в Екатеринбурге, затем Пермскую семинарию. Нужно сказать, что в те годы духовные школы были самыми дешевыми — десятка в год за правоучение. А уже тогда наблюдалось такое течение — духовенство стремилось отдавать своих детей в светские школы. Оказывался недобор. Шли туда по необходимости сироты — дети дьячков, дьяконов. В большинстве случаев, по моим наблюдениям, это были люди физически слабые (пу, бедность, нужда, понятно) и с задатками наследственного алкоголизма. Нужен был приток здоровой крови. С этой целью и открыли вход для других сословий. Дети рабочих, зажиточной части крестьянства. У нас в классе в тридцать пять человек десять были не из духовных. И характерно, что никто из них не пошел в попы. Одного я как-то встретил — стал акцизником. Хоть куда, только бы не в попы. В общем, учился я в той школе, которая готовила пропагандистов того времени. У нас был особый курс «Нравственное богословие». Там был особый раздел «Безразличные действия». Попы любят выпить. Одну стопку можно, а две уж... (делает юмористический жест).

Помню, в семинарии у нас был свирепый учитель по русскому языку, его все боялись, но уважали. Он подчеркнет неправильное слово и на полях напишет: ошибка такая-то, писать надо так-то. Задал он раз сочинение: «Наш сад и огород». Ну, конечно, все написали — клены, вязы, фонтаны, беседки и прочее. Приходит он и говорит: «Я хорошо знаю сады попов, хорошо знаю сады мещанского сословия, но таких садов, как вы пишете, я нигде здесь не видал».

Окончил я семинарию. Куда идти? В высшую школу доступ для нас был накрепко закрыт. Можно было поступать только в три университета: Дерптский, Варшавский и Томский. В Дерптский я не хотел. Немещина, кислый дух, тринадцать классов. В Варшавский — руссификаторская политика и все такое — не хотел. Оставался Томский. Но там было только два факультета: естественный и медицинский. Не влекло. Но я все-таки подал. А тогда требовалась характеристика от семинарии. Те дали, но, видимо, не совсем благоприятную, — меня не допустили.

Что делать? Стал мотаться. Брался за всё, лишь бы иметь заработок. Одно время сшибал черепа лошадям и получал за это два целковых. Тогда свирепствовала эпизоотия бешенства. Надо было снять череп, вырезать кусочек мозга, проследить затем, чтобы лошадь зарыли, шкуру не содрали. В общем, работа полицейско-санитарная.

Поехал я учителем в земскую школу около Невьянска, но долго не удержался. Инспектор был дурак, потребовал, чтобы я преподавал и закон божий. Я ушел.

Поступил в Екатеринбургское духовное училище. Здесь и определилась моя специальность — преподаватель русского языка. Проработал я учителем восемнадцать лет.

Наступал вakat — отправлялся путешествовать. Ну, конечно, другие на Кавказ, в Крым и всё такое. Но меня это не влекло. Опереточно. Я люблю свой лес, сосняк. И больше всего я путешествовал по Уралу. Купил для этой цели велосипед. И совершал дальние поездки — до Богословских заводов.

Помню путешествие по Чусовой. Где пешком, где на лодках. Меня поразили присловья. Не поговорки, не пословицы, а присловья — закрепившиеся слова. Например:

Весело живем,
Кабак на горе,
Со всех сторон видно,
И спускаться легко.

Это только пример. Я и подумал: «поговорки, пословицы записаны, а вот этикие штучки не собраны, а они, может быть, интересны». Эти побаски и стал записывать. Причем, меня влекли те из них, где слышались отзвуки бурлачества, чусовской вольницы и т. д. Записал я шесть тетрадей. Это была моя первая краеведческая работа. Но в годы гражданской войны затерялась. Погибшая работа. И мне ее жаль. Сейчас не восстановить. Иногда ведь записывал то, что только что создано, свежее присловье. Где же упомянуть...

С 1918 года стал я газетчиком. Назначили меня сразу редактором в Камышловскую газету «Известия Камышловского Совета рабочих и крестьянских депутатов». Газета создала у меня симпатию к очерку и быту. Стал я сильнее присматриваться к языковой стороне, к речевым

особенностям. В первый раз написал фельетон — об изъятии золота.

В сентябре 18-го года вступил в партию. Гражданская война застала меня в Камышлове. Город уже готовился к эвакуации. Меня направили в Пермь, губернский город, эвакуировать на девять миллионов ценностей: бумаги, золото. Там была казенная палата. Сдал ценности, отправился обратно в Камышлов. Из Камышлова уже отступили. Вступил в действующую армию. Как пестроевик зачислен в особую советскую роту. Наши, камышловские, были в Егоршине. Стали издавать «Окопную правду» — газета 29-ой дивизии. Я фактически был редактором. Полоса военной работы: Алапаевск — Нижний Тагил — Кушва — Бисерть. Жили в вагоне. За это время выпустили 50 номеров.

Конец восемнадцатого года. Приехали на старый вокзал в Пермь. Стрельба со всех сторон. Мы окружены. Выскочили на обледевшую площадку. Меня кто-то прикладом. Свалился. Очнулся. Темно, не разбираю, где я. Нащупал бутылочную бомбу. «Слазы!» — крик. Повели нас за Ямскую улицу. Казарма, пары в три этажа. Ночь светлая. Сажу у окна. Сговорились несколько человек бежать. Удалось. Направились до Верхних Муллов. Перейти к своим не удалось. Подался в Сибирь к партизанам. В конце 19-го года с партизанскими частями вступил в Усть-Каменогорск. Избрали в горком, потом в уездный комитет партии. Стал редактором газеты. Заболел. В 1921 году отпросился на Урал. Вернулся в Екатеринбург.

В двадцать третьем году закрыли Камышловский уезд, организовалась в Екатеринбурге «Крестьянская газета» (теперь «Колхозный путь»). Я стал работать в отделе крестьянских писем. Редакция была маленькая: три человека. Писем приходило — ужас! Бывало в день до шестисот, тысяч десять на год. Стилистика замечательная! Любовь к народному слову здесь окончательно и определилась. Отдельные выражения запали на всю жизнь и, вероятно, проникли в сказы. Говорю, стилистика замечательная.

Просидел на письмах семь лет. Писал много о деревне. Давали нам длительные командировки на месяц с наблюдательской целью. Я имел возможность поездить по деревням, понаблюдать. Годов пять подряд ездил я в

одну и ту же сельскохозяйственную артель, в один и тот же месяц. Писал много очерков и книгу «Пять ступеней».

В 1923 году организовалось при «Уральском рабочем» издательство Уралкнига. Мне предложили: «Напиши что-либо из уральской жизни, пиши, что припомнишь». И я написал «Уральские были». Сразу приняли, начали печатать в журнале «Товарищ Терентий».

В 1925 году написал книгу о сысертской забастовке девятьсот пятого года — «К расчету».

В 1926 году еще книжечку «За советскую правду» о переживаниях учителя в тылу у Колчака. Меня привлекала этнографическая часть, специфический говор. Писал я короткой фразкой, чтобы понятнее. Писал для души.

Помню, наместил я себе тридцать два названия — такая киполента жизни — годы гражданской войны в условиях Сибири и Алтая. Но из 32 названий я выполнил только одно. А дальше, вы знаете, пошли у меня «полки»: «Полк Красных орлов», «Камышловский полк» — историко-революционная серия... Думал ли я раньше стать писателем? Нет. И, вероятно, никаких литературных трудов у меня не было бы, если бы не революция... Легенд больше чем где-либо я слышал в Полевском заводе. В те годы положение рабочих в Полевой было тяжелое. Люди искали заработок около дома. Россыпей было много. Приходилось мне в Полевой наблюдать работу Чурухинских мастерских. Изготавливали там предметы домашнего обихода: пепельницы, подсвечники, пожи для разрезания. Работали на мраморе главным образом. Был и змеевик, орлец. Видал я, как из ремесленника выходит художник. Видал — привезут мрамор, приемщик бракует: не гош, расцветка не та... «Каменный цветок» — довольно обычная история, я только поднял на определенную культурную высоту. Все камнерезы — художники в душе недовольны достигнутым. Вот на Мраморском, где я бывал, там мне посчастливилось натолкнуться на художника. Работали на откуп урны, вазы, плиты. Делали по стандарту. Вообще я близко наблюдал камнерезное дело. Знаю особенно мрамор... Была связь с каслинскими литейщиками. Живал не раз в Каслях. Был дружен с одним заводским художником-моделистом. Это был конец прошлого столетия, когда в Каслях боролись две группы художников: бытовики и художники изящных вещей в александровско-аракчеевском стиле. Заводская молодежь

требовала изображения современности. Она пыталась давать такие предметы: рабочий сапог, кладь, угол избы, углежог везет на сани. Они стремились к мельчайшей копии жизни. Если сапог, то он поношенный, с заплатками. «Вот наш каслинский бахил, в котором мы ходим». А та группа — розеточки. Потом появилась другая идея — давать в чугунах гоголевские типы...

Внимание к народному слову возникло давно. Помню, в последние годы семинарии был такой случай. Был у меня заводской товарищ Поткин. Наш швейцар-зырянин сообщает мне: «К тебе приходил Петухов». «Какой Петухов? Нет у меня знакомых с такой фамилией». Швейцар описал наружность: — «Так ведь это же Поткин». Швейцар возразил: «Не все равно — потка или петух». Меня это поразило. Оказалось, у Поткина есть уличное прозвище — Петухов. Посмотрел у Даля: потка — петух — вологодское слово. Достал словарь северных наречий. Присмотрелся к прозвищам: по существу это переводы. С той поры стал я интересоваться историей своего заводского края. Смородинцев, мой старший приятель, занимался краеведением. Через него я познакомился с книгами Колупанова, Чупина и с другой краеведческой литературой.

Интерес к истории проявлялся, вероятно, и раньше, через дедовские рассказы, хотя деда я смутно помню...

ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Павел Петрович едва ли раньше думал писать для детей. И сказы начинал он как сказы для взрослых. Но скоро читатель заметил, что Павел Петрович тонко и любовно рисует детей, и фантастический элемент, присутствующий в сказах, чрезвычайно близок детскому восприятию. И потому никто из нас не удивился тому, что очередной сказ, приписанный им для «Уральского современника», оказался как будто специально написанным для малышей. Это было «Серебряное копытце».

Общее ли наше восхищение или другое что побудило Павла Петровича щедро отозваться на предложение редакции детской литературы дать что-либо для формирующегося тогда детского альманаха «Золотые зерна». Он дал сказ «Золотой волос» и автобиографическую повесть «Зеленую кобылку». Тогда меня несколько смущало то,

что в одном номере будут два произведения одного и того же автора. Павел Петрович охотно согласился пустить повесть под псевдонимом и, посмеиваясь, сообщил тут же: «Егорша Колдунков».

В 1939 году вышли в свет «Золотые зерна». Кроме издательских работников, никто (даже местные литературные критики) не знал, кто скрывается под псевдонимом «Е. Колдунков». «Неизвестного» автора тотчас заметили. Его приход в детскую литературу сердечно приветствовал в газете свердловский критик К. В. Боголюбов. А. Бармин запросил из Ленинграда: «Кто этот Колдунков? Почему я его до сих пор не знаю? Не первая же его вещь «Зеленая кобылка». Хороший язык, понимание детскости, владение фабулой, экономия средств в создании характеров, наполненность пейзажей и бытовых описаний — всё доказывает, что автор не новичок. Вы устроили конкурс на читательский успех: «Напишите, что лучше всего?» Если бы мне было 12 лет, я написал бы: «Дорогая редакция, из альманаха мне больше всего понравилась «Зеленая кобылка» (11/VII—39 г.).

Бажов с улыбкой читал все отзывы. Они радовали его, но в то же время он как будто не вполне верил им. Ему казалось, что его перехваливают.

— Интересно, что о Колдункове говорят. Очень интересно, — говорил он, когда читал рецензию на «Золотые зерна». — «Освободить от местных речений». Нельзя. Это же характеризует то время. Вот интересно, как ребята отзовутся. Они — самое главное. У взрослых другая мерка... Как эпизод со сметаной — моя юмореска доходит — нет? (VI—39 г.)

После выхода «Малахитовой шкатулки» мы предполагали, что Павел Петрович вернется к давно начатой им исторической повести об атамане Золотом, которую он еще году в тридцать шестом давал читать Р. Фраерману, приехавшему в Свердловск. И мы были довольны, когда Бажов принес в издательство творческую заявку на эту повесть.

А. Бармин, хорошо знавший исторические материалы эпохи, избранной Бажовым, писал мне тогда:

«Веселая удача «Зеленой кобылки» — порука, что реалистическим письмом Павел Петрович будет владеть, как мастер. Первые исторические очерки его (об открытии Гумёшек, о старой Сысерти) были еще под гнетом

традиций, но с изумительными проблесками искусства, с верным чувством истории...

У Бажова может получиться работа принципиально нового качества — с тем ощущением подлинности, объемности деталей далекого прошлого, какое есть, например, в деталях биографических рассказов и «Вавича» Бориса Житкова.

И выбрана тема правильно. Пугачев у всех писателей сваливается с неба. Рапшия биография его всегда подменяется жизнью Петра III. Нет еще в литературе поставленных во весь рост фигур Батырши, Неплюева, молодого Хлопуши. Не показано начало гнева, который взорвался в 73 году» (25/VII — 40 г.)

В то время и позже я не раз досаждала Павлу Петровичу другим напоминанием: сделать вторую автобиографическую повесть — «Крашенный панок», которая, по его словам, целиком уже сложилась в голове.

Вначале он твердо обещал ее написать, а потом в ответ лишь с добродушным смехом отмахивался. Другие темы, социально более значительные, владели им. Признался как-то:

— «Крашенный панок» я ведь начинал. Есть начало. Дед Филат, мастерская. У меня, значит, нажим на труд, на дружбу. Сейчас, когда вспомнишь старый быт, он отстоялся, я не поэтизирую, всё не то, как сказка. Думаешь, было ли на самом деле? А было, все было.

Бажов отодвинул в резерв и повесть про «атамана Золотого» и «Крашенный панок». Так и не нашел для них времени. Писал сказы до конца жизни.

В конце 1938 года Павел Петрович, закончив «Серебряное копытце», стал работать над «Синюшкиным колодцем». Этот сказ вызывал в нем много сомнений, и он время от времени делился со мной своими размышлениями:

— Значит, я «Синюшкиным туманом» начинаю цикл сказов про первого добытчика. У меня уже копошится в голове много тем, но только тем, пока еще неясно, в синюшкином тумане. Цикл таких сказов даст мне возможность выйти из Полевой и действие перенести в другие местности.

Однажды он сказал:

— Вот сказку про бабу Синюшку я не знаю — кончить ли в мажоре или миноре. Как будто бы в миноре:

парень погибает от смертной тоски. Но вы меня сбили... Народ свои сказки кончает победой добра. Да, это правильно. Так оно... Потом у меня три перышка: красное на жаркий день. Оно опять меня уводит к мажору. Хотел я такую деталь обыграть. В ту пору в Мраморском девки славились красотой. Но не долговеки. Чахотка. Так и говорили: «На мраморской жениться — вдовцом быть». А парней манит. У них, чахоточных, красота, сами знаете. Вот если парню дать такую деталь? В эту сторону повернуть? Легенд этих о тумане до черта. По правде сказать, сказка про синий туман не так говорится. Старатели, как солдаты, женщин подолгу не видят. И в сказах, понятно, они обязательно приплетут женщину. На этом и бабка Синюшка была построена. Парень, девка и всё такое... Вот образ Медной горы Хозяйки тоже из этого же исходит. Я по другому направлению пошел.

Помолчав, сказал:

— Я пишу и думаю: а это мельче «Каменного цветка». Какая здесь идея? Никакой.

Заговорили о книге «Малахитовая шкатулка».

— Вашу книгу будут брать нарасхват.

— Верно, — подтверждал он и усмехался. — Книг-то ведь нет в продаже. Любую расхватывают.

Через два дня (13 декабря) у нас состоялся разговор уже о рукописи. Бажов был очень критичен к себе. Пересматривал разные элементы сказа.

— Бабка Лукерья не много ли говорит? Я уж ее сокращал. Все-таки длинно кажется. Илья — немного неудобное имя, если брать с предлогами. Хорошее имя Егор, но оно у меня есть в «Зеленой кобылке». Что если ему дать прозвище «Богата-богатина»? Из женских имен хорошее имя Домна. Девки в «бабке Синюшке» мне не нравятся. Мертвые столбы. А что не хватает — не могу понять.

Я сказала, что сказ «Синюшкин колодец» несколько отличается по стилю от прежних его сказов, которые вошли в печатающийся сборник. Он согласился:

— Я сам чувствую. Это другой стиль. Ни одного «слышь-ко» не употребил. Хмелининские сказы, те густо обросли бытом, поминутно отходы в сторону. Здесь этого нет. Обнажена фабула. Щептев (техред) говорит, что «Серебряное копытце» ему больше всех сказов нравится. Может, это и правильно. Не знаю. Я мог бы и усложнить.

Внести подробности, как он работал на прииске, еще лиц, но мне не хочется. Можно два колодца — два глаза, бездонные, понимаете? Это у меня мелькнуло после вчерашнего разговора об этике.

Павла Петровича смущало и начало сказа.

— А что если «бабку Синюшку» начать так? — и он сказал тот текст, который затем стал окончательным.

Весной 1939 года в редакции формировался новый сборник «Морозко» для детей младшего возраста. В него была взята сказка «Серебряное копытце». Но этот сказ был уже известен детям. Хотелось, чтобы Павел Петрович написал что-нибудь новое и обязательно зимнее. Я обратилась с этой просьбой к нему. И он обещал дать «Поскакуху» («Огневушка-поскакушка»). Через некоторое время обнаружилось, что в сборник нужна еще сказка, и я снова обратилась к Павлу Петровичу. Это было в конце мая.

— Вы говорите, что в «Морозко» еще надо сказочку. Не знаю. О «Поскакухе» я думаю. Еще наклеивается один. Но пока в дремотном состоянии. Съезжу в Полевую — обновлю. Что же такое о зиме? — задумчиво соображал он, покуривая. — Елку? Страшно захватано. Разве снежную пыль? Знаете, она с елки вот так. — Он взмахнул своей маленькой крепкой рукой. — Красиво! Может быть, ее...

Павел Петрович не написал третьей сказки. «Морозко» вышел с двумя его сказками. Их появление было радостно отмечено в печати. Знаток детской литературы И. Халтурин писал: «Морозко» — любитель устраивать сюрпризы. Таким его новогодним подарком явились для нас две сказки П. Бажова: «Огневушка-поскакушка» и «Серебряное копытце». Это удивительные сказки, не имеющие предшественниц в русской литературе. Люди, с которыми в этих сказках происходят чудесные вещи, трезвые, реальные люди. Мы ощущаем их так хорошо, что завтра можем с ними встретиться, поговорить, попить чайку и ни сколько не удивимся. И в то же время мы верим тому чудесному, что случается с ними».

Павел Петрович продолжал писать для детей. Ему хотелось дать школьникам специальный сборник «Горные сказки», включив в него из старого, что подойдет, и новое. «Ермаковы лебеди», над которыми начал работать

Павел Петрович с внуками (1950).

в июне, он задумывал как сказку для детей и время от времени сообщал, как идет дело.

— Я сейчас занят «Ермаковыми лебедями». Не знаю, как закружится. В Косом броде, здесь близко, на воротах топором вырублены лебеди. Потом в Сысерти, там густой лес и называется он Лебяжьим. В народе такое предание держится, что лебеди показывали Ермаку дорогу в Сибирь. Очень любопытно. И непонятно, почему я раньше не вспомнил. Знал ведь, а не вспоминалось. Еще можно бы в народе пособирать об Ермаковой дороге... Ведь к старику подойдешь, скажешь — вот об Ермаке бы. Он: «А верно, я вот слышал от бабки». И свежайшую деталь скажет. Еще можно бы насобирать. Сохранилось. Поеду в Полевую. Она пнтолкнет, припомнится еще...

Последние слова помогают понять своеобразие творческого процесса Бажова. Чтобы оживить в памяти то или другое народное предание, легенду, ему надо было выехать в родные места, порасспросить народ. Так, в Полевой он рассчитывал «обновить» воспоминание о «Поскакухе», там же ожидал получить живой толчок для сказа об Ермаковых лебедях.

— В этом месяце я отдыхаю, — сказал он. — Нога перестала болеть. Отдыхаю на солнышке. Никуда не хожу.

Это был, конечно, условный отдых. Павел Петрович писал и собирал материалы для детского сборника.

— Может быть, «Горные сказки» сделать только из новых? — высказал он как-то предположение и стал перечислять, что может войти в эту книгу: — «Серебряное копытце», значит, «Золотой волос», он подходит для ребят, «Ермаковы лебеди», затем «Поскакуха». Еще «Снеговушку»... Снеговички такие...

В работе над «Ермаковыми лебедями» Павла Петровича смущали многие моменты. Однажды он сообщил с некоторой нотой виноватости в голосе:

— «Ермаковы лебеди» выходят реальными, без фантастики. Ребятам, пожалуй, не подойдет. Может быть, во время работы что-нибудь придумается. У меня это бывает, — прибавил он как бы в утешение. (29/XII — 39 года).

В один из январских дней 1940 года Павел Петрович пришел очень утомленный. Долго молча сидел у стола, полузакрыв глаза. Потом сказал:

— «Ермаковы лебеди» что-то заело, туго идет... У меня сегодня встреча. Я на нее возлагаю большие надежды. Учительница из Ревды, она собирает фольклор, но не получается что-то. Вот она хочет со мной посоветоваться и что-то сообщить. А я давно интересуюсь Ревдой. Район — соседский с Полевой, только другого хозяина. Там тоже — девка, но и старцы-старообрядцы жили. Так вот сочетание девки со старцем. Очень любопытно...

Затем он стал говорить о постановке в ТЮЗе «Малахитовой шкатулки». Она его как-то особенно интересовала. Мне показалось, что ему, словно ребенку, было немного удивительно, что вот его герои живут и действуют на сцене.

Спустя дней десять он сообщил:

— Я, наконец, разрешил затруднение в «Ермаковых лебедях». Мне дали справку, что лебеди живут сто и больше лет, бывает, и триста. А то я думал ввести вторую пару, а мне это не хотелось. Надо было бы прибегать к разным фокусам.

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА

Хотя Бажов разрабатывал преимущественно материал прошлого, он очень внимательно и по-писательски зорко всматривался в окружающую его жизнь. И где бы он ни находился, куда бы ни выезжал из Свердловска (а он часто ездил), повсюду нащупывал интересные темы и конфликты. Думаю, что до конца жизни он делал накопления материала из советской действительности.

— Интересная тема! И, может, ничего и не выйдет, а отвязаться не могу, — говорил он в начале ноября 1940 года. — Глухонемые. Недавно пригласили меня в клуб глухонемых. Да, да, есть такой клуб. Здесь ведь знаете сколько глухонемых? Восемьсот человек! Среди них немного глухонемых от рождения. Больше, знаете, после скарлатины, менингита. Много, много. На Уралмаше есть оказывается цех фрезеровочный, где только глухонемые работают.

Ну, я пришел. Людей много. Молодые, старые. Хорошо одеты. У них переводчик Х. Старый. Двадцать лет работал в школе глухонемых. Такой пробойный. Он стал говорить о «Малахитовой шкатулке». Знаками, мимикой помогает. Вижу — «слушают». Реагируют правильно.

Улыбаются, где надо улыбаться. Ну, вот. Затем я выступил. Х. стоит за мной и переводит. Странное чувство. Аудитория большая, человек двести-триста. Хочется, чтобы все услышали. Я напрягаю голос, даже горло заболело. Слышу, Х. говорит: «В этой аудитории можно не напрягать голоса». Ну, как ушат холодной воды. Переводчиком видно трудно быть. Я взглянул на него как-то: он весь в поту. Потом ко мне подошел один старый уже и говорит: «Что же вы не бываєте у нас на Гранильной фабрике?» Говорит отчетливо. Я сказал, Х. перевел. Ну, поговорили. Он, оказывается, большой знаток естественных материалов. Мы с ним сговорились встретиться. Очень интересно. Мне хочется в «Мастера» сказ один написать о глухонемых. Это уже будет современный сказ, почти сказка. Конечно, не сразу. Надо вечеров пять-шесть провести с ними.

В конце 1940 года вся страна заговорила о всесоюзном рекорде красноуральского бурильщика Иллариона Янкина, ученика Семиволоса. 13 ноября Янкин на трех перфораторах выполнил норму на 850 процентов, а спустя день дал 1047 процентов. Это был замечательный пример многозабойного обуривания, открывающий новую страницу в стахановском движении цветной промышленности.

Газета «Правда» попросила Павла Петровича написать очерк о знаменитом бурильщике. Это значило — надо съездить в Красноуральск.

Для старого человека всякая поездка зимой тяжела. Павел Петрович, однако, принял предложение. Для него это был социальный заказ. Смущало лишь одно — как он справится с современной темой. Уже давно он не писал публицистических очерков и мыслями был погружен в работу над сказами о старших мастерах.

Вернувшись из поездки, Павел Петрович неожиданно заговорил о названии нового, мне неизвестного сказа:

— Как по-вашему такой заголовок «Зеркало Хозяйки горы»? Три слова. Не могу найти. Пока не уложится заголовок, не могу начать. «Горное зеркало» — не в том духе. Подумать надо.

— Значит, новый сказ?

— Новый. Ездил в Красноуральск. Там скольжение медного колчедана, трещиноватость. Получается зеркало.

Я вспомнил одно поверье о зеркале. Там, конечно, фантастика, гнев и т. д. Вот над этим и думаю.

Сейчас, когда перечитываешь «Таюткино зеркальце» (о нем шла речь), думаешь: как причудливо иногда идет процесс художественного творчества. Живой образ из современности вдруг всколыхнулся в памяти далекое, давно забытое поверье. Мы не имели бы, вероятно, чудесного «Таюткина зеркальца», если бы Бажов не съездил в Красноуральск.

Очерк для газеты он написал, но был им недоволен.

— А очерк у меня не вышел, — сказал он тогда же. — Истории две страницы — ничего, а Янкин — плохо. Не говорит. Не знаю — напечатают, нет. Послали в Москву.

Вообще поездка в Красноуральск имела для Баждова большой писательский интерес. Уже спустя два с лишним месяца после нее он с оживлением вспоминал некоторые характерные положения, замеченные среди шахтеров:

— Говорят о конфликтах. А они на каждом шагу. Вот в Красноуральске. Парторганизация думала послать к Семиволосу другого бурильщика А. Члеп партии. Давал 600 процентов. А беспартийная часть инженерства выдвинула Янкина. Он мало работал, ничем особым себя не проявил, недавно приехал. Послали. Не ошиблись. Тут много конфликтов...

Победит-пластинка. Валяется. Кто-то ее подобрал. Себе в ящик. Не для себя, нет — для шахты. Больше выработать. И не знаешь, кто стащил — простой забойщик или начальник участка.

Я поинтересовался, сколько за этот месяц получил Оксенов. Восемь! Это приличная сумма. Что двигает? Энгуизм или рубль...

Там есть Наймушин. Живой, сухой. В день рекорда бегом прибежал в шахту. Ровно из минуты в минуту. Не раньше. Янкин, тот, может быть, и за полчаса начал. А этот — ровно. Потом говорит: «Бакреев возьмет верх». Это значит — «наш, наша шахта». Видите как... Тут конфликтов уйма.

Глубоко всю жизнь изучая современность, Бажов высоко ценил тех писателей, кто близко стоял к трудовому народу и умел во-время подметить возникновение новых социально-экономических процессов.

26 ноября 1938 года в доме литературы в Свердловске состоялся творческий вечер Алексея Петровича Бондина, давнего друга Бажова. На следующий день они оба были в издательстве. Зашли «просто так» — посидеть, побалагурить, перекинуться словом о своих творческих замыслах. Они сидели друг против друга около стола в узкой редакционной комнате. Один — низенький, седобородый, неторопливый. Другой — высокий, бритый, быстрый в движениях. Но было что-то общее между ними. Непосредственность живого творческого ума, углубленного богатейшим жизненным опытом, и какая-то крепкая, полная сил внутренняя устойчивость уральского трудового человека, прошедшего через многие горнила и испытания. Больше говорил Бондин пересыпая свою речь шутками. Громкий смех то и дело оглашал комнату.

— Наконец-то я нашел то, что искал, — рассказывал Бондин. — Девушка-комсомолка одна перевернула весь цех на Куйбышевском заводе¹.

Павел Петрович внимательно слушал своего друга. Когда тот кончил рассказ о героине своего романа «Ольга Ермолаева» — зачинательнице многостаночного обслуживания, сказал раздумчиво:

— Это и дорого: подсмотреть свои детали. Мамин-Сибиряк ведь мало знал о рабочем человеке, больше по наслышке. Вот у тебя в «Логах» есть такая деталь — как рубить пластыню. Сразу видно, что автор знает, какая косточка натружается.

— Я же токарь, слесарь, — с гордостью ответил Алексей Петрович. — Тридцать пять лет производственного стажу. С красной доски не слезал.

Павел Петрович уважал Бондина не только за великодушное знание труда, но и за умение одной чертой схватить характер человека или выразить душевное состояние. Считая, что первый роман Бондина «Лога» плохо им отрецензирован, он неизменно прибавлял при этом:

— Но какие там есть места! Изумительные! Вот жена Скоробогатова родила сына. Сына! Отец не знает как выразить радость, спрашивает: «Ну, как брюхо болит?» Изумительно! Это не придумаешь. Много таких мест. Это надо знать, видеть, слышать.

Не раз затрагивал Павел Петрович в разговоре с

¹ Нижне-Тагильский завод им. Куйбышева.

нами вопросы художественного мастерства. Как-то с добродушной усмешкой обронил:

— Надоели до тошноты все эти «сказал», «возразил». А куда денешься? Нельзя без них. Вот, например, Василий Шуйский — «сказал заискивающе» — и всё ясно. Черта для характеристики. И главное, экономно. Читатель, между прочим, проглатывает. Мне в сказах удобно: «А он и говорит». (XII—38 г.).

В связи со сказом «Таяткино зеркальце» интересно другое признание:

— Вот детали. Иногда за целый вечер только одно слово найдешь. Бывает. Вот мне надо было найти крепление — название. Приблизительно нельзя. Надо точно. Есть такие (Павел Петрович привел два немецких названия) — нельзя. Мне надо русское. И чтобы обозначало прочность и для того времени подходило. Нашел? «Двойной переклад из лежаков». За один вечер одна деталь! Видите...

Это говорил он 26 декабря 1939 года. Кончил же сказ 17 марта 1940 года.

Помню, с каким выражением серьезного раздумья над писательским трудом были сказаны эти слова: «За один вечер одна деталь!».

Как-то мы разговорились об одном архангельском сказочнике. Я сказала, что он говорит «эссенциями» да еще областными.

Павел Петрович не согласился со мной:

— Прочтите его «Золотую книгу». Его сила — он знает старообрядческие цветники, там много богатства. Вот пример ругательств женщине как женщине, их можно куда угодно применить. «Ох, ты дохлая муха!» или «Пустая корзина». Он оттуда черпает. Я недавно подслушал такой разговор. Идут женщины, говорит одна: «Я вышла замуж и как на пол ступила», т. е. гладко пошло. Это я вставлю куда-нибудь. Только не знаю, поймет ли современный читатель. Не надо ли дать комментарий?

Яркое, выразительное слово Павел Петрович искал повсюду. Однажды он сказал:

— Вот из статьи «Иртыш превращается в Ипокрену» я стащил для себя одно слово — «Брызгальная звезда». Брызгальная звезда — как замечательно! Я его обязательно введу куда-нибудь. Книгу забудешь, а это слово никогда.

— Ребята бы поняли это слово...

— Конечно. Ведь народная речь так непосредственна, что она всегда близка детям. (IV—1939 г.).

Вдумываясь в сказочные образы, созданные народной фантазией, Бажов неоднократно останавливался на том, какие реальные явления в природе обусловили их появление. Эта тема его волновала. Его догадки и предположения были всегда сугубо конкретны. Указывая на то или иное явление природы, могущее породить в народном воображении сказочный образ, он, однако, никогда не был категоричен в своих утверждениях. Вообще категоричность была чужда его натуре.

Разговор о происхождении фантастических образов начался однажды с общих замечаний о сказах.

— «Дорогое имячко» — этот сказ, конечно, более позднего происхождения. Это ясно. Ну, другие связаны с личностью первого Турчанинова. Он из всех Турчаниновых особенно запомнился. Он уже был стариком, когда взял заводы. Лет пятидесяти шести. Человек жестокий, властный. Умел найти людей. При нем заводы процветали. Он жил долго, до 80 лет. И после него заводы пали. Другие Турчаниновы не остались в памяти. Одно слово — прожигатели. Пили, развратничали...

Фантастика, конечно, была и раньше. Вот у меня «Змеинный след». Есть медяница. Она маленькая, вроде земляного червя. Говорят, она проходит сквозь камень. Глаз у нее нет. Посмотришь, бронзовая, блестящая. В камне тоже блестящая. Вот и легенда: медяница оставляет след. Я об этом пишу. Это на Турчаниновских заводах. Можно предположить, что и на Демидовских заводах возникали подобные сказы. Возможно. Видите, тут какое дело. Рабочие сказы в большинстве облекались в грубую форму. Но если это отбросить, то останется правильное зерно. Ведь похабщина была во многих случаях средством опорочить того человека, которого не любили. Так что если сбросить эту оболочку, останется суть классово-направленная. Фольклористы избегают таких срамных песен, сказок. И напрасно. Рабочий сказ живет обычно под этой оболочкой. И это легко отбросить. Вот у Блиновой есть сказ про Семигора. Она записала небрежно, спешила, она не делает фразы, но зерно правильное: образ Семигора. Бурундучок может быть и придуман.

Теперь у Всеволода Лебедева есть намеки. Горная

девка поднялась за облака и рассыпалась. Богатство в разных местах. Еще у него есть в «Товарищах», но только намеки. В Мурзинку, если сунуться, там наверняка много такой чепухи занятой. Камень? Цвет! Все это должно вызывать образ, желание объяснить как-то. Или на Хрустальной. Да, вот Березовск под рукой, а сколько там сказов — до черта! Правда, кладоискательских: как найти, как обойти.

Выползок, черная курица. Идет человек с черной курицей, боится. Значит, он что-то представляет. Вот это интересно. Моя сказка «Золотой волос». У башкир лиса — сваха. Постоянный образ. Повсеместно волос — золото...

Змея — золото. Где змея, там золото. Может быть, тут и морализующее влияние. Золото — предательство, подлость. Ну, значит, змея. А может, другое. Мне случалось бывать в казахских степях. Ровно, и вдруг грива. Названия: Черная грива, Белая грива. И верно, похоже... (I-39 г.).

Этот разговор дал толчок к тому, чтобы предложить Павлу Петровичу высказать все свои соображения на этот счет в особой статье для альманаха «Уральский современник» № 3, который я тогда подготавливала к изданию.

Павел Петрович довольно быстро написал. Это были воспоминания «У старого рудника» — ключ к пониманию «Малахитовой шкатулки».

НА ПОСТУ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Павел Петрович был человеком высокого гражданского долга. Когда грянула война, он в первые же дни пришел в издательство и сказал:

— Ну, я ваш издательский работник. Теперь я освободился от личных творческих работ. Никаких.

Просто, без громких слов взвалил он на себя нелегкий груз ответственности — сел за рабочий стол редактора художественной литературы. А немного погодя на его плечи легло все издательское хозяйство. Павел Петрович стал главным редактором издательства.

В те дни, особенно трудные и беспокойные, он как-то сразу осунулся и казался прозрачным. Но никто из нас никогда не слышал от него жалоб на материальные затруднения или физическое недомогание.

Незадолго до прихода в издательство Бажов был четыре дня в Ревде.

— Я там занятную вещь подметил, — рассказывал он потом, — занятную для сегодняшнего дня. О рабочих жилищах. В юмористическом плане. И знаете, все под этим углом зрения думал, наблюдал. А теперь вижу — вещь ненужная...

Все писатели в те дни пересматривали и перестраивали свои творческие планы. Коренным образом переделывался и квартальный план Свердловского издательства. В резерв были отодвинуты все объемные и неактуальные книги. В центр внимания встала оперативная оборонная литература: брошюры и плакаты.

В половине июля выяснилось, что бумаги едва хватит на то, чтобы выпустить книги, находящиеся уже в производстве. Решили многие из них законсервировать и очень экономно расходовать оставшиеся пять тонн бумаги.

Бажов пошел в обком партии, посоветоваться о том, что же делать и не может ли Металлургиздат (ОНТИ) дать бумаги (он имел два вагона).

— Не откололось, — хмуро сообщил он, вернувшись из обкома. — ОНТИ будет издавать «ПВХО на производстве».

Один из работников производственного отдела, ведавший бумажным складом, был неожиданно для всех призван в армию. Сборы его были столь недолги, что он не успел даже сдать дела и бумагу. Заведующий производством досадовал на это обстоятельство. А Павел Петрович его успокаивал:

— А это мне нравится. Бестолково выходит, но честно. Убит один, его заменяет другой, третий, некогда разыскивать...

Действительно, в первое время не было в нашей издательской работе порядка. Но у всех было горячее желание работать, не сидеть ни одной минуты без дела. И потому нас нервировал недостаток бумаги.

— У нас какое-то стыдное положение, — говорил Павел Петрович после второго налета фашистов на Москву. — Работы нет. Ну, это от нас не зависит. Даже не это, а то, что живем просторно: у каждого кабинет.

Кто-то из нас, просматривая только что полученный довоенный номер журнала «Смена», сказал:

— Столько интересных дел! «Кем хочешь быть?» Профессия такая-то, такая-то. Удивительно. Как будто это

давно-давно было. Даже не верится, что всего месяц прошел.

Павел Петрович со вздохом подтвердил:

— Да, только месяц. До этого все было в профиль, а теперь анфас.

В конце августа Бажов говорил по телефону с Москвой. Очень лаконично он обрисовал положение дела:

— Выпустили девять плакатов. Печатали по пяти тысяч, некоторые по три. Бумаги нет. «ПВХО»? Металлургиздат печатает. Они, они. Мы бы тоже напечатали, но бумаги только на плановую. Два-три сборничка по два килограмма. Подбросить бы бумажки!

В подготовке плакатов к печати Бажов принимал самое живое участие. К одному плакату была предложена такая подпись:

Проводила я друга до тракта,
Он поправил шинель на ходу.

Последняя строчка не совсем удовлетворяла Павла Петровича.

— Другую бы деталь. Вот мне рассказывали такую деталь. Идут бойцы. Женщина бежит и бежит за одним. он оборачивается: «Ты что?» Она: «Ремень поправить». Вот деталь.

В сентябре положение с бумагой значительно улучшилось. Издательство получило 35 тонн. Теперь можно было, кроме плакатов, двигать и рукописи. В те дни на столе Бажова лежали листовки: «Как тушить зажигательные бомбы», «Как устроить простейшие укрытия» и т. п. В город прислали немного листовок — всего шестьсот экземпляров, а Когиз требовал десятки тысяч. Издательство взялось за их выпуск.

Хлопот прибавилось еще более, когда умер директор издательства В. Глазырин. Бажову полтора месяца пришлось исполнять обязанности директора.

С конца 1941 года бумага стала уже поступать непрерывно. Наш завхоз вздыхал: «Опять пришла бумага! Некуда складывать».

Вскоре в Свердловск были переведены многие центральные издательства. С половины января 1942 года на базе Свердловгиза было организовано отделение Огиза, объединившее шесть издательств: Госполитиздат, Гослитиздат, Сельхозгиз, Гостехиздат, Гаиз, Свердловгиз.

Среди издаваемой тогда литературы, преимущественно очерковой, было немало книжек слабых, наспех написанных. Читая рукописи, гранки, листы, Павел Петрович не раз морщился:

— Не могу читать: мутит. Уж до того скучно.

Особенно не любил он водянистых, растянутых сочинений.

— Бежит, бежит, удержу нет, — говорил он, как-то, указывая на одну уже сверстанную очерковую книгу — не могу одолеть...

Такое же отвращение вызывало в нем и литературное украшательство.

— Вот факт. Старуха восьмидесяти двух лет. Жнет. У нее три сына в армии. Председатель, значит, думает: надо бы облегчить, полегче дать работу. Говорит: «Мы тебя, Фекла Ивановна, хотим перевести на овцеводческую ферму». А она: «Не обманешь. Там делать нечего». А этот Х. столько накрутил вокруг этого факта. Литературное украшательство. К чему оно? Нужно показать новые качества советского человека. А он развел.

Директором издательства был в это время К., решительно введивший новый стиль четкой организованной работы. Те, кто привык работать с прохладцей, волновались. Бажов был всецело на стороне нового руководства.

— Прежний патриархальный уклад человеческих отношений со всеми его недугами должен исчезнуть, — говорил он. — И те, кто не может перестроиться на четкий деловой лад, должны уйти. Ясно...

В феврале директор издательства был отозван в Москву. Бажову опять пришлось некоторое время исполнять обязанности директора. На этом этапе руководство издательством, объединившимся с пятью центральными издательствами, требовало таких качеств, которых Павел Петрович в себе не находил.

— Я смущен, — говорил он. — Какой я директор? А заварили ведь кашу большую. Какой-то безлюдный фонд. Что делать-то?

Павлу Петровичу в самом деле не подходила административно-хозяйственная работа. Тихий, мягкий, он не умел ни приказывать, не отказывать. Тяжела была ему и работа главного редактора в связи с резким ослаблением зрения.

ПОЕЗДКА ПО УРАЛУ

Работа в издательстве приковывала Павла Петровича к месту. Освободившись в марте 1942 года от обязанностей главреда, он вскоре выехал в Березовск, где вместе с другими писателями выступал в школе и перед стахановцами золотой промышленности.

В августе он уже был в Тагиле, на горе Высокой. Бажов хорошо знал историю Тагила и предполагал, что там, в бывшем демидовском гнезде, должны быть тайные рабочие сказы. «Только копнуть, наверняка найдется. И, вероятно, в сказах фигурирует еще первый Демидов — Акинфий, — говорил он мне еще в 1939 году 21 января.

Бажов был в Тагиле с В. Данилевским и Е. Пермяком. Горнорабочие восторженно встречали Павла Петровича. На одном из литературных вечеров его вызывали семь раз. Народ любил его.

Несколько поездок совершил Бажов и в следующем 1943 году: в Молотов, Таборы, и снова в Тагил.

В Молотове с 13—19 июня проходила межобластная научная конференция — «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе». На конференцию съехались со всего Урала деятели науки, литературы и искусства. Среди большого количества докладов и сообщений участников центральное место заняло обсуждение творчества Бажова. После доклада Л. Скорино выступил сам Бажов с сообщением «Работа по собиранию уральского рабочего фольклора»:

Вторая поездка Бажова в Тагил была связана с подготовкой издательством и писателями коллективной книги об этом городе. Нижний Тагил, старейший горнозаводский центр Урала, издавна привлекал внимание писателей и ученых.

О Тагиле писал Д. Менделеев, в шахты медного рудника спускался Н. Телешов, на тагильском материале написаны известные романы Мамина-Сибиряка «Горное гнездо» и «Три конца». Годы гражданской войны и годы мирного строительства Тагила нашли свое рельефное изображение в сочинениях А. Бондина. В годы Великой Отечественной войны Н. Тагилом интересовались М. Шагинян, А. Сурков, Б. Агапов, Е. Пермяк, В. Данилевский.

Нижний Тагил вносил большой вклад в дело обороны страны. Значительная часть металлургии Свердловской области была сконцентрирована в этом городе, коренным образом переустроенном в годы первых пятилеток. Крылатыми были в то время слова А. Барто: «Мастеровыми из Тагила немцам роется могила». Понятно, что мы (нас было 13 человек) с волнением въезжали в этот город, овеянный трудовой славой. То были дни большого патриотического подъема в стране. Красная Армия уже освободила такие крупные города, как Харьков, Орел, Новороссийск, Мариуполь, Брянск.

Литературная конференция открылась в Тагиле 18 сентября. Она продолжалась два дня. Предстояло обсудить план будущей книги среди тагильской общественности. Перел обсуждением были заслушаны три доклада: «Нижний Тагил сегодня», «Тагил—родина изобретателей», «Тагил в художественной литературе». Особо стояло сообщение Бажова о сборе народных преданий. Бажов высказал свой давно выношенный взгляд на историю письменную, официальную и народную и дал методологические указания, как производить сбор народных преданий и рабочих рассказов. Сохранилась стенографическая запись его выступления.

Привожу ее целиком.

«У нас история берется в одном разрезе, в разрезе документов, а вот народные предания, рабочие рассказы, в историю их не собирают. Между тем вопрос этих сборов представляет важную историческую ценность. Часто в этих преданиях устанавливается то отношение, которое рабочие имели к тому или иному факту событий исторических. В документах это не записано, а в преданиях сохранилось. Уральские предания представляют собой особый интерес. Здесь мы имеем единственное место, где процветала крепостная промышленность. То время, которое В. И. Ленин характеризовал так: «Во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»¹. Организовалась недавно эта крепостная промышленность. В истории столетие — небольшой срок. Урал насчитывает в своей истории два-два с половиной века.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, 1941, стр. 424.

Здесь после крепостничества сохранился тот же уклад, который был при крепостном праве. Люди были прикованы своим наделом к одному месту. Тагильчане, люди, родившиеся в Тагиле, оставались на всю жизнь жить в Тагиле. Эта неподвижность рассматривается, как положительная сторона в отношении того, что отдельные предания рабочих могут охватить далекие времена. Взять сегодняшних стариков в 60 лет. Часть из них интересовалась прошлым у своих дедов, которые были старше их лет на шестьдесят. Эти старики также слушали рассказы старых стариков, и вот составила живая цепочка людей, которые знали о жизни предков.

Здесь была издана книга «Были горы Высокой». В этой книге было сто авторов. Там называли А. П. Бондина токарем, даже один старый режиссер Усов Усаевский назывался там прокатчиком. Есть крупные недостатки в этой книге в том смысле, что авторы направлялись по ложному пути, потому что во главе издания оказались люди враждебные. Но несмотря на это, в книге много ценного материала. Это показатель, что даже такой сборный материал имеет ценность. В работе над книгой нужно учесть рабочие предания. Сделать всю работу коллективу писателей, которые здесь находятся, одним не под силу. Нужно использовать местный коллектив, который бы интересовался отбором материала.

Сто авторов! Из них, безусловно, на сегодня половина жива. А где они? Они даже не на учете, их не знают, их забыли. Нужно и стариков привлечь дополнительно, но, конечно, гораздо шире, не ограничиваясь. И именно взять тему Тагила. А Тагил, как тема уральской истории, по сути, является основным, ведущим пунктом прошлого Урала. Надо записать предания о работах Тагила, в том числе Высокогорского рудника. Это значит — отразить в народных рассказах историю Урала, ибо здесь и влияние староверческих, и украинских, и местных влияний можете уследить, влияние прилива местных жителей до колонизации.

Здесь вы имеете дело с судоходными путями тех времен, потому что единственная артерия Урала Чусовая близко расположена. Здесь нет ни одного исторического узла, который бы не отразился в Тагильском округе.

Особенно интересны показания стариков. Но когда такую историю поднимать, то приходится считаться с тем,

что это история имеет свою трудность. То, что не записано, а держится в памяти, оно существенно отличается от документа. Если документ может быть и неправильным, потому что он передается не теми лицами, от которых интересно было бы услышать, то устный рассказ подвержен всяким изменениям по памяти. Иногда старики путают исторические факты. Одно воспоминание переходит в другое и получается несообразность.

Вот в этой книжке, например, указано, что местный священник на законе божьем бьет ребят. Такое явление могло быть. Но тут же говорится, что поп схватил девочку за косу и бьет по парте головой. Тоже можно поверить. Но когда подумаешь, что в мужской школе поп бьет девочку — то очевидно, что это перешло из другого рассказа. Вот такого сорта ошибки. Это мелочи, но они показывают нам, что предания стариков надо воспринимать критически. Если расскажет один, то это не решает... Надо о том же собрать рассказы второго, третьего, четвертого, и часто повторяющиеся детали могут быть показаны действительным историческим фактом.

Этот вопрос очень трудоемкий. Поднять его маленький коллектив не в силах. Нужно на месте организовать более крупный коллектив и описать что можно. Раньше опрашивались только рабочие. Из ста человек нет ни одного учителя или учительницы. Это неправильно. Можно вовлечь все население. Сбор преданий даст не менее важный материал, чем история горнозаводского Урала по письменным документам. Здесь своя точка зрения на каждый факт, противоположная тому, что дано в писаной истории. Автор, который записывал, был представителем правящей части, и он по-своему оценивал события, а рабочие по-своему оценивали, но не имели возможности отразить в письменном виде. И наша задача эту сторону поднять. И нужно записывать эти предания стариков бесхитростно, так, как они говорят. Найти других людей, которые об этом явлении так же рассказывают, и тоже записать. И вот у нас этих рассказов накопится много, и выплывет совершенно новый вопрос, о котором мы забываем.

Вот Тагил — огромный индустриальный центр. Вчера из доклада тов. Колышева мы слышали, что значит город в государственном масштабе. Тагил и прежде был основной заводский и кустарный центр. А вот мы, пожалуй,

и не знаем, какие здесь ремесла были развиты, связанные с искусством.

Вот из Петрокаменска привозили дерево для сундучного промысла, преобладал лак тагильский, невьянский. Если бы секрет этого лака был известен сегодня, то он служил бы и для других целей. Лак был необычайно стойким в отношении температурных изменений. А секрет — это местный секрет.

Вопрос такой, как сталь, он тоже не совсем решен. Мы знаем образцы сталей прошлого, знаем отдельных мастеров-сталеваров прошлого, но знаем далеко не всё. В народной памяти хранится гораздо больше. Может быть, эти воспоминания преувеличены в том смысле, что сделались легендарными. А. М. Горький говорил, что большинство мифов являются гиперболическими преданиями об известных мастерах. Такая гипербола не меняет достоинств рассказа. Естественно, рассказ с годами обрастает фантастикой, но она легко может быть устранена, и останется настоящее положение вещей.

Златоустовцы говорят, что для получения булатной стали старик ходил под Таганай и приносил оттуда какого-то песочка. Можно подумать, что кто-то занялся фокусничеством. А когда проверили, то оказалось, что под Таганаем имеются залежи вольфрамовых руд. Было установлено, что добавка этого вольфрама в какой-то дозе меняет качество стали.

Чрезвычайно интересен способ проведения сложной системы промыва минералов приборами. Огромнейшая коллекция штампов сундучного дела — представляет собой чрезвычайно интересный кусок народного творчества.

Эта народная история имеет большую историческую ценность. А здесь, в Тагиле, где буквально отразились все детали посессионного владения уральского, она представляет большой интерес и, мне думается, она даст огромные результаты. Нам надо договориться, каким путем эту тагильскую пародную историю отразить в книге. Силами приезжих писателей это сделать невозможно. Надо привлечь большой коллектив, привлечь стариков, которые интересуются вопросами прошлого. Таких не так много, но они есть. И краеведческая часть рассказов представляет собой не только историческую ценность, но и художественную. В книге «Были горы Высокой» был

старатель, звали его «кривой Моксун». Вот никогда не придумаешь такого названия!

Если бы здесь удалось поднять народную историю, то мы бы не только сделали ценное для истории, но и обогатили бы наших писателей и литературу массой чисто народного материала в виде образов.

Вот всё, что я хотел сказать о сборе народных преданий».

Книга о Тагиле вышла не такой, какой хотел видеть Павел Петрович. Из-за отсутствия рабочего аппарата нам не удалось организовать тагильскую общественность. Не нашлось также добровольцев, кроме Н. Поповой, С. С. Жислиной, собирать народные предания.

Но эта книга вызвала у писателей интерес к очерку. Проблема документального очерка, живого, познавательно богатого и верно угадывающего пульс сегодняшнего дня, встала перед каждым писателем. Бажов радовал такой поворот писателей к современной тематике.

Опыт пад книгой «Тагил» помог нам быстрее создать вторую коллективную книгу о Свердловске. В обеих книгах Бажов принимал непосредственное участие — и как автор и как член редакционной коллегии. Специально для книги о Свердловске написал он воспоминания «Наш город», которые позже были дополнены и вышли под названием: «Далекое-близкое». Мы очень торопили Павла Петровича с этой работой. Сохранилась записка, с которой он прислал в редакцию свою рукопись:

«Клавдия Васильевна! Вот эта селянка. Страницы все, хотя нумерация в двух местах спутана. С 60-й так и не успел прочесть. Не посетуйте. Все это скорей материал, о котором надо говорить. 12/VI—45. П. Бажов».

Обе книги вышли почти одновременно. В работе была третья коллективная книга о людях золотой промышленности. Приближалось двухсотлетие открытия Ерофеем Марковым золота на Урале. Первооткрыватели золота: Марков и Брусницын занимали в те дни внимание Бажова. Но без детального знания исторической основы он не мог работать. В это время для будущей книги В. П. Янков, горщик и краевед, принес в издательство большую рукопись по истории золотой промышленности. Бажов дружил с Янковым, как и со всеми краеведами Урала: А. А. Анфиногеновым, В. П. Бирюковым, Павел Петрович познакомился с его историческими материалами. Для

книги он дал сказ «Золотые дайки». Второй — о Брусничине — не успел сделать.

Павел Петрович остро чувствовал своеобразие исторических природных и бытовых условий Урала и ценил тех, кто в литературе, в искусстве добивается выражения этого своеобразия. Не по обязанности, а по внутренней потребности он был непременным членом всех юбилейных комиссий и научных конференций, посвященных Мамину-Сибиряку. К дню одного из юбилеев Мамина комиссия решила выпустить плакат-биографию писателя и открытку с его портретом. Павел Петрович одобрительно отнесся к этому решению, а потом, немного подумав, сказал:

— Я хочу высказать дикую мысль. А не высечь ли имя Мамина на самой красивой горе в Висиме?

Как-то Павел Петрович пришел с музыкального просмотра баллады о горе Азов.

— Они меня не поняли, — огорченно сказал он. — Вот песня о Жигулях. Видно, что автор чувствовал и простор Волги, и кудрявые березки. Простор! А вот Урала в музыке нет. А они меня не поняли... (1—44 г.).

Прекрасно зная прошлое и настоящее Урала, Бажов очень критически относился к книжным легендам.

— Вот развенчайте-ка легенду о Невьянской башне, — говорил он научному работнику дома техники И. Богачеву. — Ведь не было же там затопления. Технически глядя... Уклон не тот. Куда? Как? Да и техники того времени не могли этого сделать. Развенчайте!

Поездки по Уралу помогали Бажову в работе над новым циклом «Сказы о немцах». В старинных горнозаводских центрах Урала живее вставали воспоминания о том прошлом, когда на производстве хозяйничали немцы-управители. Павел Петрович много размышлял в этом направлении.

— Сейчас я, знаете, думаю над чем? — сказал он раз. — Над словом «шпицрутен». Конечно, немецкое слово. Кнут — слово татарское. Выбирали палача — повзрослее, повиднее, одевали соответствующим образом. Все знали — это палач, его надо бояться, он может тебя убить. Забивали до смерти. И вот шпицрутен. Тонкая палка. Тонкая! Один удар — не убьешь, два — не убьешь, три — тоже. А пятьсот — до смерти. И делали палачами пятьсот человек. Это гнусность, я не знаю бóльшей гнусности. Ее могла выдумать только мерзкая душонка.

Выдумать такое! И палка определенной длины, толщины. Точность! Все измерено. Гнусность! (X—42 г.).

«Сказы о немцах» не вызывали у Павла Петровича полного удовлетворения. Думаю, что это объяснялось тем, что сюжеты некоторых из них он брал из книжных источников. Например, поводом для написания «Хрустального лака», полагаю, послужили следующие строчки из книги Палласа П., бывшего в Невьянске в 1770 году.

«Другое художество, в коем с немалою пользою здешние упражняются жители, есть лакирование; оные наводят лак на медные и железные чайники, на деревянные чашки, стаканы, подносные доски и прочее. Бывают вещи наведенные немного хуже китайских, а лучше французских, выключая живописи; настоящее в сем искусство хранят жители в тайне и учеников без платежа не принимают, но я заверно изведаль, что вся их тайна состоит в конопляном простом масле с свинцом густо сваренным и сажею подмешанным. Масло держат они через долгое время в жаркой печи, чтобы с свинцовою известью лучше сварилось: и вещи помазывают раз восемь пальцами, за каждым разом высушивая оную в жаркой же печи. Чем чаще маслом помазывают, тем лучше и прочнее будет краска. Для помещения живописи вырезают они ножом разные украшения, картины, деревца, птицы и проч., будучи многие из обывателей весьма к сему искусны; вырезанную бумагу, положив на лак, помазывают золотом, обыкновенно для сего употребляемым, из чего желаемые изображения представляются»¹.

Источником сказа «Тараканье мыло» послужил, вероятно, анекдот о Гумбольдте, который приведен Маминым-Сибиряком в историческом очерке, посвященном Екатеринбургу².

Заметно было уже тогда, что как только Бажов при разработке сюжета исходил из одних только книжных источников, в сказе сразу ослабевал фантастический, сказочный элемент. Сказ превращался в историческую побывальщину или притчу с отчетливо выраженной дидактической установкой.

¹ П. С. Паллас. «Путешествие по разным местам Российского государства», часть вторая, книга 1, 1770, Спб, стр. 241.

² «Город Екатеринбург». Сборник, Екатеринбург, 1889 г.

Созданные народом сказочные поэтические образы окрыляли Бажова, сообщали необычайную художественную силу его произведениям.

В конце октября 1942 года Павел Петрович сообщил:

— Написал «Веселухин ложок» Ох, до чего же скушно! Весь день хожу под этим впечатлением. И главное, там есть кусочки, хорошие кусочки — взял ли береженого. Жалко. Они тут пропадут, их не заметят, просто не заметят. А мне жалко на эту немецкую муру тратить. Жалко. Там есть «глаз с крючком да ухо с прихваткой». Это из береженого. «Ложок» — бессюжетная вещь. Деталь, она ведь служебную роль играет. Бросить, что ли? Другим заняться?

Однажды Павел Петрович принес сказ, воспринятый всеми как большое литературное событие. Это была «Живинка в деле». Павел Петрович впервые не отмахивался от наших похвал. Но и не радовался, что-то точило его. Потом сказал очень озабоченно:

— «Живинка-то» связала меня по рукам и ногам. Это своего рода синтез. Я берег ее к концу жизни. А теперь опять размениваться на исторические анекдоты. Видите, надо опять что-то находить... (29/XI — 43 г.)

Горячее патриотическое чувство двигало Павла Петровича всю жизнь. Помню слова его, сказанные в тот день, когда он принес «Живинку в деле»:

— Читал «Хождение» Афанасия Никитина. Над последними словами заплакал. Трогательно: «Нет страны краше нашей. Господь да устроит ее»¹. И это написано на персидском языке...

НАШИ СПОРЫ

В оценке своей творческой работы Бажов был поразительно скромн. Когда он узнал, что работа Л. Скорино, посвященная его творчеству, утверждена, как диссертация, он сказал:

— Удивляюсь. Все-таки переоценка. Сказы имеют краевое значение. Какой чорт, вклад в мировой фольклор! (1 — 43 г.).

¹ Бажов читал «Хождение за три моря» в рукописи, которую дал ему кто-то из эвакуированных географов.

12 октября 1944 года на «четверге» в ССП был заслушан доклад А. Ладейщикова: «Бажов и его отношение к рабочим сказам».

Доклад был неопределенным по своим выводам, и потому прения прошли очень сумбурно. Московский критик Березарк попытался выявить суть разноречий во взглядах. Он сказал:

— Существует среди местной и московской интеллигенции взгляд, что Павел Петрович — просто записыватель рабочих сказов. Эта точка зрения отразилась в сборнике «Дореволюционный фольклор Урала» и проникла в университетский учебник Соколова. Это не могло, конечно, не внести известную путаницу в существо дела. Другой взгляд, мне известный, слышанный мною в среде местных работников искусства и от одного известного фольклориста — собирателя былии, прямо противоположный. Он сводится к тому, что рабочих сказов нет в природе. Их выдумал, сочинил Павел Петрович.

Дальше Березарк обратил внимание на сложное взаимодействие фольклора и художественного произведения.

— Возможно, — закончил он, — многие сказы Баждова — продукт личного творчества — стали сейчас фольклором, спустились в народ.

Споры по этому вопросу продолжались и на следующий день среди писателей. Павел Петрович, слушая, добродушно посмеивался. Ему как будто казалось забавным, что люди спорят о том, что так ясно и бесспорно. Когда наговорились, он сказал:

— Вот сейчас уже определилось три точки зрения: Скорино считает, что я выдумщик, Рождественская Наталья Ивановна рассматривает как фольклор, и Андрей Степанович Ладейщиков — средняя позиция, самая гиблая. И вот тут надо что-то сказать, а я не знаю. Ведь что есть? Я скажу, как думаю. «Уральские сказы» — литературное явление — это я признаю. Рабочие тайные сказы — факт бесспорный. Я их сам слышал, слышу. Андрей (Ладейщиков), тот додумался до того, что Хмелинина не было вовсе, я его придумал. Да нет же! В. С. Хмелинин был, жил на горе, я к нему бегал. Но были и другие сказители тут же (перечисляет фамилии). Они тоже рассказывали. И в других местах были свои сказители, так что образ Хмелинина — это образ собирательный. И в чем моя заслуга, я говорю без ложной скромно-

сти, в том, что я к этому фольклору подошел со своим мировоззрением...

— Вы бросили свой луч, — подсказал К. Мурзиди.

— Свой луч. Ведь вот Глеб Успенский. Он знал крестьян, жизнь, видел и злое и доброе, но ему, как демократу-разпочинцу, нужны были отрицательные стороны. Он их дал. Чехов. Возьмите его «Мужиков». Его деревня — это жуть. Такая деревня не могла бы поднять революцию. Или у Подъячева. Но они видели, конечно, и другое. Здоровье, силу, крепость, гений русского народа. И вот я, зная старинную жизнь, вижу ее с других позиций, под другим углом. А вот это никто и нигде не отметил. Вот только в этом моя заслуга. А что художник, мастер, — чепуха, я просто передал.

Ему стали возражать, что он сам внушает другим ложный взгляд на свою работу, как на чисто фольклорную.

— Да нет же, — с искренним недоумением воскликнул он. — Вот вы говорите «Зеленая кобылка» — художественная вещь. Нет, это просто мемуары. Как было, я и изобразил... Скорино спрашивает: какие сказы рассказала бабушка? У меня бабушкой была вся улица. Кто сказал тот или другой сказ — я не знаю.

Этот разговор по существу не внес ясности, и писатели не разубедили Павла Петровича. Для нас было совершенно очевидно, что вся его художественная практика, проходившая на глазах, никак не вязалась с его настойчивым утверждением: «как было рассказано, так было и передано». Этому противоречило и многое другое, в частности, — личные его высказывания о том, что память не может удержать все детали сказов, слышанных полвека назад.

Думаю, что эта неувязка, противоречивость, путаница снимается в значительной мере, если знать, с каким критерием подходил Бажов к художественному произведению. Он считал подлинно художественным лишь то произведение, которое ставило какую-либо проблему. Если этой проблемы нет в литературном произведении, то оно или документ, или мемуары, или простое бытописание. В этом именно смысле он высказывался не раз.

В конце 1938 года, когда «Малахитовая шкатулка» была на капуне выхода в свет, он с полной убежденностью заявил:

— Какой я писатель? Настоящий писатель ставит какую-то проблему. А я что? Где элементы творчества?

Значительно позже, в связи с разговором о книгах Кренкеля и Папанина, он сказал с непривычной суровостью: «Это не художественная литература, то, что они пишут. Это документ. А где люди? Нет проблемы... Все художественные произведения были проблемными... То, что я пишу — это простейший вид литературы». (III—40 г.).

Спустя четыре года, Бажов уже несколько по-иному подходил к этому вопросу. Для характеристики взглядов тех лет показателен один разговор.

Как-то в редакцию издательства пришла женщина лет пятидесяти.

— Где Союз писателей? — спросила она. — Мне бы надо передать стихи. Я закройщик горпромторга, — прибавила она с достоинством.

Стихи были плохими. В одном из них поэтесса писала так: «Мои стихи — увядший цветок, твои — гранит, они давят меня, они трагичны.»

После ее ухода Павел Петрович сказал серьезно:

— Вот я все думаю о людях одной книги. Что ж, это не так плохо. Может быть, это и надо развивать на данном этапе состояния литературы. Люди одной книги — большое дело. Это документы эпохи (IV—44 г.).

Неоднократно Павел Петрович обращал наше внимание на роль мировоззрения писателя в художественном произведении.

В связи с этим мне припоминается один случай, происшедший в 1947 году.

Во время разговора с Бажовым об иллюстрациях к его книге в комнату вошла знакомая девушка, недавно окончившая местный университет. Подняв голову кверху, она остановилась перед Бажовым.

— Здравствуйте, Павел Петрович! — сказала она громко, отчетливо выговаривая каждый слог. — Я очень рада вас видеть потому, что мне поручили делать о вас доклад. Скажите, какие книги у вас вышли, кроме «Малахитовой шкатулки» и «Сказов о немцах»?

Мы все на минутку оцепенели от такого оригинально выраженного обращения. Павел Петрович, не поднимая головы от стола, сказал тихо:

— «Уральские были», «Ключ-камень».

Опустив веки с многозначительной медлительностью и опять подняв их, девушка сказала:

— «Уральские были» я знаю. А разве «Ключ-камень» не входил в «Малахитовую шкатулку»?

— Нет, это выходило отдельно.

— Еще «Зеленая кобылка», — напомнила я.

— Ну, это не мировоззренческая книга, — сказала девушка уверенным безапелляционным тоном. — О ней много говорить не приходится.

Не дав нам опомниться и еще выше закинув голову, она продолжала:

— Павел Петрович, скажите, какая идея лежит в «Каменном цветке»? Мне кажется, что там проводится мысль Фрейда о том, что творчество угасает от общения с людьми. Происходит известная сублимация энергии.

Павел Петрович, совершенно ошеломленный, пробормотал довольно несвязно, что Данило не уходит от людей, и что вообще он не мыслит творчество в отрыве от народа.

Девушка сделала крутой зигзагообразный поворот от стола и, открывая дверь, сказала с той же неестественной отчетливостью:

— До свиданья!

После ее ухода разговор не сразу возобновился. Павел Петрович долго набивал трубку и лишь спустя минуты две заговорил:

— Я прямо обалдел. Сублимация... За окном бумажка летит — для них это сублимация. Книжность все засломила. Капат — это вернее простое... — Раздумывая, продолжал: — Не мировоззренческая вещь. Но уже то, что ты изображаешь, и как это даешь, уже сказывается мировоззрение. Вот книга Ермакова¹, вещь фактическая, а его мировоззрение видно во всем.

Немного погодя, уже совсем успокоившись, Павел Петрович припомнил рассказ Чехова «Мои жены» о Си-ней бороде и очень весело рассказал о той женщине, которая в первую ночь стала измерять череп мужа.

Случай с девушкой не рассердил и не обидел его. Он знал, что молодежь понимает его и любит.

¹ П. П. Ермаков, «Воспоминания горнорабочего», Свердловск, 1947 г.

* * *

Осенью 1947 года в издательстве началась подготовка второго издания «Малахитовой шкатулки». Надо было собрать в одну книгу все сказы, рассеянные по разным сборникам и журналам. Возник вопрос — в какой же последовательности располагать вещи. Вначале Бажов склонялся к тому, чтобы сгруппировать их по тематическому принципу. Но когда мы прикинули, по каким разделам пойдут сказы, то увидели, что это поведет к многим натяжкам. Тогда остановились на хронологической последовательности. Бажов принес мне 12 коротеньких, в клетку, листочков, с указанием когда какой сказ им написан. Сколько годов — столько и листочков (1936—1947). Бажов был аккуратен во всем. В соответствии с этой «разнарядкой» я и подготовила рукопись.

В эти дни в редакции много было разговоров о том, как иллюстрировать книгу, заказывать ли новые иллюстрации или собрать старые. Первоначально остановились на том, чтобы все сказы проиллюстрировать заново. Раздать их разным художникам, и пусть они превзойдут искусством иллюстрации прежних изданий. Это была заманчивая мысль. Как бы хороши ни были известные нам иллюстрации, они все же, за редким исключением, слабо выражали своеобразные природные и бытовые условия старого Урала.

Павел Петрович не возражал против новых иллюстраций. Но вскоре он предложил другое: проиллюстрировать «Малахитовую шкатулку» лучшими рисунками из книг разных изданий.

— С издательской точки зрения, по-моему, это любопытно.

Мы все поддержали его мысль. Однажды он пришел в издательство с изрядным грузом: подмышкой была толстая рукопись, а в руке портфель, набитый до отказа книгами, вышедшими в различных издательствах. Тут были и журналы.

Бажов вытащил из портфеля прежде всего персидский журнал. Долго мы вертели его в руках, не зная где верх и низ. Догадались лишь по иллюстрациям, надо сказать, прескверно отпечатанным. Павлу Петровичу нравились в этом журнале рисунки к «Хозяйке Медной горы».

Вставка к сказу „Демидовские кафтаны“

А когда опятъ ^{вороты} ~~машин~~ прилетя
— тоже, видно, и в Демидов дураки водятся.
?леды-ко, до тех карбонных рассервированных.
Не подбегаетъ к нимъ. А из-за чего? Ко-
рреспондентъ какой? Намъ лжедей ~~на~~ ма-
ко стало Снежанка тоже! Снегъ в
моды скажетъ

Сам-от этой барин куда хитрее бы.
Этой, чей, за палу лжедей везетъ бы.
Не стал. Но дружку с карбон отбродитъ-
ся уже. Не углубитъ, с которой сто-
роны подбегетъ. Прямъ скажетъ, нетъ.

Из купцовъ были. К мажестату, сѣ-
ла бить, с ними летъ небы

Вот этой барин, видно, и казенно
губитъ, что Демидов не сию мажину
башкирскую деревню крѣпко небы от-
сти

Вставка к сказу „Демидовские кафтаны“ (автограф П. Бажова)

Больше всего тиара на голове Хозяйки — не тяжелый, аляповатый венец, а что-то подобное венку. Радовала сама ящерка, естественный переход ее в девушку.

— У каждого художника, — сказал Бажов, — среди неудачных есть удачные. Вот в «Огоньке». Три рисунка грубы, а вот Тапюшка нарисована хорошо.

И он раскрыл перед нами номер «Огонька».

Скоро пришли сверстанные листы. Заведующий производственным отделом Асс, с любовью оформлявший все книги Бажова, обратил его внимание на то, что не каждый сказ будет начинаться с правой стороны.

— А вот если бы некоторые из них увеличить на страничку, а другие всего строк на пятнадцать-двадцать, то все было бы в порядке.

— Ну так что, — очень просто, без всякой досады ответил Павел Петрович, — я подумаю, Александр Соломонович.

Он, понимал, как выигрывает книга при соблюдении всех технических правил. Возможно, он отнесся легко к этому еще и потому, что ему самому хотелось кое-что внести в текст. Асс сказал, к какому сказу сколько строк надо добавить, и через несколько дней Бажов принес вставки к 7 сказам.

Большинство из них относится к концевым полосам сказов. Думаю, что это объясняется тем, что автор не хотел ломать верстку, вводить издательство в лишние расходы и утяжелять ход производства.

Считаю нужным указать на тот дополнительный текст, который дал Бажов. Для удобства цитирую по изданию Гослитиздата, 1952 года.

«**ЧУГУННАЯ БАБУШКА**». Т. II., стр. 79. Начало вставки «Управляющий-то, видишь, сам в этом деле по-другому думал». Конец вставки: «Вот он и наказывал дяде Васе, чтоб тот помалкивал».

«**ДЕМИДОВСКИЕ КАФТАНЫ**». Т. II., стр. 198. Вставка начинается со слов: «А когда опять ворчать примется». Текст идет до конца сказа.

«**КОШАЧЬИ УШИ**». Т. II., стр. 177. Вставка начинается со слов: «Сколько в тех словах правды, про то никто не скажет, потому сам не видал, а стрелку как поверить». Вставка идет до конца сказа.

«**СОЧНЕВЫ КАМЕШКИ**». Т. I., стр. 140. Начало вставки: «— От меня сулила?»

Конец: «Вот и получил. По заслуге. Ступай-ка из приказчиков надзирателем на Крылатовско, — говорит барин да еще своим подручникам, кои при разговоре случились, объясняет:»

«ЗМЕИНЫЙ СЛЕД». Т. I., стр. 196. Начало: Так и так, желаю на волю откупиться».

Конец вставки: «Сорвал-таки сотнягу. Ну, Пантелей рядиться не стал».

«ЗОЛОТОЙ ВОЛОС». Т. I., стр. 301. Начало: «И тут филин рассказал по порядку:».

Стр. 302. Конец вставки: «Фубу! Про то не забудь: от Полоза уйдешь, обратно ходу не будет».

«ТЯЖЕЛАЯ ВИТУШКА». Т. II., Первая вставка стр. 224. Начало: «Это он, конечно, с хитростью так-то говорил».

Стр. 223. Конец: «Вот смотритель и припугнул — работы, дескать, давать не будем. Чем тогда жить станете?»

Вторая вставка. Стр. 226. Начало: «Потом один по одному собираться стали на Гумёшки и в гору полезли».

Стр. 227. Конец: «Пойду в гору».

Для исследователя эти дополнительные вставки в текст, полагаю, могут представить известный интерес.

ПОСЛЕДНИЙ НАКАЗ

Павел Петрович был бессменным руководителем Свердловской писательской организации свыше десяти лет. Отделение было небольшое (на учете состояло не больше 15 человек), и со стороны могло показаться, что у Павла Петровича мало работы.

На самом деле это было не так. Много хлопот, иногда очень огорчительных, доставляли ему писательские дела. Не надо забывать и того, что Павел Петрович вплоть до последних дней жизни был ответственным редактором альманаха «Уральский современник». Секретарем же партийной организации он был до марта 1944 года.

И хотя на всех этих участках у него были помощники, старавшиеся не затруднять его черновой работой, все равно он неизбежно входил во все детали каждого вопроса, и без него фактически не обходилось ни одно сколько-нибудь значительное мероприятие. Я не помню ни одного общего собрания, на котором не присутствовал бы Бажов. Он всегда был там, где обсуждалось новое

произведение. За советом и помощью обращались к нему все уральские литераторы, молодые и старые. Он знал творческие планы каждого, и пока был в силах, читал все наши произведения. По-моему, не найдется ни одного писателя в Свердловске, который бы не давал ему на прочтение своей вещи.

До войны Павла Петровича очень беспокоило то, что свердловские писатели не разрабатывали современную тематику. Он перебирал одного за другим писателей и грустно заключал после каждого: «Современностью не интересуется».

Когда я указала ему на повесть В. Старикова «Доктор», только что написанную, он сказал:

— Там нет проблемы. Есть новый фон, но старые ситуации. Кто еще? Нет никого. — Помолчав, прибавил: — Проведу собрание журналистов. Может быть, что-нибудь выйдет (III—40 г.).

Столь же серьезно беспокоило Павла Петровича отсутствие новых литературных имен в свердловской писательской организации, и он в те годы усиленно искал людей. В его объемистом портфеле всегда лежала чья-нибудь рукопись.

Он никогда не отказывался от чтения. Не любил только брать стихи. Тут он отговаривался тем, что ничего не понимает в поэтическом деле.

— Я к вам с зерном пришел, — сказал он как-то и, вытащив объемистую рукопись начинающего автора, стал зачитывать отдельные места.

— По-моему, неплохо. Видит парень. А дальше пошло: «Белогрудые березки горделиво стояли». Тут стошнит. Пейзаж весь в банальных выражениях.

Мне пришлось однажды присутствовать при беседе Бажова с редактором издательства, старой женщиной, которая неожиданно для всех стала отыскивать в Свердловске и его пригороде тайные рабочие сказы. Запись фольклора была для нее делом совершенно новым, простонародный язык непонятным и чуждым. Во многих записанных ею выражениях она сомневалась, некоторые же места сказов сочинила сама.

Один из них она дала на просмотр Павлу Петровичу. Беспокойно следя за выражением его лица, она спрашивала:

— Я не знаю, что это за «правилка». А они все гово-

рят о правилке. А это их слово «неуж»? Так говорят? А «одним днем»?

Мне показалось, что Павлу Петровичу было неловко объяснять ей, собирателю фольклора, значение самых ходовых в народе слов и понятий. А она продолжала допытывать:

— «Солнце не светило» — они говорят так? А «глаз широты не возьмет»?

Павел Петрович ничего не сказал о сказе. Он ограничился двумя-тремя замечаниями по тексту.

В другой раз он сообщил:

— Читаю рукопись в 1655 страниц. Две четверти вышины. Жуть! Один инженер принес. (X—40 г.).

Несколько позже он спрашивал:

— Куда все разбежались писатели? Никого не видно. Надо секционную работу разворачивать. Может, кто-нибудь из новых придет. Ведь люди есть. Их надо искать...

В это время его вызвали к телефону. Поговорив, стал одеваться.

— М. зовет к себе. Значит, новую пьесу придется слушать. — Улыбаясь, прибавил: — А вы жалуетесь, что рукописей нет.

Павел Петрович давно и серьезно недомогал. Ему тяжело было двигаться, подниматься по лестнице и, приходя в издательство, он каждый раз некоторое время не мог говорить. Молча стоял, опершись на стол. Но на старость и болезни он указывал редко и косвенно. Жаловался лишь на бессоницу.

— За всю мою жизнь я видел всего шесть снов. Сюжетных. Раньше были сны летучие (кверху летишь), а теперь падучие. Будто спускаешься по лестнице в какую-то бездну. И лестница стоит вот так (показывает уклон). И ты, значит, должен держаться ногами, чтобы не упасть. Пальцы на ногах, как крючки, загибаются. Ну, и висишь над бездной...

Он говорил эти слова с легкой усмешкой над собой и грустным удивлением.

В конце лета 1941 года в Свердловск начали приезжать семьи московских писателей. Бажова то и дело вызвали в ССП.

— Не знаю, что мне делать с женами писателей... — озабоченно соображал он. — Надо устроить... Сегодня Л.

пришел, пал в обморок. Сердечный припадок. Побежал я за водой. А она горячая. Человек уже пожилой, пятьдесят лет. Юрист, переводчик. Присит работы. А какую я дам?..

Положение осложнялось тем, что в июле умер секретарь парторганизации ССП Круглов, начинающий драматург. Павел Петрович хорошо знал его биографию и уважал его.

На другой день после его смерти он долго рассказывал нам про жизнь Круглова. Потом, вынудив его партийный билет, со вздохом перелистнул.

— Ну, вот. Членские взносы уплачены за июль. Законный билет. В сущности об этом билете можно было бы написать целый роман. У нас все-таки мало берегут человека. Он был твердый. Партийная директива дана, он ее неукоснительно выполнял. Честно. «Пошли!» — значит, пошли... Это был рядовой партиец.

В конце сентября в Свердловск стали прибывать писатели из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска. Павлу Петровичу надо было успеть в издательстве «провернуть» дела и в Союзе писателей. Тогда же он был избран секретарем партийной организации. Не было среди писателей ни одного человека, который был бы так загружен в те дни, как Павел Петрович.

В ССП к тому времени произошли некоторые организационные изменения. Генеральный секретарь ССП СССР А. Фадеев, приехав ненадолго в Свердловск, предложил для руководства писательской организацией создать бюро из трех человек. В бюро вошли: П. Бажов, А. Караваева и Л. Кассиль. На общем собрании писателей А. Фадеев сказал, что писатели должны активизироваться. Голос писателя должен быть слышен всюду. Писатели нужны для радиовещания, корреспондирования в центральные газеты, для корреспондирования за границу.

В ССП стало шумно. Широкую деятельность развернул отдел пропаганды художественной литературы. Увидев, что отдел чрезмерно налег на платные выступления, Бажов сурово напомнил руководителю:

— А госпитали забыли...

Некоторые из эвакуированных писателей считали в первое время, что уральцы — народ грубый, черствый и равнодушный к тому, что происходит на фронте. Такие заявления сердили Бажова.

— Приезжие удивляются, — говорил он, — что у нас есть свет, думают, мирное настроение. А на самом деле не то. У каждого напряжение, стремление увеличить темпы. Не равнодушные, а характер. Нет мирных настроений. Лампа, умилившая А., не свидетельствует о спокойствии.

Пребывание в Свердловске большой группы квалифицированных писателей оставило заметный след в истории литературного движения на Урале.

В эти годы особенно возрос авторитет Бажова как автора «Малахитовой шкатулки» и как руководителя писательской организации. Павел Петрович успешно справлялся со всеми делами, несмотря на чрезвычайно усложнившиеся условия работы.

Шел 1945 год. Из Свердловска давно уехали эвакуированные писатели (43 человека). Творческая и общественная жизнь в местной писательской организации заметно замерла. Остро чувствовалось отсутствие ведущих уральских писателей: А. Бондина и погибших на фронтах Отечественной войны А. Савчука, В. Занадворова и И. Панова. Не было уже среди детских писателей В. Цехановича и Д. Казанцева.

Перед отделением ССП как одна из первоочередных задач встала задача расширения литературного актива. Указывая на опыт работы над тремя коллективными книгами, Бажов говорил, что многие ученые — медики, геологи и другие — пишут хорошо и по содержанию и по языку. В этом направлении и надо искать пополнение.

Заботило Бажова также и то, что писатели не поднимают в должной мере тематику тыла и бессистемно, от случая к случаю, пополняют свое образование. А работа требует системы в повышении идейно-теоретического уровня.

Так говорил Бажов на партсобрании 22 марта 1945 года в прениях, развернувшихся по отчетному докладу секретаря парторганизации О. Марковой. Выделив три очередные главные задачи, стоящие перед писательской организацией, он сказал:

— Мы должны внутренне понять, куда вести писательскую массу.

Кто-то из присутствующих сказал полушутливо, что писатели утратили живинку. Павел Петрович серьезно ответил:

— Нельзя говорить об утраченной живинке, ибо живинка еще никем не найдена. Никто из писателей не может похвалиться тем, что перекрыл высокие образцы прошлого...

Павел Петрович не любил тех, кто преувеличенно расценивал достигнутое. Неудовлетворенный малой творческой активностью свердловских писателей, он неустанно призывал их изучать жизнь.

— Вот возьмите эпоху Чехова,— говорил он.— Жизнь была проста. Помещик, чиновник, учитель. Сели за карты — удовольствие. У нас в каждом уголке идет своя жизнь, не похожая на жизнь рядом. А мы не знаем. Вот А. ездила на Уралмаш и умиляется: «Ах, болванка, ах, красные платочки?» Мы должны искать людей на производстве. Вот меня звали на АТС. Говорят, посмотрите нашу работу. Тут был начальник телеграфа. Он говорит: «У нас лучшее в Союзе оборудование». Вот! И вероятно, у них есть какие-то свои проблемы, что-то делают, а мы не знаем. Ведь у нас что? Мы говорим о форме: архитектора, эпитет, канцоны и всякое другое. А не спрашиваем, что ты новое открываешь, какой материал знаешь, куда зовешь. Вот К., я не знаю его вещь. Но я чувствую — он что-то хочет сказать, он с этим пришел. Ему надо сказать! А наши стихотворы, ведь эпидемия. Только и знают, что рифмуют: «мята-вата-мягковата». К чему это? (IV—44 г.).

25 декабря 1948 года в Свердловске состоялась межобластная конференция уральских писателей. Впервые после разделения Уральской области, т. е. через четырнадцать лет, писатели, живущие и работающие на Урале, съехались в Свердловск, чтобы поговорить о своих общих литературных делах и перспективах дальнейшего развития. Молотов, Челябинск, Курган, Чкалов прислали в Свердловск своих представителей. Из Москвы прибыла делегация писателей и критиков во главе с П. Ф. Нилиным.

Старейшим среди нас был Павел Петрович. К нему как литературному наставнику и руководителю тянулись все литераторы. Он лично знаком был с каждым.

Зал Дома литературы и искусства на Пушкинской улице был переполнен.

Из-за стола поднимается Павел Петрович. Его голос, как всегда, негромок и проникновенен. Он говорит о том,

что составляет предмет его давних размышлений: об Урале и показе современного человека.

— У нас очень часто слышны такие понятия, как «уральский язык», «уральский говор», «уральские обычаи», даже «уральский характер». Не приято, конечно, заниматься мелкими фактами, но разрешите мне по-стариковски опереться на костылек живых примеров, что мне поможет пояснить свою точку зрения на это.

В годы эвакуации у нас было расквартировано много высококвалифицированных людей по селам Уральской области. Один из таких специалистов языка, живший не то в Бисерском, не то в Ачитском районе, прислал мне целый словарик уральских слов, которые он там записал. Я тогда видел лучше, чем теперь, мог работать со словарем и не поленился, сличил этот словарь со словарем Даля и оказалось: из 140 слов, присланных мне, как уральских, 138 имеются в словаре Даля. Причем у Даля точно отмечено, какого происхождения слово — архангельское, астраханское, псковское, или владивостокское. Словом, указаны все источники слов, и только два слова я не встретил у Даля и то таких, которые обозначают народные словообразования, понятия, недавно вошедшие в обиход; например: «молоканка», «сепаратор».

Это говорит о том, что в конце концов уральский язык есть сложение языков русского народа разных его областей.

Если мы такому же анализу подвергнем наши обычаи, не только городские, но и заводские, то увидим, что понятие «уральский» — это понятие русского народа, очень пестрого, сложного.

Маминские «три конца» — туляцкий, кержацкий и украинский, в сущности говоря, у нас, на Урале, укоренились везде, причем не обособленные концы даже, а более перемешанные, и каждый из них от другого что-то заимствует в обычаях, правах, языке.

До сих пор у нас фигурирует так называемая уральская экзотика. Нет-нет и увидишь где-нибудь погуливает уральский медведь в таком месте, где и кроты-то не водятся, потому что тут большое строительство. Эта склонность иногда приводит к большому конфузу.

Иногда пишут — построили город на диком месте в глубине уральской тайги, а имеют в виду Карпинск, где еще сто лет тому назад в семье горного инженера

родился президент Академии наук советского периода А. П. Карпинский. Получается конфуз.

В других случаях, особенно газетчики, пишут, дескать, появился совершенно новый город на диком месте, а это дикое место оказывается родиной изобретателя радио Попова. Опять получается конфуз.

Павел Петрович откашливается, отпивает глоток воды из стакана. Ему трудно долго говорить. Но он не сказал и четверти того, что думает. Снова звучит его голос.

Разобрав и откинув превратные представления об Урале, он вскрывает истинную характерность своего края. Он видит ее прежде всего в том, что здесь, на Урале, зародилось горное дело — событие большого государственного значения. Здесь же «организовалась по-другому обработка металла, представляющая уже следующую ступень мануфактуры. Здесь же организовались заводы».

— Мы часто эту сторону дела упускаем. Надо заметить, что это нужно нам не как история, нам нужно это как современность.

Бажов обзревает далее литературу об Урале и приходит к заключению, что настоящих больших «полотен на уральском материале мы пока не имеем. Появляется кое-что, мелькают надписи, что это было там-то, на таком-то заводе, но эти надписи никого не устраивают, а скорее огорчают.

После этого вступления Павел Петрович переходит уже прямо к изложению своей любимой темы.

«Изучение почвы, на которой живут и работают уральские люди, — это тоже большое дело. Возьмем производство металла. Ведь за триста лет люди накопили немало опыта, но они не умели по-настоящему его передать. Но там, где к этому богатству подходили достаточно внимательно люди, там просто делали поразительные открытия. Вот, скажем, профессор Грум-Гржимайло, человек известный, он в своей книге так и записал, что... «я только объяснил, уточнил и научно обработал тот материал — о тепловых свойствах газов, который я получил от нижнесалдинского рабочего...»

Другой не менее видный, даже более видный академик Павлов, который изучил доменное производство не только нашей страны, но и всего мира, дает такой вывод: «Я, говорит он, никогда не пытался видоизменить что-

нибудь в производстве кровельного железа и уверен, что никто на это не решился бы, т. к. этот процесс разработан на Урале давно, ведут его опытные люди, и он широко распространен по всему Уралу». И это качество кровельного железа — староуральского, таково, что даже тогда, в конце прошлого столетия и начале этого, наше уральское железо вывозилось в Америку, которая считалась более передовой по металлургической технике, но она вывозила это железо, потому что не могла без него обойтись.

В другом месте Павлов отмечает, что домны, строящиеся тогда, считались первыми в мире по величине и что о качестве судят по уральскому металлу. Значит, этот опыт представляет собой большую ценность, а главное, — то, что ведь триста лет люди воспитывались в труде, у них имелись трудовые навыки, изобретения и трудовые традиции. Изучая их, мы связываем прошлое с настоящим, и это должно дать нам возможность более полно и полномерно изобразить современного человека.

Конечно, одного исторического материала не хватает. Нас режет то, что мы иногда не учитываем изменившихся обстоятельств самого производства. Если раньше, скажем 30 лет тому назад, производство велось более упрощенно, неизмеримо более упрощенно, то теперь оно усложнилось, расслоилось и изучение каждого отдельного агрегата требует не просто обзора, а именно внимательного изучения, и только тогда, когда людей изучишь именно в их производстве, только тогда они и могут зазвучать в нашей литературе.

Поэтому я, товарищи, в своем вступительном слове хотел обратить внимание именно на то, что нам, уральцам, живущим в таком краю, который представляет собой какой-то русский концентрат, представляет собой сокровищницу накопленного опыта, больших традиций, нам надо с этим считаться, это усилит наши позиции в показе современного человека.

Что же касается того, как изобразить современного человека, мне думается, что здесь главная наша задача — более внимательное, более упорное разглядывание деталей самого производства, знакомство с людьми, которые в этом производстве находятся. Мне думается, что только в этом случае нам удастся создать полотна, достойные нового Сталинского Урала.

На этом Павел Петрович кончил свою вступительную речь.

С отцовской внимательностью, ответственного за все происходящее в семье, следил он за ходом прений, начавшихся после обзорных докладов. Когда один из выступающих попытался обособить челябинских поэтов от остальных поэтов, Бажов тотчас остановил его:

— Надо бросить деление на челябинцев, молотовцев и т. д., иначе мы вместо объединения можем пойти по линии разъединения.

Павел Петрович мог бы и не участвовать в секционной работе, развернувшейся на конференции. И без того у него много было хлопот. Бажов, однако, считал нужным прийти на некоторые обсуждения, где нужна была его помощь. И мы знали, что он не даст напрасно обидеть ни одного писателя.

Молодой писатель В. по неопытности взялся за обработку исторически недостоверных преданий. Павел Петрович мягко указал ему на исторические несоответствия.

— Для такого рода вещей, — сказал он, — необходимо глубокое изучение исторического материала. Без этого все повиснет в воздухе.

На одном из заседаний секции разгорелся жаркий спор вокруг очерков Б. Рябинина. Его давно упрекали в фотографичности, бесстрастной подаче материала. Один из товарищей стал утверждать, что Рябинин и в дальнейшем будет так же писать.

— Ручаюсь!

Бажов нахмурился при этих словах.

— Самое страшное, — сказал он, — что вы ругаете его за будущее.

Он не оспаривал недостатков в очерках Рябинина.

— Их у него полным-полно, но... Я ценю, что Борис Степанович, побывав в командировке, привозит пятнадцать тем, а другой съездит и полтемы не привезет. У него это ценное качество. Вот он написал о Сосьвинских электростанциях — подача газов. А до Сосьвы не легко добраться. В. Н. Немировича-Данченко ругали за его очерки больше, чем Бориса Степановича, а теперь читают как очень важный исторический документ. Не обязательно «многосторонника» ориентировать на глубокий показ. Надо только, чтобы его «широкоглазие» не кидалось на мелочи.

Конференция закончилась на пятый день. Павел Петрович подводил итоги.

— Конференция показала,—сказал он,— вы уж извините меня, общую нашу слабость. Идеино-художественными вещами мы не блеснули. Надо расширять кадры, поднимать работу... Нас режет отсутствие критики. Это просто стыд!.. Нет драматургии. На все пять областей у нас нет ни одного члена, у кого бы хоть одна пьеса была на подмостках.

В заключении он снова повторил те же мысли, что были во вступительном слове.

— Мне, как уральскому старожилу, хочется напомнить вам, что особенности того производства, в котором мы с вами живем и работаем, нас заставляют серьезно и углубленно изучить это производство. Я считаю, что недостаток показа людей прежде всего зависит от того, что мы их надлежащим образом с корнем не берем, мы берем пока с поверхности. А при условии изучения героя и глубокого его показа он будет звучать и в масштабах страны и в то же время будет показано то место, откуда он произошел, но без специальных географических надписей. Я хотел бы, чтобы у нас было меньше географических надписей, но больше глубокого изучения человека в его производстве.

Это был последний наказ Павла Петровича уральским писателям. Наказ мудрого наставника, большого мастера слова, ни на один день не порывавшего тесных связей с трудовым народом.

Б. С. Рябинин

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ

1

Летом 1939 года мне довелось сопровождать Павла Петровича Бажова в поездке на его родину в Полевской район. Павел Петрович ехал туда после долголетнего перерыва. С волнением и живым интересом всматривался он в каждую деталь, сравнивая с тем, что было раньше, философски осмысляя многие мелочи, которые прошли бы незамеченными мимо другого. Незадолго перед тем общественность Урала широко отметила 60-летие старейшего уральского писателя; Павел Петрович был полон творческих замыслов и планов, стремления реализовать их, ехал с намерением воскресить в памяти потускневшие от времени наблюдения ранних лет, набраться новых впечатлений.

Все чаще и чаще поглядывает Павел Петрович в окно, наконец, негромко произносит: «Сысертская дача пошла».

Смотрю по направлению его взгляда, но никаких особых признаков Сысертской дачи не вижу. Все тот же пейзаж, почти не изменяющийся от самого Свердловска: лес, перелески («колки»), кой-где небольшие лесные пашни, время от времени — неглубокие зеленые лощины. Но вскоре названия разъездов подтверждают, что, действительно, «пошла» Сысертская лесная дача.

На соседней скамье, за спиной Бажова, двое пассажиров — по виду колхозники — оживленно рассуждают о золотом самородке, найденном незадолго до того в здешних местах. Павел Петрович давно уже с интересом прислушивается к их беседе, неторопливо покуривая папиросу.

— Ведь уж все кругом ископано было, перешеек маленький остался. Тут и накопились... Только лопатой ковырнули, и готово!

Павел Петрович, не выдержав, оборачивается:

— Велика ли находка?

— Тринадцать семьсот.

— Славно. Где нашли?

— В Косом Броду.

— А вы сами-то откуда будете? — поинтересовался он после непродолжительной паузы.

— Из Полевского.

— Из Полевского? — оживился Бажов. — Ну, что, как он? Изменился?

— Да есть кое-что. Криолит, завод большой. Гумёшки, говорят, разрабатывать опять хотят. Домов новых построили, стадион. Церква-то знали, где стояла?

— Знал.

— Ну, так тут, около этого места, стадион нынче...

Павел Петрович докурил папиросу, молчит и задумчиво щиплет бороду.

Станция Мраморская. Недалеко от железнодорожной линии стоит серое каменное здание фабричного типа — мраморный завод. Когда проезжали мимо него, Бажов стал припоминать вслух:

— Старый заводик. Лет двести, не меньше. Самый тихий завод, какой знаю. Бывало, даже страшновато становилось: идешь по поселку — тихо, никого не видно... Все на заводе. А работа тихая: шир-шир по плите пилой. Придешь на завод, а там: сам — тешет, сама — вертит, ребята — ширкают. Работали целыми семьями. Двести лет камень тешут... А жили бедно, даже собак не держали, кроме попа мраморского, — тот здорового волкодава кормил.

На станции Сысерть Павел Петрович вышел, походил по перрону и, возвратившись, сообщил, что станция, пожалуй, не изменилась...

Езда не дальняя, — от Свердловска до Полевского по прямой не более шестидесяти километров, — но Баждова «разбирает» нетерпение, хотя он и старается не показывать этого.

— Вот они, Гумёшки, смотрите! — спешит показать он в окно.

Поезд медленно подтягивается к остановке. За окном

видны обширные, заброшенные выработки. Там и сям торчат треногие буровые вышки. За ними, вдали — поселок у подножия невысокой облысевшей горы. По другую сторону железнодорожного полотна дымит большой, обнесенный забором, завод.

Выходим из вагона. Павел Петрович на ходу осматривается и вполголоса бормочет:

— Изменилось, изменилось... Неузнаваемо стало...

* * *

О своем приезде Павел Петрович никого не предупредил, нас никто не ждал, не встречал. Наняли возницу с лошастью, погрузили в телегу чемоданы, сели сами, и незатейливый экипаж загремел по нескончаемой, вытянувшейся в ниточку, главной улице поселка.

Примерно на половине пути седоусый возница обернулся:

— Вы у нас бывали? Я как бы видел вас...

— Бывал, — отозвался Бажов. — Давненько уж.

— Я и не говорю, что вчера. Не вчера родился.

— Да и я не вчера, — с юмористической серьезностью возразил Павел Петрович. — Вижу по усам, с кем имею дело.

Когда телега остановилась около Дома приезжих, Павел Петрович осведомился, как фамилия возчика. Тот, в свою очередь, тоже спросил и, услышав в ответ: «Бажов», сразу оживился:

— Петра-то Васильевича я хорошо знал! Батюшку вашего. Это — шкатулка, значит... изумрудная!

— Малахитовая, — с улыбкой поправил Бажов.

— Да, да!

В Доме приезжих не оказалось ни одной свободной койки. Подвода уже уехала.

— Куда же мы теперь денемся? Лето, положим, — не замерзнем, — рассуждал Павел Петрович. — Ничего. Тут у меня один адресок есть на примете. Пойдем искать.

На главной улице поселка жил его бывший ученик Бессонов, теперь преподаватель средней школы. Остановились у него.

Встреча была сердечной.

— Павел Петрович! Сколько времени не видались! Борода-то, что же это, совсем седая стала!

— Седая, Коля, седая... Да борода-то полбеда. Вот слова захлестывает.

— Бывает!

— Бывает, конечно. Но когда часто, так начинает на размышления наводить: не пора ли с полукона бить? Это у нас так говорят, — пояснил Павел Петрович и тут же внес поправку: — Говорили. Давненько я у вас не был. С женой последний раз приезжал, сколько же прошло?.. — принялся он подсчитывать. — Девчонка младшая еще в чемоданчике была... Сейчас ей четырнадцать лет. Значит, пятнадцать прошло! Да и у тебя, гляди-ко, Николай Дмитрич, голова-то седая стает...

— Седая, Павел Петрович, да и плешивая. За сорок ведь уж стукнуло.

— Ребят-то много ли?

— Четверых рощу.

— Вот это хорошо.

Пока жена Николая Дмитриевича хлопотала у самовара, мы в сопровождении хозяина дома отправились на прогулку. Выйдя переулком на зады поселка, перешли по мостику речки и поднялись на гору Думную — ту, что видели еще со станции.

Гора увенчана памятником. Это — в память расстрелянных здесь во время гражданской войны коммунистов. На мраморном пьедестале — строгая фигура рабочего с винтовкой и молотом в руках. Статуя отлита на Каслинском заводе.

Гора невысока, пологая и без единого кустика. Там и сям из-под сухой, тонкой, выгоревшей на солнце травы высовываются острые ребра камней. Говорят, она исстари всегда была такой лысой. Но именно потому, что она открыта со всех сторон, с нее широкий вид на окрестности.

Павел Петрович сел на обломок каменной глыбы и тотчас «запалил» неизменную папиросу. Легкий ветерок обвеивает его лицо, шевелит седую бороду, раздувая синий дымок. Не так же ли сиживал здесь когда-то дедушка Слышко — Василий Алексеевич Хмелинин, по прозвищу «Стаканчик», заронивший в впечатлительную душу юного Бажова глубокую любовь к родному слову и неистребимый — на всю жизнь — интерес к народной побывальщине-легенде?

У подножья Думной струится речка Полевая. На противоположном берегу ее — огороды. К огородам вплотную

придвинулись первые дома поселка. Яркими белыми пятнами сразу бросаются в глаза две недавно отстроенные каменные школы-десятилетки и россыпь новых домов, образующих целый поселок, на окраине старого. Дальше, немного отступя от домов, начинается лес, и за ним, за-слоняя горизонт, встает Азов-гора. На вершине ее чуть видна триангуляционная вышка.

На Думной горе (1939).

Азов и Думная господствуют над всей окружающей местностью. По преданиям, обе горы раньше были соединены между собой тропой, называвшейся Азовскою. От этих основных возвышенностей по всему горизонту разбегается ряд менее высоких холмов.

Левее поселка лежит пруд. Он тих и спокоен. За прудом горизонт опять замыкается холмами. По другую сторону поселка виден завод. Он плавает в облаках дыма. Правее местность понижается к речке, и на берегу, у прудка, стоит темнокрасное кирпичное здание с большой железной трубой, а за ним — уже совсем далеко — высятся трубы еще какого-то завода, самого завода не видно — он скрыт холмами.

Солнце уже село. За Азовом рдел закат, но видимость

еще была хорошей. Сильный полевой бинокль переходил из рук в руки.

— Это — Криолит, — говорит Бажов, показывая рукой на окутанный дымом завод. — А вон то низенькое-то здание, с железной трубой, — штанговая электростанция.

— Штанговую помню.

— А то, трубы-то, Северский завод.

— Не узнать Гумёшки, — произносит Павел Петрович после раздумья.

— Ну как же, заводище здоровый вырос! — поддакивает Николай Дмитриевич.

— На Думной разведки не было?

— Не было.

— А надо бы. Пожалуй, и нашли бы что.

Помолчали.

— А Далекі в Северском живы?

— Живы.

«Далеки» — это несколько параллельных улочек в поселке Северского завода. Оказалось, что есть здесь «поганный угол» (западная окраина Полевского), «штаны» (две сходящиеся вместе улицы), «дьяконский рукав» (одно из покосных угодий) — любопытные названия, оставшиеся от давних времен. Бажов с видимым удовольствием вслушивается в эти названия, мысленно повторяет их про себя, как бы стараясь по-новому воспринять их.

Спускаемся с Думной. Из-под ног сыплются мелкие камешки. Павел Петрович, поскользнувшись, взмахивает руками, но решительно отталкивает протянутую ему руку:

— Ну-ко, ну-ко, не мешай!

— Да я сам хотел поддержаться!

— А, это можно! — И подхватил дружески под руку.

Спустившись с другой стороны горы и пройдя немного вдоль речки, вышли на плотину. У подножия ее огромная выемка с остатками каких-то строений. Здесь стоял раньше Полевской медеплавильный завод — тот самый, который фигурирует во многих Бажовских сказах, положивший начало и поселку, и вообще горному делу в здешних местах. От него сохранилось только несколько фундаментов, сваи, крохотный каменный корпус да будка сторожа на плотине с вырезанной из железа цаплей — знаком бывшего Сысертского горного округа.

— Ты эту цаплю сними, — говорит Павел Петрович, дотрагиваясь пальцем до фотоаппарата. — О ней будет особый разговор. Про нее народ даже песню сложил. Какую? А вот: «Горько, горько нам, ребята, под железной цаплей жить...»

— Ну вот, Павел Петрович, — замечает Николай Дмитриевич, — а еще жаловался, что слова захлестывает... Что-то не видно!

— Не каждый же раз. Бывает, что и ладно получается... Давно ли десятилеткой по плотине-то бегал, — задумчиво говорит Бажов, наблюдая за купающимися в пруду ребяташками.

Внезапно на площади и проезжей части плотины становится шумно, людно — повалил народ из кинотеатра. Доносится пронзительный мальчишеский голос, точно сигнал к атаке:

— Первый сеанс отпустили!

Павел Петрович чуть заметно улыбается:

— «Отпустили»... Хорошо!

Грохочет телега по деревянному настилу плотины, заглушая ритмичный шум падающей воды; вероятно, так же стучала она пятьдесят, сто лет назад; и тут же доносится фыркание мотора проносящейся по улице автомашины. На зеркальной глади воды чернеет точка — рыбак в лодке, окаменевший над своим поплавком. А над ним проплывает, быстро растворяясь в синеве, самолет, идущий курсом на Москву.

Добротный каменный дом смотрится окнами на пруд.

— Тут у нас детясли.

— Господский дом, — отзывается Павел Петрович.

— Он.

Мы идем домой. Там нас уже ждет кипящий самовар, душистый, свежей заварки, чай с молоком (по-уральски!) и горка румяных, подогретых в печке, картофельных шанег.

Кабинет секретаря райкома. Он больше похож на минералогический музей, нежели на кабинет ответственного партийного работника. Подоконники завалены образцами руд и минералов. Тут и железная руда, и искрящийся золотым блеском медный колчедан, и темнозеленые

причудливо-слоистые кусочки малахита, слюда, обломок серого зернистого мрамора на добрых три-четыре килограмма весом, керны¹ разных горных пород. В небольшом полированном ящичке, под стеклом, хранится бронзовый слепок самородка, о котором мы слышали в вагоне, — плоский, вытянутый и гладко обкатанный, похожий на неестественно громадный боб. Даже пепельницей служит кусок руды в виде пузыря!

Наш приезд совпал с большой работой по составлению материалов о естественных ресурсах района, проводившейся по заданию обкома партии и облисполкома. Материалы предназначались для отправки в Москву. Секретарь с увлечением занимался этим делом. Лично сам копался в архивах, изучал историю своего района, ездил на вновь открытые горные разработки и даже просто по геологическим шурфам, стараясь собрать как можно более полные сведения.

— Вот недавно графит нашли, асбест, — говорит он, развертывая бумажные свертки. — Качественно еще не очень высоки, но и поиски-то были самые поверхностные. Копнуть, так, может, и не то найдется.

И он стал перечислять, какие богатства еще надеется разведать в ближайшем будущем, на что, по его мнению, может рассчитывать хозяйство района впереди.

Бажов нет-нет да и задержится внимательным взглядом на собеседнике, незаметно изучая, словно прошупывая его.

Войдя сюда, Павел Петрович вначале опустился в предложенное ему глубокое мягкое кресло, но затем поднялся и пересел на стул (не любил сидеть на мягком), а спустя еще минуту встал и подвинулся к столу; одной рукой оперся о край его, а другой, поставленной на локоть, поворачивал перед глазами то, что подавал ему секретарь, — и так, стоя, оставался в течение всей беседы.

Выслушивая пояснения секретаря, он покачивал в знак согласия головой, иногда переспрашивал, что-то заносил в книжечку, которую вынимал из нагрудного кармана и тут же прятал. Порой задумывался на пять-десять секунд и опять спрашивал. Казалось, он искал что-то, известное одному ему. Попутно высказывал свои

¹ Керн — столбик горной породы, образующийся при бурении.

соображения: где, на его взгляд, возможны еще залегания того или иного ископаемого. Не забылись родные места!

Беседа заканчивается. Теперь у Павла Петровича одно желание — поскорей отправиться в объезд по району.

— В Косом Броду, в Полдневной побывайте, — чакаывал на прощанье секретарь. — Там старички много койчего сумеют рассказать. Помнят, не забыли. На Гумёшки съездите, Криолит посмотрите. Многое, пожалуй, теперь и не узнаете... На Азов тоже поедете?

— Ну как же, — отвечает Бажов. — Непременно надо съездить.

Вот и машина, вызванная секретарем, подкатила к крыльцу райкома. Едем!

С чего начать? Решили — с Азова.

Азов от Полевского завода недалеко, километров пять-шесть. Но проехать напрямик трудно, почти невозможно: лес, чащоба, болота. Пришлось — в обход, через Зюзельский рудник, расположенный почти у самой подошвы Азов-горы.

Дорога на Зюзельку вымощена камнем. Местность болотистая, покрытая чахлым лесочком.

Зюзелька — деревянный поселок, выросший в расчищенной от леса низине. Новые жилые дома обычного типа, какие можно встретить в наше время в любом молодом поселке. Новое здание рудоуправления, столовая, клуб. Новые копры шахт. Одна, действующая, шахта расположена в черте поселка. Под эстакадой грузятся рудой автомашины (железной дороги на Зюзельку тогда не было, ее построили в годы Великой Отечественной войны). Другая шахта — Капитальная — в отдалении, у леса. Она достраивалась и вскоре должна была вступить в эксплуатацию. Огромный, обнесенный изгородью пустырь между шахтами провалился в подземные выработки, образовав глубокую впадину наподобие кратера вулкана; это как напоминание о труде прошлых поколений горняков.

Рудник не молод, но жить по-настоящему начинает только теперь. Еще в 1909—1910 годах здесь существовали казармы для рабочих, в казармах — нары в два яруса. Нижние — для холостых, верхние — для женатых... Кому невогноту становилась такая жизнь, селились в Полевском и Северском. Дороги между Северским заводом

и Зюзелькой не было; ходили по двум жердям, брошенным по болоту.

До того, как был заложен рудник, по речкам Железянке и Зюзельке разрабатывался богатейший золотой прииск. Места были глухие — тайга, кругом топи, ни до-рог, ни тропинок. Отыщет старатель богатую жилу, за-приметит местность, «знаки», какие надо, оставит. На-завтра пришел — ни примет, ни «знаков»... Будто в колодец все провалилось! Так и звали эти богатые, но «заклодованные» места — «синюшкин колодец».

А почему «синюшкин»?

Там, где залегают медные руды, в сырую погоду обычно появляется синеватый туман. Вязкий, тяжелый, медленно стелется он по поверхности земли.

Хотя сказ «Синюшкин колодец» был уже закончен, Бажов продолжал очень живо интересоваться Зюзелькой, прошлое которой послужило первоосновой для создания одного из лучших его произведений. Он начал расспрашивать о Зюзельке еще шофера в машине.

Постепенный подъем на гору начался почти сразу же за последними строениями Зюзельки. Следуя капризным поворотам полевой дорожки, наш «газик» то спускается в неглубокие лощины, то продирается сквозь кусты, то лезет круто в гору. Скоро не стало и этой дорожки. Машина идет прямо по лесу, оставляя за собой глубокие колен примятой травы.

А трава высокая, местами она поднимается выше бортов. Воздух насыщен ароматом цветов и жужжаньем слепней. Слепней — мириады!

Чем дальше, тем круче подъем. На пути часто падаются огромные прелые колоды, целые стволы, поваленных бурей деревьев толщиной в два обхвата. Вот пенёк, в дупле которого могут свободно стоять два человека. Павел Петрович охотно принимает предложение сняться в дупле и, надвинув кепку глубже на глаза, чтобы не слепило солнце, весело шутит: «Вроде как леший!»

Наш водитель ловко объезжает все препятствия. Он, видимо, твердо решил взобраться на вершину Азова не иначе, как на автомобиле! Павел Петрович восклицает:

— На Азов, и вдруг на машине? Удивительно. До чего же времена меняются!

Стоп! Впереди меж стволов деревьев проглядывает что-то темное, каменное, громадное. Близка вершина — шихан. Дальше возможно только пешком.

Поставив машину в тень, лезем по тропинке куда-то вверх. Камни, шишки катятся из-под ног. Низко нависли ветви, стегают по лицу, приходится раздвигать их руками. Мелькнула и исчезла в траве змея — нето уж, нето гадюка. Не до нее: слепни не отстают, так и выются, так и жужжат окаянные!

Бажов идет в середине цепочки и только время от времени настойчиво повторяет:

— Коля, вересовник где? Палку надо!

Лишь на самом трудном участке, когда гора, казалось, буквально нависла над головой и пришлось карабкаться, цепляясь руками за острые выступы скал, он переместился из середины цепочки в конец.

Влезли. Наконец-то! Ровная площадка, много тени — кусты, деревья. Под березами избушка с дерновой крышей. В избушке ведро с водой. Напились. Вода прохладная, вкусная — ключевая.

Метрах в пяти от избушки дымит костер. Огонь едва видно в клубах сизого дыма, выбивающегося из-под дерновины, наброшенной на поленья. Две лошади стоят, поникнув мордами над костром, отмахиваются хвостами, прядут лениво ушами, щурясь от едкого дыма. Подозрительно пахнет паленой шерстью. Одна из лошадей резко встряхивается и опять лезет мордой в костер. В этом единственное спасенье от оводов. Людей — ни души.

Но это еще не вершина. Площадка упирается в скалы. На самой высокой из них — триангуляционная вышка. Это ее мы видели с Думной горы. Там — самая высокая точка Азова.

Берем последнее препятствие. Павел Петрович — замыкающим.

Вышка служит геодезическим знаком и одновременно наблюдательным пунктом лесоохраны. На ее площадке дежурный охраны зорко посматривает по сторонам. Второй дежурный бродит где-то в лесу, собирает на обед грибы и ягоды. Это их кони и избушка.

Ну, вот мы и наверху. Сколько здесь воздуха и света! Какая высота! Глубоко в зеленой долине белеют домики Полевского. Окрестные холмы с величавой высоты Азова кажутся едва заметными возвышенностями, весь рельеф

сглажен, словно по нему прошли утюгом. Плынут облака. Даль подернута дымкой.

— В ясную погоду отсюда Свердловск видно, — говорит наш проводник, служащий Зюзельского рудоуправления.

На фоне темной зелени леса отчетливо белеет тягучая, кудрявая струйка дыма.

— Не пожар?

— Не-е, — отвечает дежурный. — Поезд идет.

— А если пожар, тогда как?

— Известно, как: на лошадь и — айда вниз!

Побеседовав с дежурным, пошли полюбоваться на скалы «Ворота».

Они действительно похожи на ворота. Представьте себе две огромных каменных глыбы, поставленных «напопа»: одна против другой. Между ними — узкий проход метра в три шириной. Это своеобразный перевал через Азов. Темный окрас камней эффектно контрастирует с изумрудной, залитой солнцем зеленью травы и кустов.

— Не здесь ли девка-Азовка гостей принимала? — шутил Павел Петрович. — Эй, где ты? Откликнись! Покажись!

Устные предания, передаваемые от отца к сыну, от сына к внуку, упорно сходятся на том, что раньше на Азове были пещеры. Сейчас на Азове нет никаких пещер, нельзя установить даже, где были входы в нее, если они были вообще... Можно, конечно, допустить, что все они завалились со временем. Во всяком случае, по мнению геологов, если пещеры и существовали, то они могли иметь только искусственное происхождение, так как породы, слагающие гору, не допускают образования больших пустот естественным путем.

Как бы то ни было, но неоспоримо одно: Азов-гора всегда занимала видное место в устном народном творчестве Урала, и это, очевидно, имело свои корни.

В старину через Азов шла тропа в Сибирь. Во времена Грозного этот путь связывал Сибирь с Уфой. По этой тропе двигалась камско-чусовская вольница. Эта же тропа служила для пересылки воевод, снаряжения, воинского пополнения. Несомненно, характерный и видимый издалека профиль Азова был приметным пунктом — «маяком» — на этом историческом пути через завоеванные, но

неосвоенные еще земли, покрытые дремучими лесами и таившие на каждом шагу много опасностей. Весьма вероятно, что некоторые из удальцов находили временный приют на Азове. Все это порождало новые сказания и легенды о горе. Можно предположить, что первыми смельчаками-землепроходцами было принесено и это название — Азов, более характерное для южных земель России, нежели для Урала.

Естественно, что такой вдумчивый и тонкий художник, как П. Бажов, посвятивший всю свою жизнь собиранию народных дум, не мог пройти равнодушно мимо темы Азов-горы. На материале преданий об Азове построен один из самых первых его сказов — «Дорогое имячко». Долгое время Бажов ставил его в «Малахитовой шкатулке» головным. Открывая им книгу, писатель, повидимому, специально хотел подчеркнуть фольклорные истоки своего творчества, его тесную связь с историей края.

Бажов говорил:

— Всякая легенда — не случайна. В них народ высказывался. Либо это — его желания, мечты; либо — отзвук каких-то давно прошедших событий; либо — попытка по-своему объяснить недоступные уму тайны природы; а иногда — всё вместе. Дело литератора, фольклориста — отыскать это зерно, правильно понять, объяснить его. Сказки не для одной забавы складывались. В настоящей, нефальсифицированной сказке обязательно есть народная мудрость и скрытый смысл, по-ученому — подтекст.

Помню, как ликовал Павел Петрович, когда на Азове действительно обнаружились интересные находки. Сталось это вскоре после нашей поездки в Полевское¹.

— Слышал? — говорил он торжествуя по телефону. — Нашли ведь! Не зря, стало быть, толковали о старых людях да о кладах, зарытых в горе. Не зря! — И немедленно вновь поехал в Полевское, чтобы самолично убедиться в достоверности фактов, сообщения о которых вскоре проникли и в газеты.

А нашли вот что.

После выхода в свет «Малахитовой шкатулки» интерес к Азов-горе резко повысился. Ее стали часто посещать

¹ Поездка происходила в июне, а в августе были сделаны находки на Азове.

экскурсии школьников и взрослых, большие группы туристов приезжали издалека, чтобы увидеть эту сказочную гору. Однажды на Азов поднялась большая компания полевской молодежи. Вдруг видят: среди камней, в тени, под корнями сосны, поваленной ветром, что-то блеснуло. Заинтересовались, стали копать, и близко у самой поверхности нашли «клад» медных вещей, всего тридцать шесть предметов — жертвенные изображения каких-то диковиных клювастых птиц, относящихся к бронзовому веку. Позднее было найдено еще четыре предмета.

Находки вызвали громадный интерес в ученом мире. Они были отправлены в Центральный исторический музей в Москве.

Спускаемся вниз, снова садимся в машину. Мотор не включен, но автомобиль легко скользит, придерживаясь проложенной на переднем пути колеи. Но... что это? Колея исчезла. Некоторое время шофер рулит наудачу, затем резко тормозит.

— Куда? — спрашивает он проводника.

Тот долго осматривается по сторонам и не очень уверенно указывает направление. Через пять минут уперлись в болото. Взяли правее — болото. Объехали влево — опять болото.

— Вот она, девка-Азовка-то, завела да и бросила! — шутит Павел Петрович.

После подъема на Азов-гору он сдержан, молчалив более обычного. Задумавшись, он время от времени потирает свой большой выпуклый лоб, обрамленный седыми волосами.

Невдалеке завыл гудок.

— На руднике! Вон куда ехать надо, — встрепенулся проводник.

Через четверть часа мы въезжали в Зюзельку.

У маленького домика, на дверях которого значится табличка:

<p><i>1-й горноспасательный отряд, 2-й оперативный пункт при Зюзельском рудоуправлении</i></p>
--

выстроилась шеренга людей в брезентовых комбинезонах. На бойцах-горноспасателях — круглые упругие каски, за спиной блестящие кислородные приборы-респираторы;

гофрированная трубка респиратора подведена ко рту для дыхания, на голове — лампочка-фонарик.

Командир отряда — высокий татарин — внимательно проверяет исправность снаряжения каждого бойца. Это — проверка перед тренировочным спуском в шахту. Этого не было на старом Зюзельском руднике. Да, пожалуй, и на всех старых рудниках Урала.

Павел Петрович следит за горноспасателями долгим, внимательным взглядом, пока они не скрываются из вида.

Пока мы поднимались на Азов, в Зюзельке успели подготовиться к встрече. В клубе полно народа (как раз кончилась смена). Все ждут Бажова.

На сцене цветы; над сценой, на большом кумачевом полотнище, четкая надпись: «Привет нашему знатному земляку — писателю сказов народных — Павлу Петровичу Бажову».

Появление Павла Петровича было встречено продолжительными аплодисментами. Он растроган, смущен этим приемом. Особенно смущает его надпись на полотне.

— Ну, право... ну, что это?.. нет, верно, зачем?.. — бормочет он, усаживаясь в президиуме.

Девочка татарка поднесла дорогому гостю букет полевых цветов (успели сбегать за цветами!), сказала приветствие сначала по-татарски, потом по-русски. Павел Петрович слушал, поднявшись на ноги, склонив голову немного вбок и глядя куда-то перед собой.

Приняв цветы, он сказал:

— В альманахе «Уральский современник» скоро будет напечатана сказка «Синюшкин колодец». Это будет мой ответ зюзельским пионерам.

Потом он заговорил о... мечте. По началу речь казалась несколько отвлеченной, но как-то незаметно она перешла на вещи близкие, понятные каждому. Павел Петрович говорил:

— Мечта у человека существует с давних времен. А мечта — она, ведь, далеко уведет, если за нее бороться! Ленин говорил: «Надо мечтать!» Но раньше каждый мечтал в одиночку, потому и толку не получилось. Вот, к примеру, я сейчас ехал и видел: занимаются горноспасатели. Хорошо. А раньше это увидел бы? Не увидел. Случилось несчастье в шахте — пропадай. Теперь — совсем не то. А ведь это была тоже мечта, чтобы труд был

безопасным. Мечтали о разном, а все сходилось в одной точке — в вопросе о счастье народа. Отражение такой мечты есть в каждом сказе, легенде. В одной из легенд об Азов-горе говорится о том, что есть такое имячко, перед которым откроются все сокровища, скрытые до поры до времени. И не только сокровища земных недр, но и сокровища человеческой души. А это важнее. Теперь мы знаем такое имячко: партия, коммунист. Большевицкая партия организовала народ на борьбу и привела к Великой Октябрьской социалистической революции, которая дала народу счастье. Партия научила нас и мечтать так, чтобы мечта становилась явью, сбывалась. И чтобы каждому от этого становилось лучше....

Под конец он сказал:

— Вот и у меня есть мечта: написать книгу о современных уральских мастерах, показать труд рабочего человека в наши дни...

После собрания он спросил:

— Ну, как я говорил? Ладно, что ль?

3

Следующий день посвятили осмотру Криолитового завода («Криолита», как все говорят здесь) и Гумёшкам. С нами поехал старый знакомец Бажова Дмитрий Александрович Валов, председатель Полевского райисполкома, человек еще сравнительно молодой, беспокойный, ищущий и, как все полевчане, влюбленный в свой край.

О приезде Бажова знали (видимо, предупредили из райкома). Машина не успела остановиться у подъезда заводоуправления, как на ступенях появились представители администрации, парторг, один из членов завкома.

В коридоре заводоуправления было необычно оживленно — ждали Бажова; всем хотелось видеть его.

В кабинет директора явился, вызванный секретарем парткома, один из местных старожилов.

— Познакомься, — сказал директор. — Это товарищ Бажов.

— И я Бажов.

Оба Бажовы и оба полевские.

— Может, родня? — поинтересовался парторг.

Сейчас же между двумя Бажовыми завязался оживленный разговор, в течение которого были припомнены

Савельичи, Ивановичи, Васильевичи, после чего Бажов-местный объявил:

— Нет, я другого колена.

В сопровождении Валова и одного из инженеров мы отправились по цехам.

Путешествие по заводу длилось больше двух часов. Здесь вырабатывался криолит (в переводе с греческого значит «ледяной камень»), продукт необходимый для расплавления глинозема — белой окиси алюминия, из которой получают металлический алюминий. От старого химического завода, построенного в 1908 году Злоказовым и вырабатывавшего серную кислоту, осталось лишь одно воспоминание.

Павел Петрович очень внимательно знакомился с производством, стараясь постигнуть все тонкости. Реплики, которые он время от времени подавал, свидетельствовали, что он отлично разбирается в химическом процессе.

В одном месте он сказал Валову:

— Вот, Дмитрий Александрович, плавиковый шпат надо бы найти.

Тот ответил, как о деле, давно решенном:

— Найдем.

Плавиковый шпат — один из основных видов сырья — привозился издалека.

Бажова заинтересовала плавиковая кислота — тяжелая, бесцветная, стекловидная жидкость, которую «не держит» ни стекло, ни свинец, ни железо, только — парафин. Она без запаха и вкуса. При производстве ее выделяется газ, не опасный для людей, но входящий во взаимодействие со стеклом. От этого во всех домах — поселка стекла в окнах — матовые, во всех цехах — матовые электрические лампочки.

Бажов внимательно слушал рассказ о тех защитных мероприятиях, которые приняты на всех заводах с вредным характером производства. Каждый раз он делал энергичный кивок головой, выразительно говоривший: правильно, так, иначе и не должно быть.

Под конец он неожиданно заявил:

— А ведь это похоже на литературный процесс: механическая смесь различных компонентов должна войти в химическую реакцию и дать нечто совершенно новое, не похожее на старое. Что, скажешь, не так? — И прибавил через минуту: — Всё в писательском котле должно

перекипеть так, чтобы получилось новое качество. Только тогда можно говорить о творчестве.

Путешествие по заводу утомило его. «Ноги у меня устали», — пожаловался он. Но усталость как рукой сняло, когда мы вышли на Гумёшки. Завод занимает часть этого знаменитого урочища, прозванного в старину «медной горой», и потому-то Павел Петрович повторяет в сотый раз:

— И это — Гумёшки? Неузнаваемо изменилось...

Сразу от завода местность на большом протяжении изрыта, всклокочена так, что не узнать, какой она была первоначально. Центр урочища занимает громадная выработка, в которой свободно поместится Криолитовый завод со всеми его цехами. Один край выработки зарос сорной травой, другой, противоположный, служит местом свалки огарков с «Криолита». На дне образовалось глубокое озеро. Вода в нем изумрудно-зеленая — ну, точь-в-точь малахит!

Несколько отступая от этой основной выемки, в разных местах видны буровые разведочные вышки. От ближайшей из них доносится металлическое звяканье — идет бурение.

Около озера сохранились остатки заброшенной шахты: полузасыпанный землей и мусором ствол со следами деревянного крепления, развалившийся тяговый барабан — ворот для подъема из шахты. Эти любопытные образцы техники прошлого — живое напоминание о минувшей жизни и славе Гумёшек.

В день нашего посещения на выработках встретились комиссия из инженеров, геологов, приехавших из Свердловска и Москвы, и группа старейших жителей Полевского. Встретились, чтобы решить дальнейшую судьбу Гумёшек.

Ведь не выработано богатство Гумёшек. Разведочное бурение показало, что руда лежит здесь, дожидается, когда ее отправят в раскаленные желудки ватержакетов и отражательных печей. Взято лишь то, что было наиболее доступно, легко взять. Лежит медь и под Северским прудом; может быть, когда-нибудь придется его спустить. Миллионы тонн медной руды хранят Гумёшки и соседние с ним месторождения. Настоящая, по-советски экономичная и эффектная разработка их — только вопрос времени.

Богатейшей шахтой на Гумёшках была старейшая, Георгиевская. Ее и искали с помощью стариков. Долго ходили от одной заброшенной шахты к другой, спорили, судили-рядили.

— Раньше лес для крепления брали лиственный, — лиственницу, стало быть, которая в воде долго дюжит. А как разбирать начнут, наверх подымут — так и готово! Солнце охватит — она сразу трухнуть начнет, потому что всю силу в землю да в воду отдала...

Это новое оживление на Гумёшках безмерно радовало Бажова. Он тоже походил со стариками, тоже подавал советы, где лучше искать, откуда начинать откачку старых шахт.

Поразительны были охват наблюдений и зоркость глаза Павла Петровича. Кажется, весь погружен в рассматривание старой «листвяной» крепи; в это время неподалеку, на отвале взметнулся густой, жирный, черный столб сажи, дыма. Немедленно следует реплика:

— Сколько выпускать в воздух! Что они — не видят?

Потолковал с мастером буровой, высказав по пути свои соображения насчет возможных результатов бурения, о том, где, на его взгляд, лучше бурить, чтобы результаты были значимее.

— Сегодня лекция, — прощаясь, сказал мастер, уважительно глядя на Бажова, в речах которого он чувствовал знатока-горщика.

— Что вы, какая лекция! Беседа хоть! — отозвался Павел Петрович.

Речь шла о беседе, на которую по просьбе Павла Петровича пригласили большую группу рабочих завода и геологоразведки.

Изменения, которые он обнаружил на Гумёшках, нашли свое отражение в небольшой записи «На том же месте», а затем в очерке того же названия в образе «советского старичка» — пенсионера и — в противопоставлении ему — «безвредного старичка» прошлого. Короткая, по существу почти хроникёрская, зарисовка эта замечательна тем, что очень скупыми, лаконическими штрихами (что характерно для всей творческой манеры Бажова) убедительно изображено огромное расстояние между тем, что было когда-то и что стало теперь.

На следующий день с утра отправились на Северский завод.

Сейчас, в дни, когда пишутся эти строки, бывшая «Северка» — вполне современное предприятие. В годы, последовавшие за победоносным окончанием Великой Отечественной войны, в Северске пущены цехи белой жести, оборудованные по последнему слову техники, совершенно изменившие лицо завода, насчитывающего более двухсот лет. А тогда, в 1939 году, очень многое все еще дышало стариной.

Еще был «жив» — и даже использовался — неуклюжий и массивный подъемный кран, сделанный полностью из дерева; поднимал он до 16 тонн и приводился в движение ручным воротком. В угловом помещении одного из заводских зданий медленно покрывался коррозией ставший неупругим «швам-круг» — гигантское водяное колесо, заставлявшее действовать старинную воздухоудку. Когда-то это была передовая техника, намного обогнавшая технику Западной Европы.

Подстать ей было и мастерство людей. В кузнечном цехе нам показали бездействующий паровой молот (ныне он, кажется, убран), похожий на перевернутую римскую цифру V. На этой неуклюжей для современного глаза машине виртуозно работали крепостные мастера.

После обхода завода в конторе, в помещении парткома, состоялась продолжительная беседа Бажова со старейшими северскими рабочими. Прошла она очень живо. Касались, главным образом, периода концессии, когда на заводе было засилье иностранцев, которые душили всякую свежую мысль и не давали развиваться предприятию. Период хозяйничания «Лена-Голфилдс-Лимитед» — акционерного общества с английским капиталом — был в истории завода самым тяжелым. Перед уходом концессионеры пытались разрушить завод. Помешали рабочие.

Вспомнили и про то, как в годы гражданской войны, в 1918—19 годах, на головы неугодных заводскому начальству рабочих обрушились репрессии озверелых колчаковцев. Расстреливали десятками, спускали живьем в стволы шахт. Заброшенные шахты Гумёшевского рудника и Северский пруд стали могилой для многих передовых рабочих.

Вспоминали и более глубокую старину (о ней было слышано от отцов, дедов), но именно — только вспоминали.

Когда возвращались обратно, шофер неожиданно сказал:

— Ну, теперь поедem трость искать. — И свернул с дороги в лес.

Оказывается, он не забыл, что Павел Петрович всё хотел вырезать вересковую трость «потолще», да никак не попадался подходящий вереск.

Через четверть часа в руках у Павла Петровича была свежесрубленная «трость», которой свободно можно было оглушить человека. Подавая ее, шофер сказал:

— Вот вам, Павел Петрович прямая и толстая, какую вы хотели. Жидка, кажется, только? Гнется?

Бажов был тронут подарком, а больше того — вниманием.

— Палка из родных лесов, — повторял он, потрясая ею с довольным видом. — А что? Вы знаете, какое это дерево? Кремень! Когда высохнет, так затвердеет — никакой нож не возьмет!

Точно так же радовался он подарку рабочих Артинского косного завода — набору иголок, освоенных в производстве коллективом завода. Иголки самых разнообразных размеров и форм — кажется, их было двести штук или что-то около того — были аккуратно наколоты на два складывающихся в виде книжечки листика толстой чертежной бумаги. Павел Петрович любил показывать этот, на первый взгляд не заключающий в себе ничего особенного, подарок.

— Ведь вот знали, что подарить! И размерами не велико, а приятно. Поглядишь — и сразу представишь, чем люди занимаются... Кажется — иголка: чего в ней? А — не простое дело!

Заглянули на Церковник, — есть такое урочище в окрестностях Полевского. Проводником — Валов.

— Скоро в отпуск пойду, — говорит Валов, предвкушая рыбную ловлю и охоту, и тут же добавляет: — Берильевую руду найду. Один человек свезти хотел. Эх, лес — душа моя! Если в лесу раза три не переночую, буд-то и лета не видал!

— Про плавиковый шпат не забудь, — напоминает Павел Петрович. Валов утвердительно кивает головой.

Бажов отлично знал отца Валова, старого полевского золотоискателя и рабочего завода. Спрашивает:

— Сейчас-то где? Жив?

— Председательствует в колхозе.

Машина останавливается. Впереди завал, проезд закрыт. С обеих сторон возвышается сплюснутая стена молодого осинника, ольхи, березы; над головой щебечут птицы; блестит роса на листве. Валов выскакивает из машины:

— Дай оглядеться. Ключ должен быть... — Потом решительно бросает: — Пошел на розыски. Кричать буду, значит ехать надо!

Уходит, долго не возвращается.

— Сколько лет здесь не бывал, — произносит Павел Петрович. — А помню, все избегано было...

У него отличное настроение, и он часто шутит, оставаясь серьезным в то время, как другие смеются. Задержка не огорчает, а веселит его.

Издали доносится крик:

— Нашел ключ-от! Напился-а-а!

...Вот, наконец, Церковник. Небольшое лесное озерко, заросшее осокой и рогозом. На воде плавают кувшинки, в воздухе шуршат стрекозы, перепархивают бабочки. Неподалеку скалистое нагромождение каменных глыб. Цепляясь корнями за трещины в камнях, тянутся вверх стройные молодые сосны.

Озеро искусственное. Образовалось на месте выработки: мыли золото. По свидетельству старожил, все, кто работал здесь, должны были отчислять 40 процентов от добычи на постройку церкви. Церковь не построили, деньги, конечно, исчезли. Прииск заглох. Так и осталось, как память об этом жульничестве, название «Церковник»...

Всюду, куда бы ни поехал здесь, натыкаешься на следы заброшенных старательских работ, на заросшие отвалы «пустой» породы, рывины и ямы искусственного происхождения. Есть и свежие — золото продолжают «мыть» то там, то сям.

В лесу, в глухомани, старые шахты — место изуверской расправы белогвардейцев в годы гражданской войны с революционными рабочими. На опушке — скромный мраморный обелиск. А через километр, в низинке, приютилась промысловая фабрика. Поодаль от нее старатели

крутят вороток над шурфом. У самой дороги лежит пузатый тяговый барабан (их еще применяют некоторые старательские артели там, где золото залегает на большой глубине) и — еще что-то такое, в чем разберешься не сразу.

В земле, рядом с дорогой, выкопано неглубокое, но вместительное квадратное углубление. В нем лежат два бревна. Концы их соединены поперечинами, а под середину подсунута толстая железная труба, так что бревна образуют подобие какого-то неуклюжего коромысла. На одном конце этого коромысла сделан мостик, на котором может свободно уместиться телега, на другом конце, на жердях, навалена куча камней и несколько гирь. Уж не весы ли это?

И впрямь весы. Старинные, сделанные по дедовским образцам, старательские весы для взвешивания руды.

— А ну-ко, попробуем взвеситься! — сказал Павел Петрович, ступив на мостик. Мостик даже не дрогнул.

Встал второй человек — тот же результат. Третий о бок с первыми двумя — и после этого коромысло даже не качнулось.

— Да-а, — задумчиво протянул Павел Петрович. — Тут надо грузовик ставить, тогда, возможно, почувствуется... Хотя, пожалуй, большей точности и не требовалось!

...К вечеру, на закате солнца, мы — в деревне Полдней.

4

В районе Полдней, — истоки реки Чусовой. Только не узнать ее здесь: тиха, смирна, ни скал-«бойцов», ни стремительных «переборов». Русло узкое, заиленное, невысокие берега густо поросли кустарником.

Деревню Полдневую можно смело назвать родиной старательства. По возрасту она старше Полевского и первоначально была построена как крепость. В старину тут старательствовали все от мала до велика. Не забыт этот промысел и сейчас. Полдневая за свою почти трехвековую историю дала стране немало благородного металла, драгоценных камней, других полезных ископаемых.

Старательство далеко не всегда вызывалось стремлением найти «фарт», разжиться. Чаше всего причина была куда более будничной и простой: «как есть нечего, так

и пошел по огородам золото добывать» (Бажов). Такое положение сохранялось вплоть до Октября семнадцатого года.

К нашему приезду в сельсовете собрались сплошь старатели: кто в прошлом, кто в настоящем. В подавляющем большинстве люди в годах, с бородами. Уселись с достоинством вокруг стола, сдвинулись поплотнее и выжидающе умолкли, поглядывая на Павла Петровича: с какого-де краю беседу начинать?

Разговор начался с хризолитов¹. Близ Полднейвой находились хризолитовые прииски, едва ли не единственные на Урале. Один из старателей, возрастом старше других, принялся рассказывать:

— Крадче² добывали. Запрещали хризолит-то искать. А все равно робыли. Ночью робыли, а днем в горах скрывались. Лесники нагонят, кричат: «Вот они!» — и давай дуть! Изобьют до крови. Телеги, снасть изрубят. Почитай, все село пересидело в тюрьме за хризолит.

— О долгой груде расскажи, — подсказывают сидящие.

— Что за «долгая груда»? — настораживается Павел Петрович.

Он сидит в центре живописной группы. Крепкие, здоровые, выдубленные на ветру лица; бороды с проседью, чисточерные, рыжие («черемные»); выгоревшие на солнце волосы, подстриженные по-старинке, в скобку, глаза хитроватые, по которым ничего не прочтешь, в мелкой сетке беловатых морщинок; в глубине зрачков прячется природная сметка, практический ум; руки у всех заскорузлые, узловатые, в поры кожи въелась несмываемая ничем чернота.

Павел Петрович среди них — как председатель этого необычного собрания. Знакомая книжечка-блокнот выложена на стол и раскрыта на чистой странице. Рядом карандаш.

— «Долгая груда», — объясняет рассказчик, — это тридцать четыре человека решили друг за друга держаться, робить вместе, открыто, никого не бояться, — артелью. А нарядчики — с ружьями. Стрелили — одного ранили. Народ разбежался. Нарядчиков много, человек

¹ Научное название — демантоиды.

² Крадче — украдкой, тайком (уральское).

восемнадцать. Ну, целая война у нас с ними получалась. Народ тоже стал постреливать ночами в избу, где нарядчики жили... Они тут же и жили. Загораживались они железными листами. Ну, постреливали. Этим и выжили их.

Он умолкает, ожидая, когда карандаш перестанет двигаться по бумаге, глядя на него строго, понимающе.

— Что за нарядчики?

— От Хомутова. Государство ему место сдавало, а он платил ничтожно, и никто ему сдавать добытое не хотел. Ну, нарядчиков и держал. Чтоб, значит, кто не сдает, на его земле не робил.

— Кому же сдавали?

— Известно, частные скупщики во много раз больше платили.

— А сколько, все-таки?

— С голубиное яйцо рублей за двести шло.

— А как на сорта делились?

— Четыре сорта было. Хризолит первый сорт — крупный, чистый, зеленый. Второй сорт — мельче. Третий — зеленый, с трещинами. Четвертый — желтый.

— А сейчас, считаете, можно работать? Есть еще хризолиты-то, не всё выбрали?

— Можно, можно работать. И зиму, и лето, — зашумели, заволновались вокруг, кивая согласно головами.

— Ну, зиму, правда, нельзя, — поправил основной рассказчик. А можно работать, можно.

Разогретые воспоминаниями, собравшиеся один за другим наперебой принялись рассказывать о том, как работали в старину... В старину? В сущности, все это было не столь уж давно, но сколько воды утекло с тех пор!

Народу в сельсовете все прибывает. Около дверей столпилась молодежь. Пришли две молоденькие учительницы местной школы и, вытягиваясь через плечи других, стараются рассмотреть Бажова.

Стемнело. Посредине стола поставили лампу-молнию. Неловкость, какая обычно бывает при встрече между незнакомыми людьми, незаметно прошла. Старики поддакивали один другому, вставляли свои замечания, поправляли, если кто-нибудь говорил не так.

Павел Петрович сидел, облокотившись на стул и опустив глаза на раскрытый блокнот, лишь время от времени — когда задавал очередной вопрос — вскидывал

глаза на собеседника. Со стороны могло показаться, что он слушает плохо и не то погружен в свои мысли, не то дремлет. Но стоило замолчать очередному рассказчику, как немедленно следовал новый вопрос:

— На Иткуле теперь работают?

Или:

— А на Омутинке как?

И сейчас же вставлял сам:

— Ну, это один пропой был, а не работа.

Из этих реплик чувствовалось, как хорошо знает Павел Петрович здешние места, условия работы. И это еще более оживляло разговор.

— Помногу намывали?

— Всяко бывало. Иной раз на лапти только и зарабатываешь. Ну, фартнет, так сразу сапоги с набором.

— Пили, поди?

— Не без этого. Известно, в старо-то время всё богатство промеж пальцев шло. Найдет старатель золотины, полные ведра — дружок вина принесет и поставит посередь майдапа. Пей, кто хошь! Дескать, на мою жизнь хватит. Ну, и пропьет всё. А потом, почитай, нагишом снова мыть идет.

— Тоскливо было подолгу в лесу жить?

— А это кому как. Есть у нас тут одно место, низменное такое. В лесу. Ничего места, сырое маленько только, — логотинка, словом. Сдавня Веселым логом зовут...

— Веселым? Это — почему?

Полуопущенные веки поднялись, за ними блеснул огонек любопытства, карандаш в маленькой, по-женски округлой руке настороженно замер, готовый неторопливо вновь двинуться по бумаге.

Следует пространное и довольно запутанное объяснение, почему лог называли веселым, «веселухиным», упоминаются какие-то немцы, приезжавшие в эти места и ни с чем уехавшие обратно, озорная девица, посводившая будто бы всех с ума, и т. д., — но Павел Петрович быстро уловил суть и не спеша набрасывает ее на бумаге.

Многое в этих рассказах уже утратило реальные очертания, превратилось в живую, ходячую легенду; тем более это возбуждает настойчивый, упорный интерес Павла Петровича, будит в нем новые мысли и предположения, воспаляет воображение.

— А вот кто бы рассказал, как золото искали? — спрашивает он. — По каким приметам?

Беседа на минуту прервалась, произошла короткая заминка. Видимо, у стариков где-то в глубине сознания все еще жило по старой памяти опасение, привитое веками подневольной тяжелой доли, как бы не выдать своей тайны, своих испытанных, выработанных поколениями горщиков и известных лишь сравнительно узкому кругу людей приемов поиска благородного металла, своих немудрых, но крайне существенных «примет».

Однако они тут же вспомнили, что время теперь не то и человек, приехавший к ним, не тот, какие езживали прежде, «при старом режиме», что таиться не к чему и даже, более того, нехорошо, — и беседа возобновилась с прежней заинтересованностью с обеих сторон.

— Приметы — всякие. Главное дело — попутный лог найти...

— Какой, какой лог? — недослышав, переспрашивает Бажов.

— Попутный. Это — который с юга на север или с запада на восток идет, тот и попутный. Если его нет, и искать нечего. А есть — копай смело. Копашь до песочка, песочек — на вашгерд. Показалась бусинка-две — значит, надо мыть...

Примета эта, известная истари, не так уж наивна, как может показаться на первый взгляд. Вспомним, как образовалось россыпное золото. При разрушении реками твердых пород, в которых были заключены кварцевые золотоносные жилы, частицы, как наиболее тяжелые, задерживались, отлагались на дно. С веками реки исчезали, остались лишь лога. В любом районе можно подметить преобладающее направление течения рек и падение сухих логов. Это не могло ускользнуть от наблюдательного глаза добытчиков драгоценного металла. «Самоуком находили они нужные им «знаки», по-своему открывая законы геологического распределения горных пород. Так возник «попутный лог».

В книжечке, рядом со словами «долгая грудa», «веселухин ложок», появляется новая запись: «попутный лог». Туда же заносятся отдельные выражения, неожиданные словообразования и связанные с старательским делом, незнакомые в других местах термины, которыми обильно уснащена речь стариков.

Вообще Бажов записывал мало. Случалось, что за всю беседу или за целый день нескончаемых разговоров, встреч, передвижений в машине, пешком, на лошади, отберет всего одно-два слова (бывало и ни одного), но зато уж это действительно слова-«золотишки».

— А платину не мыли? — спрашивает он.

— Ну, как не мыли! Мыли. Сперва долго не знали, что за платина такая. Старики сказывали: из ружей вместо дробы стреляли. Тяжелая, тяжелее свинца.

...Беседа со старателями затянулась почти до полуночи.

— Приезжайте в другой раз, да пораньше! — приглашали полднечане, прощаясь. Другие напутствовали: — На Березовой горе в первую голову поищите. Богато место должно быть!

Косой Брод — старинное золотонискательское селыцо на восточном склоне Уральского хребта, родной брат деревни Полднечной. Избы крепкие, пятистенные, из столетнего леса. Все ложбинки, все русла высохших речек вокруг селения ископаны, перешарены руками старателей.

Выше села, у леса, видны новые большие дома городского типа. Там — пионерский лагерь, самый крупный в районе, куда на период летних каникул выезжают дети полевских рабочих и служащих, зюзельских горняков, северских металлургов. Место красивое, открытое. Быстро струится речка, разделяющая село на две неравные части. Берега ее не избежали общей участи — тоже перерыты и, видимо, уже давно: многие ямы затянуло буйной растительностью. Здесь, на берегу этой речки, был пайден не так давно тот четырнадцатикилограммовый самородок, слепок с которого хранился в кабинете секретаря райкома партии.

Есть здесь и колхоз. Мы сидим в правлении артели и беседуем с колхозным бригадиром.

— Лебеди у вас тут были, — говорит Павел Петрович, — на воротах. Не помните?

— Нет... что-то не припомню, — морщит лоб молодежь, молодой бригадир. — Да я вам сейчас стариков представлю, они всё должны знать. — И, обернувшись к присутствующему тут же мальчугану, наряженному, невзирая на теплое время года, в трех и стеганую кофту, командует: — Беги-ка к Михайле Степановичу! Пусть в правление сейчас идет. Скажи: человек ждет.

Минут через десять появляется Михайло Степанович.

Длинноносый, усатый, с небольшой бородкой. В солдатской мятой фуражке и в калошах, надетых поверх шерстяных носков. Разговаривает громко, почти кричит.

— Лебедей-то куда девали? — громко спрашивает, подсев к нему, Павел Петрович.

— Каких лебедей? — Старик прикладывает руку ковшиком к уху.

— На воротах-то сидели!

— Я не по тому делу...

— Ты не разобрался еще, — пытается разъяснить непонятливому или прикидывающемуся непопнтливым старику бригадир. — Ты расскажи. Ты ведь должен знать. Лебеди-то на воротах налешлены были, топором вытесаны.

— Вот где-то здесь, на въезде, — помогает Павел Петрович. — Дом небольшой, резьба интересная.

Нет, не помнит Михайло Степаныч о лебедях.

Пришел другой старик. Говорит медленно и деловито, строго глядя в лицо собеседнику. Опять начинается о лебедях.

— Не помню я, Иван Степаныч, — как бы оправдываясь, говорит первый старик второму.

— А я скажу — вспомнишь. Криуля стояла в виде гуся на воротах, на крыше... забыл?

Но так и не вспомнили, ни тот, ни другой, за исключением того, что «была криуля на манер гуся», а что за «криуля», к чему, — не знали. Не помнили и про то, куда исчезли деревянные лебеди.

— Жаль, — разочарованно говорит Бажов. — Хороший сказ я о них знаю. Хотел кой-какие детали в памяти восстановить.

Старики виновато поглядывают на него. Озабочен бригадир.

— Вы его спросите, как он на богомолье ходил, — понижая голос, советует бригадир. — Он тогда сразу разговорится.

Действительно, напоминание о богомолье оживило разговор.

— В Верхотурье я ходил, — охотно принялся рассказывать глухой. — Родитель на меня обет наложил. Женился я, взял, какую родителю не надо. А помириться охота, вот и ходил...

Пока продолжался рассказ о богомолье, в правление пришел, опираясь на железную трость, еще один старик,

самый старей из трех, — лет восьмидесяти, если не больше. Молча сел к столу, сложил обе руки на трости, поставленной между колен, и, опустив глаза на свои натруженные, морщишстые руки, погрузился в себя.

Глухой говорил теперь, уже не останавливаясь. Те двое только качали молча головами, соглашаясь с первым, да поддакивали время от времени.

— Расскажи, как робил, — направлял беседу бригадир.

— Везде я переробил. На золоте... На железном заводе пять лет. Горновой камень¹ добывал. И на конях робил. У Белкина коней гонял. День-от бегал за лошадьё, за пятнадцать копеек. А работа, известно, — не в бабки играть. Пока валят бадью, успевай отгрести. Валят без останову. Два года под бадьями стоял. Опосля в Кунгуре мыл, в воде золото видимо прямо! По фунту, по два добывали в день. Мелкой жушелки² бесчетно. Богато золото!

— Как «видимо»? — спрашивает Павел Петрович.

— Вода обмывает, золото-то и видать.

— Фартнуло, значит?

— Не-е... Припечатывали ведь.

— Ну да, прилипало!

— Не-е...

— Не случалось, значит?

Глухой хитро смеется.

— Калишка, какой-то старичонко был, ему сдавали по пять рублей. Пять рублей лучше, чем рупь восемьдесят!

— Ясно, лучше — соглашается Павел Петрович серьезно, но в тоне голоса чувствуется улыбка.

— Теперь государству золото идет, — продолжает тем временем глухой, уже не слушая никого. — Оттого и государство сильное стало. А раньше чужестранны много у нас вывозили...

— Какие чужестранны?

— Барон Бревер у нас тут был, — поясняет бритый старик, делая рукой знак глухому замолчать. — Усатиком звали. У него усы были — во! — показал он, разведя руками шире плеч. — В Германию золото отправлял. На конях гонять любил. Сам в полосатых штанах, с хлыстом,

¹ Тальк.

² Небольшие самородки весом в несколько граммов.

а на голове фуражка с долгим козырем. Раз на лошади гнал, она речку перепрыгнуть побоялась, он ее и застрелил. А потом, видно, жалко стало, что сгоряча застрелил, памятник ей поставил. Плиту на «Мраморе» делали.

— Тебе, поди, годов семьдесят? — неожиданно спросил первый старик, всматриваясь в Бажова.

— Близко к тому.

— Сколь и мне, значит.

— Не хватает маленько.

— Грамоте, поди, шибко обучен?

— Знаю маленько.

Глухой помолчал, пожевал губами и сказал, как бы в раздумье:

— Нынче можно учиться-то, не то, что раньше... Три зимы я только учился, дробь не учил, простые задачи нам давали. Раньше по закону божью нас донимали. Вот про Иисуса Христа житие. Его учили...

А о лебедях, которые так интересовали гостя, больше ни слова, как ни старались Павел Петрович и бригадир натолкнуть стариков на эту тему.

Только значительно позднее я понял, для чего нужны были Павлу Петровичу эти лебеди. «Криули» на воротах являлись важным звеном в цепи его догадок и умозаключений, на которых строился сказ «Ермаковы лебеди». Бажов помнил об этих лебедях с отроческих лет, но, не доверяя себе, хотел еще раз — уже в зрелом возрасте — убедиться, что такой знак существовал. Подозреваю, что исключительно из-за лебедей он поехал в Косой Брод, исключительно ради них беседовал со стариками.

* * *

От Косого Брода уже рукой подать до Мраморского завода, который мы видели из окна вагона в начале нашего путешествия. По пути заехали в пионерский лагерь.

Ребята рады были чрезвычайно. Высыпали из всех помещений, облепили машину.

Возгласы:

— Дедушку Бажова привезли!

— Не дедушку, а товарища Бажова!

— И не привезли, а сам приехал!..

Потом образовался круг, в середине которого — Павел Петрович. С приветственным словом к гостю выступила

юная полеванчка, с красным галстуком, в белой блузке-безрукавке и физкультурной синей юбочке-шароварах.

— Мы, юные пионеры, — начала она звонким голосом, — приветствуем Павла Петровича Бажова...

Внезапно детский голосок оборвался, наступило неловкое молчание. Павел Петрович заулыбался:

— Забыла.

— Мы, пионеры, приветствуем нашего дорогого земляка Павла Петровича Бажова...

— Опять пауза.— Павел Петрович просиял окончательно.

— Забыла дальше. Ну и ладно, — успокоительно заметил он. — Потом вспомнишь.

И на этом «торжественная часть» закончилась. Бажов опустился на поданное ему переносное «сиденье», низенькое, как вся мебель здесь; пионеры придвинулись вплотную, окружив со всех сторон, — началась непринужденная беседа.

Первый вопрос:

— А вы нам новые сказки привезли?

— Нет, не привез, — с виноватым видом развел руками Павел Петрович. — Не написал еще. Но напишу, — пообещал он.

— А вы откуда столько сказок знаете? — спросила маленькая толстушка с косичками, старавшаяся все время заглянуть в лицо Бажову.

— Я маленько вас старше, — ответил он. — Только на пятьдесят лет. У меня уж зуб один.

— Верхний, — сказал пионер, стоявший напротив.

— А Катюша в стену ушла, дак потом куда девалась?

— А вот в августе выйдет полный сборник сказов, там прочитай про две ящерки и — узнаешь. А рассказывать не буду, а то читать неинтересно будет.

Ребята засмеялись. Беседа в таком духе продолжалась около получаса; затем Павел Петрович вытащил откуда-то из-за пазухи часы, сверился со временем и стал прощаться.

Ребята не пускали его, тянули за рукав. Так, облепленный ими со всех сторон, под руку с двумя самыми маленькими пионерками, он дошел до машины. Человек пять ребят-мальчишек на село туда; их довезли до околицы, там высадили, и они помчались обратно. Павел Петрович провожал их ласковым отцовским взглядом.

Мраморский завод стоит около леса. Единственное здание рядом — контора завода. Рабочий же поселок находится в нескольких километрах за лесом.

Людей почти не видно. Во дворе возвышаются горы битых плит. Они периодически просматриваются и идут в перепиловку на плиты меньшего размера.

В старину завод готовил изделия для императорских дворцов: плиты, вазы, столы, каминь. Прославился художественностью и чистотой своей работы. В советское время перешел исключительно на выработку мраморных изоляционных плит и ступеней. За эти годы завод полностью механизирован. Ручной труд остался лишь в небольшом цехе, где понемножку вырабатываются из цветного мрамора различные настольные украшения и письменные приборы.

Раньше, чтобы распилить одну глыбу мрамора (блока), примерно полтора-два кубометра камня, требовалось полгода. Теперь машина пилит разом несколько десятков блоков, и наблюдают за этим всего несколько человек, — именно наблюдают, а не надрываются, как прежде, в тягелом, непроизводительном труде.

— А змеевика что-то у вас не видно? — спросил Павел Петрович, когда мы вышли из дверей завода.

— Не работаем его, — несколько смущенно ответил техрук.

— А зря. У вас же целая гора его. Твердоватей, конечно, мрамора, зато расцветка хорошая, лучше, чем изрядно надоевший серый мрамор. Надо осваивать новое сырье.

В четырех километрах от завода — мраморный карьер. На полпути между ними лежит поселок Мраморский. Примечательного в нем, пожалуй, сохранилось только два мраморных конусообразных столба эпохи крепостничества, стоящие напротив бывшей земской школы и камнерезной мастерской, да высокий мраморный столб на центральной площади, с солнечными часами наверху. Судя по надписи, столб водружен в 1773 году. Он слегка покоился, и часы утратили точность.

Но есть кое-что примечательное и другого порядка. Уже тогда, в 1939 году, шел разговор о том, чтобы возро-

дить старое камнерезное искусство мраморщиков, и не только возродить, но дать ему дальнейшее развитие, широко распахнуть двери перед молодыми дарованиями из народа. Это было осуществлено. В Мраморском открыли сначала профтехшколу с камнерезным уклоном в преподавании, затем на базе ее возникло специализированное ремесленное училище. Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в Полевском была устроена выставка работ молодых художников-камнерезов. Многие из них проявили незаурядные способности и умение обращаться с камнем. Выставка посвящалась П. П. Бажову. Ряд работ был выполнен на мотивы его сказов.

...Сразу за поселком, на дороге, начали попадаться куски мрамора. Местами целые блоки лежат в стороне.

— Вишь, рассыпали, — говорит Павел Петрович.

Хорошо — «рассыпали»! Кубометр мрамора — это три тонны. А есть блоки по несколько кубометров.

Вот — каменоломни. Домик под березой; близ него старая заброшенная выработка — «пазуха». Глубокая щель уходит вниз. Поперек ее проложены два бревна. С помощью воротка и этих бревен вытаскивали со дна «пазухи» двухсотпудовые блоки. Стенки «пазухи» — из чистого мрамора. От времени камень потемнел и пересечен наискось трещинами. Сверху массив мрамора едва прикрыт тонким слоем дерна.

Близ выработки сохранился вертикально вкопанный в землю столб. Вокруг него когда-то ходила лошадь, запряженная в вагу, вращавшую барабан на столбе. На барабан пакручивалась веревка, другим концом «зачаленная» за глыбу мрамора. Случалось, веревка, не выдержав тяжести, лопалась, и вагу со страшной силой отбрасывало назад. Лошадь и погонщика убивало на месте.

А вот современная разработка. Огромная выемка с почти отвесно падающими стенами: сверху донизу — сплошной сероголубой мрамор, зернистый и прекрасно поддающийся обработке. Чем глубже, тем плотнее, качественнее мрамор. Мрамора-сырца лежит здесь (и в окрестностях) миллионы кубометров. На наших глазах гусеничный «сталинец», зацепив тросом, легко тащит блок на поверхность с двадцатиметровой глубины. Трехтонная глыба медленно, но податливо ползет вверх по склону. Отжил свой век дедовский вороток!

Самой трудной была транспортировка мрамора. Здесь помнят, как в первые годы после революции, когда устанавливали памятник В. И. Ленину в Нижнем Тагиле, нужно было вытесать две половинки земного шара, на котором потом встала отлитая из каслинского чугуна фигура бессмертного учителя трудового человечества. Делали их прямо на карьере. Везли до станции летом на саних, сколоченных из бревен. Упряжка была из пятидесяти лошадей. Несколько лошадей покалечили во время перевозки. Везли трое суток каждую половинку.

Теперь благодаря трактору добыча и транспортирование мрамора стали несложным делом. Трактор без особого напряжения везет три кубометра. А «сталинец» на прицепах с гусеничным ходом ухитряется тащить даже до десяти кубометров, то есть тридцать тонн мрамора за один рейс.

Мраморщики и мраморный завод нашли свое место в очерке Бажова «У старого рудника», упоминаются и в ряде сказов. Мраморное дело неоднократно привлекало пристальное внимание писателя.

Вот и сейчас: Павел Петрович долго стоял на краю выработки, сосредоточенно наблюдая, как глыба, влекомая тросом, упрямо выползала наверх, потом сказал:

— Буровит сколько... красота! А было — страшно вспомнить.

* * *

— Протрясло, парень, мой бронхит-то, — говорил Павел Петрович вечером на квартире у Бессоновых. — Жена в тревоге была, а, выходит, на пользу пошла поездка!

Несмотря на ежедневные разъезды, утомительные, пожалуй, и для молодого, он ничуть не чувствует себя разбитым. Только, когда возвращались домой, сказал:

— Целый день все сидел, а ноги устали. Теперь два часа курить буду!

— Стоя у стола?

— Обязательно.

И вот теперь попил чайку, запалил папиросу (трубку тогда он, кажется, еще не курил) и благодушествует в своей излюбленной позе — стоя у стола, в полусогнутом, неудобном, казалось бы, положении, опираясь локтями на угол столешницы. На предложение — сесть, чтобы дать роздых ногам, категорично отвечает:

— Ни-ни. Так лучше — привык. У меня для этого дома подушечка есть. Под локти. Всегда так отдыхаю.

После поездки на «Мрамор», в Косой Брод, разговор, естественно, вертится около камней, золота и прочего.

— Аптекарьские весы у тебя. Золото, видно, принимаешь! — шутит Павел Петрович, кивая на лабораторные весы, стоящие за стеклом в книжном шкафу. — А все-таки педоволен я, — говорит он, вспоминая посещение мраморного завода, — что ни одной станции метро из змеевика нет. Не умеем еще мы, уральцы, свои богатства показывать.

Он долго критически рассматривает на столе мраморный письменный прибор довольно неуклюжей работы и говорит:

— Мне раз так же вот один дед подарок преподнес. Целую плиту вырубил да письменный прибор и сгрохал. Полпуда весом. Подарок от чистого сердца!

Он заразительно смеется, забрасывая голову назад и выставляя бороду, затем закашлялся, на глазах выступили слезы — бронхит все-таки напоминает о себе. Потом, прокашлявшись, продолжает:

— Большой мастер был на выдумки старик! Баню из горнового камня вздумал сделать. Гладенькая банька вышла. А как водой дадут, так стены и потекли. А он хвалится: «Ничего не заведется в таком жару!» В другой раз опять сапоги изобрел с подошвой, которая не носится. Стелька железная. Ходил только в церковь. Ясно, износу не было! А он гордился...

Наши хозяин — отчаянный фотолобитель. Ящики письменного стола доверху забиты фотографиями. Тут и гора Азов, и другие окрестности Полевского, сам поселок, собственные ребятишки во всех видах. Многие фотографии будят в Павле Петровиче воспоминания.

— Совершенно забыл Глубочинский пруд, — говорит он, поднеся близко к глазам снимок какого-то озера и долго рассматривая его. — А ведь вот какой-то кусок жизни!

Наша последняя поездка — на Марков камень.

Долго думали, на чем ехать: на лошади или на автомобиле? На лошади — долго, на машине, говорят, не проехать. Набрались храбрости и поехали на автомобиле.

С каждым километром верный «газик» уносит нас всё дальше в глубь леса. Глушь невообразимая. Вот уже с полчаса, как расстались с лесобазой, и не повстречали ни

одной живой души. Дорога идет, как в коридоре, между двух стен леса. Сначала шел березняк. Машина свернула вправо. Неожиданно пошел сосняк. Местность слегка всхолмленная. Лес как бы стремится сгладить неровности земли: в низинах он выше, тянется вверх, на вершинах холмов — принижен, не так густ.

Напрямик проехать из Полевского к Маркову камню невозможно — болота. Приходится делать объезд, что в два с лишним раза длиннее.

Сегодня мы забираемся уже за пределы района: Марков камень стоит ближе к Сысерти, чем к Полевскому. Но все это — территория бывшего Сысертского горного округа. А наше путешествие можно было бы смело называть путешествием в прошлое — так много старины встречаешь здесь на каждом шагу.

Дорога разветвляется. Куда ехать? Взяли наугад влево. Едем, едем, и даже спросить не у кого — правильно ли едем. Шофер неожиданно заявляет:

— Правильно.

— Почему?

— Трактор шел.

Верно, на земле видны следы гусениц. В какую глухомань только не идут эти следы!

Выехали на открытое место. Над давней вырубкой подымается молодая березовая поросль. Сзади стена леса. Далеко впереди — тоже. А вправо и влево далекая перспектива — холмы, холмы, холмы.

Стоп! Дорогу пересекла полоса воды. Неужели глубоко? К счастью, глубина не больше дециметра. Шофер «дал газу», и машина, подняв из-под колес каскады брызг, вынеслась на пригорок. Дорога резко свернула в сторону.

На очередном разветвлении пути впереди возник столб с дощечкой. На дощечке надпись:

На Марк. кам.

Заросли кустарника кончились. Опять начался сосновый бор. Дорога сразу сделалась сырой, вязкой, местами настоящее болото. Как бы не засесть!

Но нет; на всех опасных участках дороги насыпан валежник, а то и настоящая слань из жердей сделана. Хоть тряско, зато проходимо.

Опять столб с надписью:

Заповедник

Лес в заповеднике захламлен невероятно. Когда-то тут пронесся лесной пожар. Подгоревшие деревья упали. Над ними успели подняться молодые, а обгорелые стволы продолжают лежать черные, безжизненные, медленно зарастающие травой. Лежат целые штабеля бревен, тысячи кубометров сухих, горючих, как спички, дров.

На очередном столбе надпись:

*Помни! Огонь — это стихия.
Будь с ним осторожен!*

— Столб с воззванием поставили, а вот прибрать лес не соберутся! — ворчит Павел Петрович.

Его хозяйский глаз замечает всякий непорядок.

Проехали длинную слань через ручей. Говорят, что это один из истоков Чусовой. Трудно поверить. Ручей мал, тих, шириной в один метр, глубиной того меньше. Струится тихонечко в болоте, упрятавшись от солнца под низко нависшие ветви берез.

Лес то сожмет дорогу, то расступится, открывая на высоких местах горизонт. Всё холмы, увалы... нет конца им! Время от времени близ дороги попадаются большие камни, как бы предвестники близости Маркова камня.

Дорога спускается в глубокий обрывистый лог. Через лог переброшен мосточек, довольно ветхий на вид. Под мостиком речка. У моста путь пересекает широкая, прямая просека, уходящая в глубину леса. Это тракторная трасса. Зимой по этому пути тракторы вывозят заготовленную за лето древесину. Еще несколько километров, и машина вкатывается на большую вырубку. Стоят добротные, новенькие бараки. А где же Марков камень?

Марков камень в сотне метров, в лесу. Только не так уж глухо теперь около него, как в те времена, когда складывался устный сказ о Марке Береговике. Вырос у подножия камня городок лесорубов, новая жизнь пришла и обосновалась накрепко.

Стало понятно, почему на глухой дороге к Маркову камню стоят указатели и сама дорога по возможности поддерживается в пригодном для проезда состоянии.

Здесь — лесозаготовки. В ближайшие годы они примут еще больший размах.

По тропинке поднимаемся к камню.

Гранитным клыком выдался над лесом Марков камень. На плоской вершине его прикрепленная стальными тросами, чтобы не снесло в сильный ветер, новенькая светложелтая пожарная вышка. На вышку ведет высоченная лестница, срубленная из целых бревен и упирающаяся нижним концом в два дерева.

Взбираемся по лестнице. Павел Петрович следует позади, деловитый, спокойный, как всегда. Высоко. Спирает дыхание.

На верхних перилах кто-то из работников пожарной охраны очень остроумно и просто устроил солнечные часы. Вертикально вбит гвоздь. Вокруг гвоздя обведена карандашом окружность, разбитая на деления. Каждое деление соответствует получасу. Гвоздь отбрасывает тень, которая, по мере движения солнца по небосводу, перемещается по окружности. Вот и вся механика.

Проверили эти самодельные «ходики» по карманным часам. Точно! Расхождение в пределах десяти-пятнадцати минут.

Абсолютная высота камня — 416 метров. Под ногами бескрайний океан леса, темнозеленый, чуть волнистый, торжественный. Синеватым светлым пятнышком проглядывает вдали озеро Щучье. На много километров вокруг, если не считать барачных лесорубов, — ни одного селения.

Здесь, на камне, до недавнего времени существовала надпись: «Марк Петрович Турчанинов». Не подумайте, что отсюда пошло название камня. Нет. Пошло оно от полевого рабочего Марка, по прозвищу Береговик, который укрывался здесь вместе с женой от турчаниновского произвола. А уж потом, когда стали звать камень «марковым», появилась на нем эта надпись.

В устных рабочих сказах сохранилась подлинная история вольнолюбивого Марка Береговика, в глухую пору крепостничества поднявшего свой голос против рабства.

В последний раз мы поднялись на гору Думную.

Посвежело. На Думной гуляет ветер, раздувает полы пальто Павла Петровича, который, не отрываясь, медленно обводит взглядом горизонт.

Вон, накрытый облаками, синее Азов. Там, у подошвы его, богатый рудник Зюзелька — «Сипошкин колодец». Вон, плоский, как зеркало, блестит в долине Северский пруд. Тоже, говорят, лежат на дне его медные и другие руды. Дым «Криолита» закрывает Гумёшки... Думная... В старину в ней тоже был медный рудник.

— Вот тут, — говорит, нарушая молчание, Павел Петрович, — дедушко Слышко и рассказывал нам, ребятам, свои истории... О чем рассказывали в старину? Грамота была недоступна крепостному человеку. И мысли свои показывать было нельзя. Вот и прятали их — и мысли, и мечты, и желания — в устных сказах-легендах, которые передавали один другому. В сказах же объяснялось многое, что казалось тогда непонятным. К примеру, откуда такое скопление руды и малахита в Гумёшках, кто оставил там ямы-копани. В сказах бедный человек одерживал верх над богатым. В сказах же, уж коли приходилось невмоготу, он уходил «за камень», за Урал. И было это отзвуком действительности: беглые, примкнув к вольнице, шли в Сибирь. Сказывать сказы находились особые мастера. Мне выпало счастье слышать такого мастера — дедушку Слышко...

И Павел Петрович опять погружается в раздумье. Сегодня он прощается с родными местами — с Полевским, с Зюзелькой, с Азовом, снова перебирая в памяти впечатления последней недели, шестидневную поездку на машине... Кто знает, когда увидит еще?

— Слышко говорил, — вспоминает Павел Петрович, — пещера под Думной завалена. Мне ее увидеть не довелось. А вот как медь на Полевском плавил — помню. Мы, ребята, медную пену собирали. Когда медь плавят, ткнув березовой жердью — брызги на крышу выбрасывает. Считалось, что таким образом медь от примеси очищается. Хорошо. Мы эти застывшие брызги собирали — разменный знак для игры в бабки. Крупная, с бекасинник, — пять бабок. Редкая белая — десять бабок. А в народе эту медную пену пили как лекарство. От желудка там или еще от чего. Кажется — предел невежества? А вот теперь оказывается, что это была не медь, а сопутствующий ей висмут. Висмут же применяется в медицине как лечебное средство. И как раз при болезнях желудка. Не так уж глупо получается...

Напоминаю о цапле, которую мы рассматривали в первый вечер своего пребывания в Полевском.

— Цапля? Это— тоже деталь. Каждый владелец завода старался себя перед другими поинтереснее выказать. Ну и — фабричный знак. Для этого у Яковлевых был «старый соболю», у Демидовых — медведь. А здешний-то, Турчанинов, вот цаплю придумал. Дескать, птица и не так чтобы слишком большая, а летает высоко... Знай-де наших, хоть мы и победнее других. Против других-то Турчанинов был пожиже маленько. Это у них в крови было — гнаться за чем-нибудь таким, чтобы хоть чем-то быть на отличку...

Павел Петрович стукнул палкой о замшелый камень, лежавший у его ног, последил за тем, как камень, шурша, катился вниз по склону, и продолжал:

— Ну, а если глубже копнуть, то можно сказать еще и другое. Всякая геральдика всегда была в особом ходу за границей. Значит, подражали. Тянулись за всем иностранным. Отсюда и погоня за титулами, особенно за заграничными. Один в ранге «сухопутного капитана», хотя никаким капитаном никогда не был; другой — «князь Сан-Донато»... Тоже итальянский вельможа выискался! Или Злоказов, бывший владелец Полевского сернокислотного завода, получил... купил, правильнее сказать, звание баронета Англии. Русский купчина, Англию в глаза не видал, и вдруг — баронет Англии?! Так и жили — гнались за всем иностранным, иностранному подражали. Отсюда и знак — цапля. Это они знали. А свое ни во что не ставили. Взять, к примеру, Демидовых. Первые-то Демидовы, хоть крепостники были, а крупные деятели. Дело знали. Последние же даже по-русски говорить не умели, все по заграницам жили. А Россия — что им? Денежный мешок, источник существования. Им одно было важно: была бы мощна потолще. Вот так-то... А это уж самое последнее дело — за чужим гнаться, перед каждой чужестранной дрянью благоговеть, а свое — в грязь топтать. Самое последнее дело.

Заключительные слова Павел Петрович произнес тоном сурового осуждения. Помолчав, добавил:

— Теперь всё это — уж предмет истории. И хорошо. Всех из кона вышибли. Но пример поучительный. Поучительный для тех, кто свою цаплю хотел бы выше всех воткнуть. А такие охотники еще не перевелись. Думают:

если я золотым мешком владею, могу весь мир переиначить по-своему, всех — под свой кулак... Но переведутся. Переведут!

Ветер гонит по небу облака, освещенные закатным солнцем, непрерывно меняющие свои очертания.

Красные полосы прорезались на голубом фоне неба. На этом фоне четко рисуется фигура человека, сидящего на остром выступе скалы. Чуть согнувшийся под бременем лет, с длинной седой бородой и ясными, как у ребенка, глазами, таким остался в моей памяти Павел Петрович Бажов, мастер русского слова, следопыт уральской горнозаводской легенды, писатель из народа и для народа.

СОДЕРЖАНИЕ

Боголюбов К. В. — Павел Петрович Бажов	3
Кельник В. В. — Начало пути	27
Гельгардт Р. Р. — Об исторических мотивах в сказах П. Бажова :	69
Рождественская К. В. — Воспоминания о Бажове .	173
Рябинин Б. С. — По следам легенды	226

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БАЖОВ

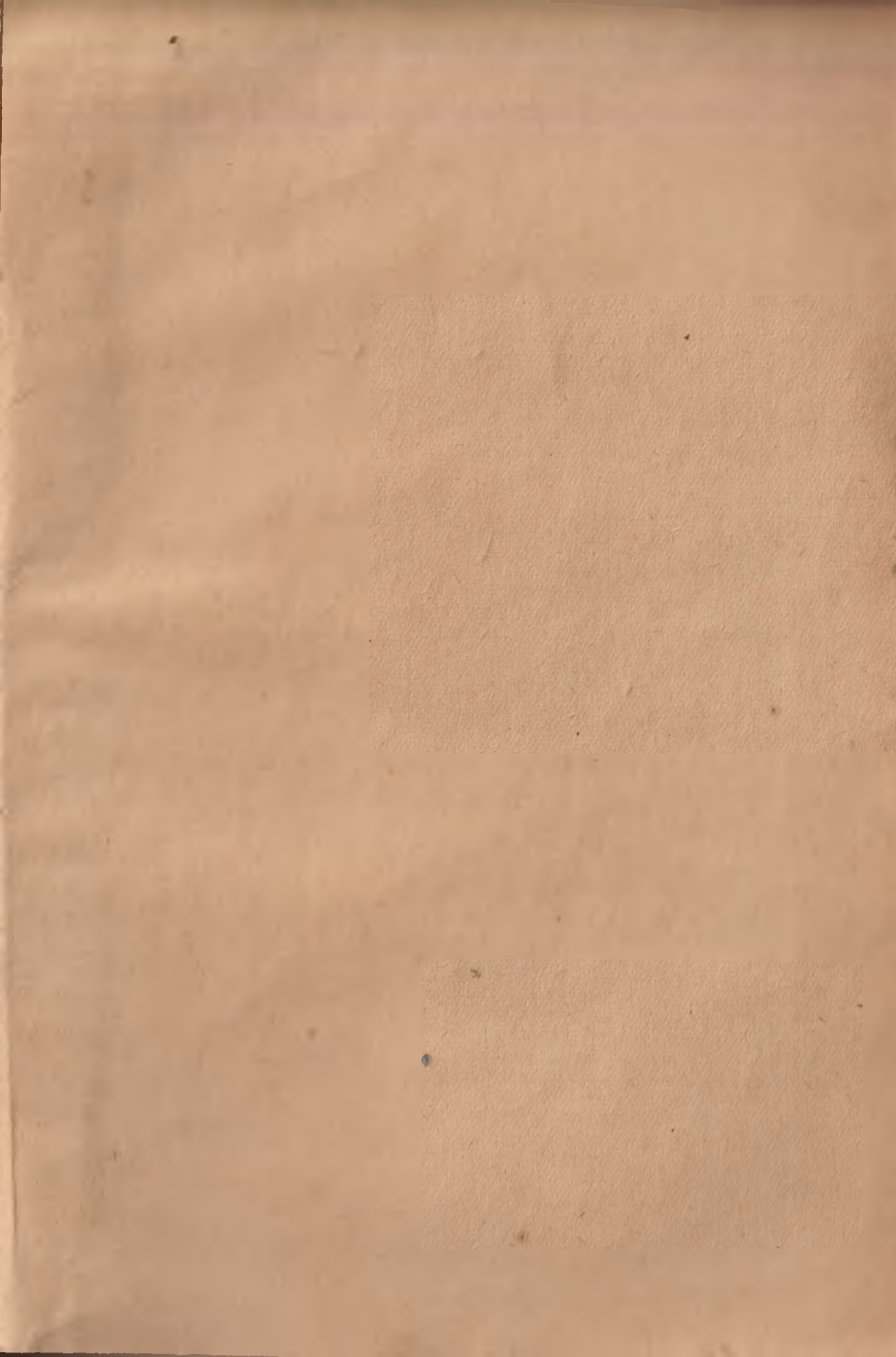
Сборник статей и воспоминаний

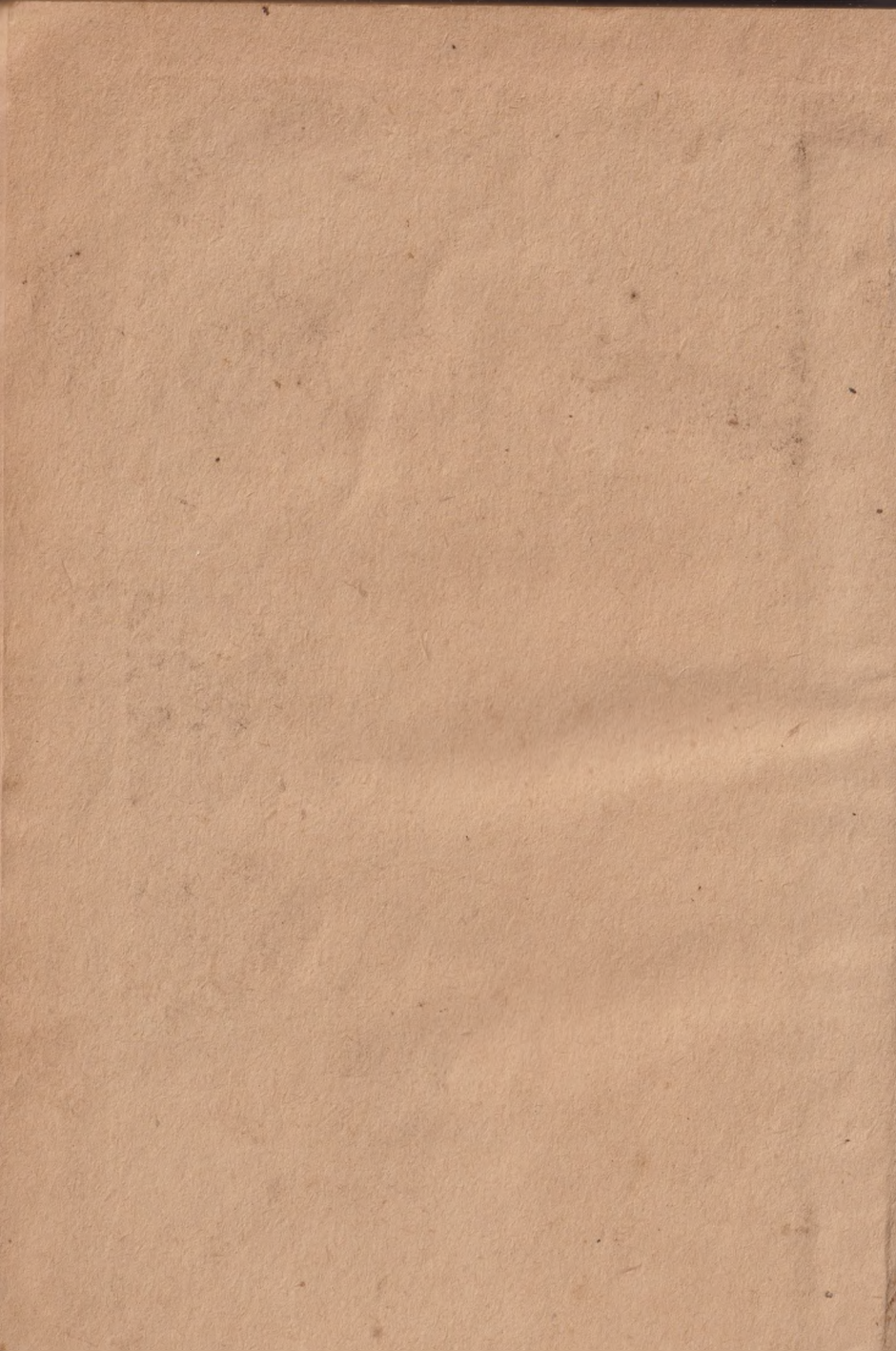
Художник *В. И. Дудин*
Техн. редактор *К. И. Лапрун*
Корректор *Л. И. Воронова*

Подписано к печати 13/IV 1955 г.

Бумага 84×108 ¹ / ₃₂	4,18 б. л. = 13,73 печ. л.	Уч.-изд. 13,99 л.
ЛБ06238	Тираж 5000 экз.	Цена 6 р. 85 к.
Молотовское книжное издательство, ул. Карла Маркса, 30.		

2-я книжная типография Облполиграфиздата.
Гор. Молотов, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 1389.

Цена 6 руб. 85 коп.

МОЛОТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОЛОТОВ — 1955